

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

УЧЁНЫЙ®

международный научный журнал

Языковые процессы
в современной русской прозе

Тайны художественного текста:
каким методом
лингвистики

Актуальные проблемы стилистики
и анализа текста

Языковая компетенция
художественного текста

17
2016
Часть VI

16+

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Международный научный журнал

Выходит два раза в месяц

№ 17 (121) / 2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам

Авдюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

На обложке изображена Галия Дуфаровна Ахметова (1954–2015) — филолог, профессор, член Союза писателей России, первый главный редактор журнала «Молодой ученый»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе eLibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук, доцент (Армения)*

Арошидзе Паата Леонидович, *доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)*

Атаев Загир Вагитович, *кандидат географических наук, профессор (Россия)*

Ахмеденов Кажмурат Максutowич, *кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)*

Бидова Бэла Бертовна, *доктор юридических наук, доцент (Россия)*

Борисов Вячеслав Викторович, *доктор педагогических наук, профессор (Украина)*

Велковска Гена Цветкова, *доктор экономических наук, доцент (Болгария)*

Гайич Тамара, *доктор экономических наук (Сербия)*

Данатаров Агахан, *кандидат технических наук (Туркменистан)*

Данилов Александр Максимович, *доктор технических наук, профессор (Россия)*

Демидов Алексей Александрович, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, *доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)*

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, *доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)*

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, *доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)*

Игисинов Нурбек Сагинбекович, *доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)*

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, *кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)*

Кайгородов Иван Борисович, *кандидат физико-математических наук (Бразилия)*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Козырева Ольга Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Россия)*

Колпак Евгений Петрович, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Лю Цзюань, *доктор филологических наук, профессор (Китай)*

Малес Людмила Владимировна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Нагервадзе Марина Алиевна, *доктор биологических наук, профессор (Грузия)*

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, *кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)*

Прокопьев Николай Яковлевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Прокофьева Марина Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)*

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, *доктор философских наук, профессор (Россия)*

Ребезов Максим Борисович, *доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)*

Сорока Юлия Георгиевна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Узаков Гулом Норбоевич, *доктор технических наук, доцент (Узбекистан)*

Хоналиев Назарали Хоналиевич, *доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)*

Хоссейни Амир, *доктор филологических наук (Иран)*

Шарипов Аскар Калиевич, *доктор экономических наук, доцент (Казахстан)*

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Галина Анатольевна

Ответственные редакторы: Осянина Екатерина Игоревна, Вейса Людмила Николаевна

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич, Голубцов Максим Владимирович, Майер Ольга Вячеславовна

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

Тираж 500 экз. Дата выхода в свет: 1.10.2016. Цена свободная.

Материалы публикуются в авторской редакции. Все права защищены.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

- Бровкина А. А.**
Выставочная деятельность журнала «Мир искусства» 495
- Зяц Т. М.**
Проблемы интерпретации греческой архитектуры в средовом дизайне..... 497
- Щетинина Н. А.**
Издательская деятельность «Арт-галереи Щетининых» как пример реализации просветительской функции частных художественных галерей Алтая 499

ФИЛОЛОГИЯ

- Бабиян Т. В., Федосова В. И.**
Лингвокультурные особенности русской народной сказки и ее английского эквивалента в компаративном аспекте исследования..... 504
- Бартков Б. И.**
Комплементарная семантика конверсификсов английского языка: количественный подход. Часть вторая..... 508
- Белов Д. Н.**
Английский язык в Китае 515
- Волковинская Н. А.**
Лексикографическое и психолингвистическое значения слов 518
- Гао Япэн, Янь Цзюнь**
Юридический перевод в рамках скопос-теории 521
- Герасимова А. П.**
Экспрессивные средства рекламного текста 523
- Зимина Н. В.**
Категориальный признак «социальная иерархия» в семантике немецкого глагола *befehlen*..... 525
- Злобина Ю. И.**
Гиперязык как способ художественной коммуникации в информационном обществе 528

- Леонова Д. Ю.**
Торговые отношения с Китаем. Контракты на поставку: требования, особенности оформления, анализ перевода 531
- Маломожнова Е. С.**
Сходства и различия заговоров славянских народов 535
- Назари Ф. Т.**
Изучение вводных слов с персеязычными студентами на уроках русского языка 538
- Панин В. В.**
Метафорический перенос в английском сленге 542
- Паршина Т. В.**
О познании предметной области студентами-переводчиками 544
- Петрова М. Г.**
Репрезентация концепта «Деньги» в испанской языковой картине мира (на материале кастильского диалекта)..... 547
- Рассказова М. А.**
Дьявольское искушение в русской литературе XIX века..... 551
- Рузметов Х. К., Сапаева Д. Н.**
Жорж Дюруа: феномен «Милого друга» 555
- Sabirova K. M., Boltayev U. X., Yuldashova G. O.**
Problems in translation with their own solutions 557
- Сергеева А. О.**
Концепт «любовь» в лирике Пушкина 558
- Khamidova N., Sidorchenko K.**
Using pedagogical technologies in polylingual analysis of language games (in materials of mass media in the Korean language)..... 560
- Ersoy D.**
The reflection of symbols in everyday life 561

ФИЛОСОФИЯ

- Макеева Е. А., Кондрашова К. Э., Литвинова М. А.**
Гносеологические и воспитательные основания метода Сократа 566

Макеева Е. А., Кондрашова К. Э., Литвинова М. А.	
Показатели социальной и нравственной зрелости личности.....	568
Макеева Е. А., Кондрашова К. Э., Литвинова М. А.	
Созидательная природа добра	571
Макеева И. А., Макеева Е. А.	
Истинное значение слова как основа деятельности человека	573
Макеева И. А., Макеева Е. А.	
Единство мира и мышления в философском сознании	576
Сапаров Б. Б.	
Духовное наследие как мировоззренческий фактор	579

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Выставочная деятельность журнала «Мир искусства»

Бровкина Анастасия Алексеевна, магистрант
Санкт-Петербургский государственный университет

В конце XIX — начале XX века литературно-художественные журналы в России становятся не просто периодическими изданиями, а идейно-творческими центрами формирования эстетического вкуса публики, выступают рупорами новых веяний в искусстве. Такие журналы нередко представляли собой объединение представителей какого-либо художественного течения, а на их страницах происходила пропаганда выбранного ими направления.

Особой стороной работы таких периодических изданий была экспозиционно-выставочная деятельность. Организация выставок позволяла редакциям продемонстрировать свои программные установки и эстетические предпочтения.

Европейский опыт устройства такого типа выставок нашел воплощение в деятельности модернистских литературно-художественных журналов России начала XX столетия. Таким был журнал «Мир искусства». В России именно он стал пионером в деле устройства художественных выставок, организуемых литературно-художественными журналами. Затем традицию продолжили журналы «Золотое Руно» и «Аполлон».

В январе 1898 года «первое выступление «Мира искусства», но пока еще не под этим названием» [3, с. 39] — Выставка русских и финляндских художников — была открыта в музее А.Л. Штиглица. Она состояла из 295 произведений 30 авторов, среди которых были члены упомянутого кружка, а также Е.Е. Лансере, К.А. Сомов, С.В. Малютин, М.В. Якунчикова, М.А. Врубель, А.М. Васнецов, М.В. Нестеров, Л.О. Пастернак, В.Е. Пурвит, А.П. Рябушин, Я.Ф. Ционглинский, финны В. Блюмстед, А. Галлен, В. Вальгрэн, П. Галонен, Б. Лагерстам, А. Гебгард, А. Эдельфельд, Э. Ярнефельд, М. Энкель и др. [4, с. 195] С.П. Дягилев рассматривал финских деятелей искусства как членов объединения «Мир искусства», говоря «<...> они ведь тоже русские» [2, с. 28].

На выставке были показаны акварели, пастели и рисунки. Произведения скульптуры были представлены работами А.Л. Обера, В. Вальгрена и М.А. Врубеля.

«Мир искусства» открывал публике новые имена: на выставке впервые внимания удостоились работы Кон-

стантина Сомова. Некоторые из его работ приобрел Великий князь Владимир Александрович, а также Гельсингфорский музей.

Все это демонстрировало совершенно новый подход к формированию экспозиционной коллекции: картины и скульптуры выставлялись рядом с акварелями и рисунками, эскизами декораций и монументально-декоративными работами. Дягилев объединял работы мастеров не по принципу принадлежности их творчества к какому-либо стилю. Он скорее обращал внимание на индивидуальность стиля художника, на его даровитость и талант.

Уровень выставки был очень высок, ведь С.П. Дягилев — редактор журнала и устроитель выставки — провел тщательный и продуманный отбор картин. Он также уделил большое внимание внутренней отделке выставочного зала. На открытии в присутствии представителей царской фамилии играл оркестр.

Многие искусствоведы давали положительную оценку салону Дягилева. Но были и те, кому выставка показалась бунтарской (может, она и была таковой, но только в эстетическом плане) и направленной против общественных устоев и традиций. Ее нарекали декадентской. Особенно осуждал В.В. Стасов, влиятельнейший критик и приверженец живописи передвижников. Он назвал выставку «оргией беспутства и безумия», а Дягилева — «декадентским старостой» [5, с. 221]. «Ответ В.В. Стасову», написанный Дягилевым, был направлен в редакцию газеты «Новости», где выступил критик, но редактор — О.К. Нотович — напечатать что-либо против столь авторитетного художественного критика не решился.

Что особенно показательно: Выставка русских и финляндских художников вызвала международный интерес. Вскоре после ее закрытия в Петербурге Дягилев получил предложение показать ее в Мюнхене в качестве русского отдела ежегодного Сецессиона. Выставка побывала в Мюнхене, Дюссельдорфе, Кёльне и Берлине.

18 января 1899 года все в том же Музее барона А.Л. Штиглица открылась первая официальная выставка картин журнала «Мир искусства». Это была «грандиозная Международная выставка, на которой впервые

наша публика рядом с произведениями русских мастеров могла видеть первоклассные картины Ренуара, Дега, Леона Фредерика, Бенара, Уйтслера, Казена, Симона, Раффаели, Больдини, Либермана, Лермита, Ленбаха, Латуша, Кондера, Карриера, Брэнгвина и мн. др». [1, с. 49]. Вновь участвовали финские художники В. Блюмстед, А. Галлен, М. Энкель, Э. Ярнефельд, А. Эдельфельд. Зарубежная экспозиционная часть демонстрировала различные стилевые направления: реализм, импрессионизм, модерн. Были показаны предметы декоративно-прикладного искусства. Среди них ювелирные украшения известного в то время француза Р. Лалика, а также вазы американца Л.—К. Тиффани. Показ произведений декоративного искусства был одним из важнейших пунктов эстетической программы С.П. Дягилева. Так он стремился познакомить отечественного зрителя с развивающейся областью творчества, а также показать, что представители русского искусства держат руку на пульсе событий художественного мира и могут не только перенимать идеи от Запада, но и самостоятельно формировать общественные вкусы.

Как и на Выставке русских и финляндских художников, на этой присутствовала царская семья, что говорит о высоком уровне мероприятий «Мира искусства». Однако тот факт, что её представители приобрели с выставки совсем незначительное количество работ, демонстрирует «господствующие в высшем свете консервативные художественные вкусы» [4, с. 198–199].

Первая выставка журнала вновь вызвала интерес в прессе и художественной среде. Не любивший и до этого деятельность «Мира искусств» В.В. Стасов, на этот раз не изменил свою позицию и отозвался о выставке крайне отрицательно. Он опубликовал две статьи с громкими и довольно оскорбительными заголовками «Нищие духом» [5, с. 232] и «Подворье прокаженных» [5, с. 257], в которых он продолжал упрекать «Мир искусства» в декадентстве. Не оценил выставку и числившийся тогда сотрудником журнала И.Е. Репин. Его письмо о дальнейшем отказе от участия в работе редакции (письмо отправил в журнал «Нива») стало поводом для ответной реакции С.П. Дягилева. Художник расходился с «Миром искусства» прежде всего в художественных взглядах: он не поддерживал нападков «мирискусников» на академическую, а также передвижническую, живопись.

В целом, выставки «Мира искусства» всегда носили противоречивый характер. Возможно, причина кроется в том, что журнал все еще не имел определенной, строгой программы. Экспонаты на выставки, как и репродукции картин для печатания на страницах журнала, выбирались, прежде всего, на основе даровитости и таланта художника, а не его стилистической принадлежности.

Стоит отметить, что повторить международные выставки «Миру искусства» больше не удалось, хотя предполагалось устраивать их ежегодно. Поэтому «за неимением средств созывать истинные таланты со всего

света» [5, с. 49–50] журнал ограничился отечественными художниками. Они были представлены на второй выставке журнала.

Она открылась в Музее Штиглица 28 января 1900 года. На этот раз Дягилев экспонировал только работы отечественных художников. Помимо ранее участвовавших авторов выставлялись работы В.М. Васнецова, М.С. Боткиной, А.С. Голубкиной, Н.В. Досекина, Д.Н. Кардовского, Е.С. Кругликовой. Всего на выставке было 220 картин 31 автора. Эта выставка оказалась последней, устроенной под личным руководством С.П. Дягилева. Потому как впоследствии ответственность за организацию выставок журнала делегировалась также А.Н. Бенуа и В.А. Серову.

Выставка в залах Академии художеств открылась 10 января 1901 года. Она демонстрировала 238 работ 32 художников. Новыми на ней были В.Н. Бакшеев, Н.А. Околович, А.А. Рылов, С.А. Виноградов и С.И. Светославский. Особенностью выставки стал отдельный павильон, в котором посмертно были выставлены произведения И.И. Левитана. Исследователь выставочной деятельности в Петербурге начала XX века Д.Я. Северюхин отмечал, что этот раздел стал успехом С.П. Дягилева, ведь картины выдающего художника, безвременно ушедшего, публика увидела на выставке «Мира искусства», а не Товарищества передвижных художественных выставок [4, с. 203].

Важно отметить, что организаторы продемонстрировали важнейший эстетический критерий выставочной деятельности журнала — особое внимание к оформлению интерьера. Правильно устроенное внутреннее пространство, в котором выставляются картины, создавало необходимое ощущение цельности и гармонии всей выставки. Поэтому С.П. Дягилев отдал приказ произвести переустройство залов Академии. Были сделаны специальные навесные деревянные конструкции в определенной цветовой гамме.

Как и все предыдущие выставки, третья вновь вызвала полемику. Отзывы на этот раз были преимущественно отрицательными. Здесь, как и прежде, особенно отличились газеты «Новости и Биржевая газета» в лице главного редактора деятельности «Мира искусства В.В. Стасова и «Новое время». С большой положительной рецензией в газете «Курьер» выступил Сергей Голоушев (наст. фамилия Глаголь), русский художник, художественный и театральный критик. Он назвал выставку одним из самых ярких явлений современной художественной жизни. В очередной раз экспозицию посетила царская семья. Все это говорит о том, что выставки журнала по-прежнему были заметным событием в русской художественной жизни.

После этого «Мир искусства» организовал еще две выставки — в марте 1902 года и феврале 1903 года. Первая расположилась в залах «Пассажа», продемонстрировав более 200 произведений, среди которых были предметы декоративно-прикладного творчества (старинная мебель,

художественное стекло, майолики гончарной мастерской Абрамцево). Примерно через полгода с небольшими изменениями в экспозиционной коллекции она была привезена в Москву. Так впервые московская общественность увидела выставку «Мира искусства».

Выставочная деятельность журнала всегда вызывала полемику в прессе, что способствовало еще большей его популярности. Свою задачу — знакомство русской публики с работами представителей новейших течений в ис-

кусстве — «Мир искусства» выполнял вплоть до самого своего закрытия.

Выставки «Мира искусства» без преувеличений стали культурным феноменом в художественной жизни Петербурга начала XX века. Дягилев не только открыл новую форму общения редакции журнала с читателем и новый способ пропаганды эстетических воззрений журнала. Выставки, устроенные под его руководством, стали образцом организации салонов, феноменом своего времени.

Литература:

1. Бенуа, А. Н. Возникновение «Мира искусства». Л., 1928; Репринтное издание. М., 1998.
2. Бенуа, А. Н., Дягилев С. П. Переписка (1893–1928). СПб., 2003.
3. Лапшина, Н. П. «Мир искусства». Очерки истории и творческой практики. М., 1977.
4. Северюхин, Д. Я. Сергей Дягилев и «Мир искусства» // Старый художественный Петербург. СПб., 2008.
5. Стасов, В. В., Избранные сочинения в 3-х томах, т. III.

Проблемы интерпретации греческой архитектуры в средовом дизайне

Зяц Татьяна Михайловна, аспирант

Московская государственная художественно-промышленная академия имени С. Г. Строганова

В статье рассмотрены вопросы, связанные с античной архитектурой, ее вкладом в мировую историю искусства, а также влиянием на средовой дизайн и проектирование.

Ключевые слова: античность, средовой дизайн, архитектура, ордер, градостроительство

Древняя Греция и ее культура занимают особое положение в мировой истории искусства. Высоко оценены античные мыслители разных направлений, создавшие в V–IV вв. до н.э. одну из самых развитых философских и политических систем в древнем мире. Полнота, разнообразие и известная законченность искусства, литературы, философии являются тремя важнейшими особенностями Античности. Велик вклад античной цивилизации в сокровищницу мировой культуры: греки создали огромное количество шедевров, обогативших культурное творчество следующих поколений.

Согласно принятой исторической периодизации, классический период в истории Древней Греции охватил с VI–V вв. до 338 г. до н.э. В это время произошел наивысший подъем Греции, расцвет всех явлений, сформировавшихся в архаичную эпоху. Характер культуры, искусства и основные особенности развития греческого общества определяются, по мнению многих исследователей, полисной формой организации государства.

Греки известны своими достижениями в области архитектуры: ордерная система, на основе которой развивалось греческое зодчество, стала великим завоеванием мировой архитектуры. В V–IV вв. до н.э. В VII–VI вв. до н.э. сформировались два типа ордера — ионический и дорический, а в V–IV вв. появился более нарядный и изысканный — коринфский. Зодчие Греции прибе-

гали к смешению разных ордеров в одном здании, приносили легкость и изящество в дорический стиль, и придавали большую нарядность и пышность ионическому ордеру.

Итак, основными достижениями Античности являются:

1. Ордер — сложившаяся система элементов стоечно-балочной конструкции.
2. Соразмерность (система пропорций).
3. Гармония.
4. Золотое сечение.
5. Регулярный тип планировки.

Современный средовой дизайн заимствовал многие достижения Античности. Средовой дизайн — сравнительно недавно утвердившаяся специальность, «представление об облике, стилевых или образных характеристиках средового объекта или системы, синтезирующее в едином впечатлении особенности пространственной структуры, индивидуальных или «фирменных» деталей внешнего вида, способах функционирования и т. п.» [1, с. 30].

Дизайн среды является комплексным искусством или системным; позиции средового дизайнера все более тяготеют к широкому культурному контексту. В начале XXI в. средовой дизайн становится способом преодоления разрыва между технической цивилизацией и духовной куль-

турой. Дизайнерское проектирование в XXI в. — способ гармонизации жизни человека в урбанистической среде, в отличие от его функции в XX веке — организатора активной силы «собирающая» социокультурного пространства [2].

Существуют различные типы средовых объектов: интерьеры, «среда-событие», интегральные формы, городские, общественные, рекреационные и ландшафтные территории, виртуальные пространства.

Многие из выше перечисленных средовых объектов заимствуют черты, приемы и принципы Античности. Современный средовой дизайн нередко прибегает к «стилизации» — намеренной имитации наиболее характерных признаков того или иного стиля в необычном для него художественном и культурном контексте [3, с. 45–49]. Многие архитектурные стили заимствовали античные архитектурные элементы: например, классицизм, эклектика. Художественная интерпретация первоисточника европейской цивилизации — Античности характерна для многих переходных эпох, особенно для начала XXI в.

Одним из часто стилизуемых конструктивных элементов, перенятых от Античности, является ордер. Примером современной интерпретации ордера в средовом дизайне можно считать творчество Михаила Филиппова, которого считают «наследником» Античности, а его работы — московским неоклассицизмом петербургской школы. Объединяя интерьеры с парковыми и экстерьерными пространствами, он пропитывает их градостроительными мотивами. Архитектор скрупулезно прорабатывает ордерный декор, который является одним из признаков дизайна. Интерьерные работы Филиппова насыщены античными орнаментами, колоннадами, ордером, арками, крестовыми сводами. Основная философская тема, присущая творчеству Филиппова, — идея преодоления, разомкнутости «границ» вовне.

Один из наиболее ярких проектов автора — ресторан «Греческая смоковница», а также проекты московских частных квартир. Интерьер ресторана «Греческая смоковница» оформлен в виде развалин. Снаружи интерьер украшен античным декором. Спускаясь вниз по лестнице, посетитель попадает в пространство, центром которого является ротонда. Ресторан ассоциативно напоминает греческий храм с наосом и целлой, находящейся посреди помещения. Интерьер Михаила Филиппова спроектирован достаточно гармонично: зеркала, декорирующие пространство, превратили его из прямоугольного в круглый, привнеся в пространство иллюзию вековой древности и неразгаданных тайн. Планировка отличается симметрией: каменные своды, арки и толики расположены вокруг центра — ротонды. Театральность придают материалы, выбранные архитектором для отделки: искусственный и натуральный камень, дерево.

Античные стилеобразующие элементы архитектуры будущего мастерски воплощены в интерьере другого проекта — «квартире на четырнадцатом этаже». Филиппов экспериментирует с классикой, создавая свой стиль,

творчески осмысливая наследие античного прошлого и трансформируя его в собственной архитектурной практике. Но этот проект, в отличие от общественного интерьера ресторана «Греческая смоковница», лишен театрализации пространства. Интерьер квартиры — пример комфортной жизни в античных руинах, в которой звучит мотив «атриума» — любимый в творчестве Михаила [4]. Внешние стены убраны, и их заменяет сплошное остекление.

Римский дом 2005 г. постройки в Казачьем переулке наглядно демонстрирует сегодняшнюю актуальность античной тематики в архитектурном экстерьере. Архитектор заимствовал принцип планировки доходного дома XIX в., центральную часть в котором составлял курдонер традиционного типа. Но, в отличие от архитектуры прошлого, современный проект дома — попытка создания нового архетипа жилого дома. Подобно Античности круглый двор, украшенный портиками дорических колонн, обращен к солнечной стороне. Профили портиков образуют фронтон величиной с фасад.

Помимо интерьеров и экстерьеров, античные стилеобразующие мотивы встречаются в других видах средового дизайна: малых архитектурных формах фестивалей, сценических площадок, выставок, презентаций и городских праздников. Одним из принципов проектирования подобных комплексов является амфитеатральный принцип организации пространства: подобно Античности, планировочный центр составляет целла, вокруг которой возводятся зрительные трибуны. Пример тому — декорации, сооруженные для празднования городских и государственных праздников, а также оформленные для частных заказчиков мероприятия. Композиционный центр составляет сцена, каркас которой образует сборно-разборная вантовая конструкция с крепящимися на ней осветительными приборами. По тому же принципу сооружено средовое пространство для международного турнира по смешанным единоборствам 2015 г. «Битва в Сочи». В центре установили огромную восьмигранную крышу, опирающуюся на металлические сваи и окруженную с четырех сторон зрительскими трибунами.

По аналогии спроектированы декорации к Универсиаде 2013 г. в Казани, Red Bull X-Fighters на Красной площади, отличающиеся обилием возвышающихся зрительных рядов, сконцентрированных вокруг продуманного американским дизайнером и конструктором Дейном Херроном мототрека.

Некоторые из форм модульных сборно-разборных сцен напоминают греческие храмы, обладая фронтоном, декорированным тканью, боковыми стенами, кулисами, подобными колоннам, а также подиумом, похожим на стереобат.

В заключении стоит отметить актуальность «цитирования» греческой архитектуры в наши дни. Не только в прошлом, но и в будущем Античность будет огромным кладом информации и вдохновением для творчества средовых дизайнеров, архитекторов и проектировщиков.

Литература:

1. Минервин, Г. Б., Шимко В. Т. Дизайн. Иллюстрированный словарь — справочник. М.: Архитектура — С, 2004. с. 30.
2. Птицына, Л. М. Проблематизация дизайна городской среды в современной культурологии: Автореферат дис. канд. культурологии. Челябинск, 2012.
3. Остриков, С. В. Стилизация как метод проектирования дизайнерской информационной графики. Абакан: Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2013. с. 45–49.
4. Журнал «Salon». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.salon.ru/article.plx?id=1613> (дата обращения 19.06.2016)
5. Визуальное культурное мышление в дизайне. М.: Библиотека дизайнера, 1990. — 87 с.
6. Грашин, А. А. Методология дизайн-проектирования элементов предметной среды. М.: Архитектура — С, 2004. — 232 с.
7. Иконников, А. В. Искусство, среда, время. (Эстетическая организация городской среды). М.: Советский художник, 1984. — 336 с.
8. Каллистов, Д. П. Античный театр. М.: Искусство, 1970. — 175 с.
9. Ривкин, Б. И. Малая история искусств. Античное искусство. М.: Искусство, 1972. — 359 с.
10. Художественное осмысление объекта дизайна. М.: Аутопан, 1993. — 132 с.

Издательская деятельность «Арт-галереи Щетининых» как пример реализации просветительской функции частных художественных галерей Алтая

Щетинина Наталья Анатольевна, искусствовед, младший научный сотрудник
Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург)

В статье анализируется обзор изданий частной художественной галереи Щетининых (г. Барнаул). Отмечена важная роль научных аннотированных каталогов, буклетов художественных выставок, монографий, а также публикаций в периодической печати, благодаря которым, осуществляется популяризация творчества местных художников не только в Алтайском крае, но и в Западно-Сибирском регионе.

Ключевые слова: издательская деятельность, каталог, буклет, альбом, научно-популярное издание, исторический источник, вступительная статья, выставка, живопись, графика, скульптура, декоративно-прикладное искусство

В настоящее время наряду с государственными музеями все большее значение в просвещении, и в образовательной сфере, в информационных и коммуникативных процессах начинают приобретать частные художественные галереи. Они активно участвуют в изучении, интерпретации и сохранении культурно-исторического наследия своего региона. Различные формы их деятельности оказывают значительное влияние на развитие современного изобразительного искусства. Важный вклад в освоение художественного пространства Сибири и углубление гуманитарного знания вносит первая на Алтае частная «Арт-галерея Щетининых», основанная в Барнауле в 2003 году художниками А. П. и И. В. Щетиниными. Ее характеризует интенсивная выставочная деятельность: за 13 лет существования галереи было реализовано более 120 выставочных проектов.

Достоинством «Арт-галереи Щетининых» является активная и многогранная издательская деятельность, благодаря которой осуществляется популяризация твор-

чества местных художников не только в Алтайском крае, но и в Западно-Сибирском регионе. К 2016 году опубликовано более 65 изданий. Их можно разделить на два направления: информационные каталоги и буклеты, а также издания монографического характера. Они содержат теоретические разработки и фактологические сведения, полезные для дальнейшего изучения художественной культуры Алтая. Каталог художественной выставки — один из основных, наиболее достоверных источников искусствоведения. Он является результатом научной систематизации произведений искусства. Каталоги персональных, групповых и тематических выставок содержат информацию о творчестве живописцев, графиков, скульпторов, о развитии жанров и видов искусства в регионе, позволяют осуществлять сравнение, анализ, определять динамику развития регионального изобразительного искусства. Понимая всю значимость издательской деятельности, галеристы Щетинины в последние годы стараются практически к каждой экспозиции выпускать информа-

ционные каталоги или буклеты. Большинство из них издано в сотрудничестве с типографией «Графикс». Издания с грифом «Арт-галерея Щетининых» отличает высокое качество подачи материала. Они сопровождаются вступительными статьями специалистов. Авторами статей к каталогам являются: Т. М. Степанская, А. К. Лищицкая, Л. Н. Лихацкая, А. П. Щетинин, И. В. Щетинина, Н. А. Щетинина, которые на профессиональном уровне рассматривают вопросы, связанные не только с темой выставки, ее содержанием, целями и задачами, особенностями построения экспозиции, но и в целом с тенденциями в современном искусстве.

Каталоги и буклеты выставок содержат цветные и черно-белые репродукции значительной части экспонированных произведений. Кроме того, в структуру альбомов

и каталогов, как правило, включены дополнительные фотоматериалы документального характера (репортажные фотоматериалы с открытия выставок, фотографии экспозиции и ретроспективный материал из архива галереи), что повышает их значение как исторических источников. Насыщение каталогов цитатами из высказываний художников, отзывов посетителей отражает живой исторический контекст, позволяет воссоздать обратные связи взаимодействия произведения и зрителя, зрительского восприятия. В качестве примеров можно назвать каталоги выставок: «Господин Самовар» (2011), «Деревенька — колыбель души...» (2011), «Ильбек Хайрулинов» (2012), «Так близок нам далекий Петербург!» (2013), «Бенефис ириса» (2014), «На земле, в воде и в небе...» (2015), «Нас подружил Алтай» (2015) [1].

Рис. 1. Обложка альбома «Нас подружил Алтай: Ф. С. Торхов, В. П. Чукуев, А. П. Щетинин». Барнаул, 2015

Многие каталоги групповых вернисажей содержат сведения об авторах, их фотопортреты. Открывая новые имена молодых или малоизвестных и забытых художников, галерея нередко представляет эксклюзивную информацию о них. В научный оборот вводятся новые произведения не только современных мастеров, но и художников старшего поколения, чьи работы иногда приходится атрибутировать. Например, в каталоге групповой выставки «Живая вода Алтая. Живопись из коллекции Щетининых» (2016) впервые опубликованы личные фотографии и натурные этюды полузабытого алтайского художника Н. С. Петрухина (1928–1990), восстановлены фрагменты его биографии [2]. Для некоторых художников каталог к персональной выставке становится первым и единственным изданием о творчестве, в котором подводятся определенные итоги их деятельности. Благодаря подобным публикациям галереи творчество таких авторов, как Е. Никитина, Ю. Чулюков, Н. Панченко, Т. Горбунова, В. Санникова было вписано в историю изобразительного искусства Алтая и стало достоянием общественности.

Таким образом, каталожные издания галереи с развернутыми проблемными статьями, богатым справочным и иллюстративным материалом зачастую имеют не меньшее значение, чем сама выставка, которую они сопровождают. Каталогизация художественных проектов, осуществленных в «Арт-галерее Щетининых», позволяет включить их в историко-культурное наследие региона.

Издания монографического характера представлены альбомами, посвященными творчеству П. А. Щетинина (2005), А. Е. Емельянова (2006), И. В. Щетининой (2009), А. П. Щетинина (2014), научным каталогом, изданным к выставке «Сподвижники. Прокопий Щетинин и его поколение» (2009) [3], научно-популярным изданием «Династия художников Щетининых в культуре Алтайского края» (2012) [4]. Они выпускались при непосредственном участии и под редакцией Т. М. Степанской. Последнее из перечисленных включает в себя статьи о художественной династии, деятельности галереи, библиографические и биографические данные, отзывы известных деятелей культуры, богато иллюстрировано фотографиями из семейного архива и цветными репродукциями работ художников. В данном издании Т. М. Степанская раскрывает

Рис. 2. Обложка каталога персональной выставки Веры Санниковой. Барнаул, 2016

деятельность «Арт-галереи Щетининых» через ее ключевые принципы: профессионализм и духовность, поддержка талантов, презентация новых имен, верность традициям отечественного искусства на пути их развития, открытость, гуманность, диалог, интеграция и уважение к предшественникам. В 2009 году при поддержке Арт-галереи был выпущен научный труд Т. М. Степанской «Очерки истории искусства Алтая», в котором широко освещается художественная жизнь Алтайского края второй половины XX — начала XXI века [5]. В книгу включены очерки о художественных династиях Бахов, Щетининых, о видных архитекторах и художниках Алтая, о памятниках истории и культуры Барнаула и другие материалы.

Во вступительной статье к каталогу выставки «Свет реализма. Живопись, графика, скульптура из собрания Щетининых» (2013), посвященной 10-летию галереи, Т. М. Степанская анализирует не только юбилейную экспозицию, но и работу галереи в целом со дня ее открытия. Она отмечает, что «Арт-галерея Щетининых» сразу оказалась в центре художественной жизни Барнаула. Ее просветительская, благотворительная, образовательная и коммерческая деятельность развивается уверенно, профессионально и результативно» [6].

Помимо тесного и плодотворного сотрудничества с доктором искусствоведения, профессором Т. М. Степанской, Арт-галерея привлекает к выставочной и изда-

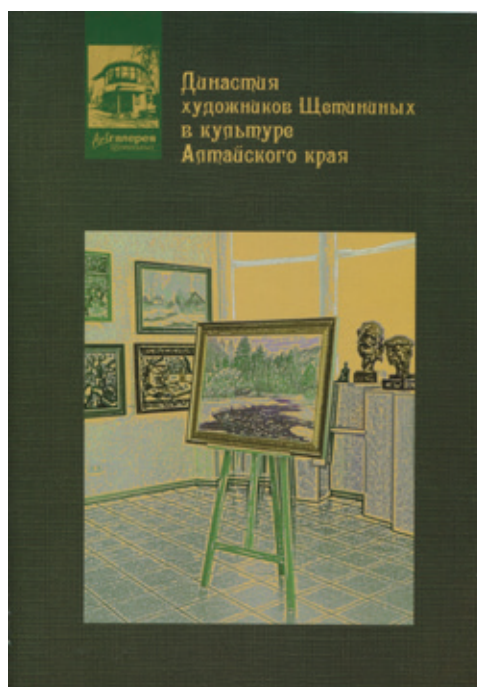

Рис. 3. Обложка научно-популярного издания «Династия художников Щетининых в культуре Алтайского края». Барнаул, 2012

Рис. 4. Обложка научного издания «Очерки истории искусства Алтая» Т. М. Степанской. Барнаул, 2009

тельской деятельности ведущих искусствоведов и других гуманитариев-специалистов Алтайского края. Статьи к альбомам и каталогам выставок писали доктор философских наук М. Ю. Шишин («Нас подружил Алтай» (2016), кандидат искусствоведения Л. Н. Лихацкая (вступительные статьи к каталогам юбилейных персональных выставок Ирины Щетининой «Все краски жизни» (2014) и Веры Санниковой «С мечтою о добре и красоте...» (2016), кандидат искусствоведения, заместитель директора по научной работе Государственного художественного музея Алтайского края Н. С. Царева (статьи в каталоги к персональным выставкам Людмилы Никольской (2008) и Павла Брыткова (2014), и в каталог к выставке «Свет реализма» (2013).

Благодаря накопленному опыту сейчас галерея готова к тому, чтобы выходили научные издания, соответствующие издательским требованиям. С 2016 года «Арт-галерея Щетининых» заключила соглашение с Алтайской краевой универсальной научной библиотекой им. В. Я. Шишкова, по которому всем изданиям галереи присваиваются библиотечные коды ББК. Таким образом, они будут доступны широкому кругу читателей.

В Арт-галерее по материалам выставок периодически проводятся презентации новых изданий, в которых участвуют авторы статей, книг, художники, поэты, искусствоведы и все интересующиеся современным алтайским искусством. Так, в 2006 году была организована презентация альбома Александра Емельянова; в 2010 году состоялась презентация серии альбомов о художниках ООО «Издательский дом «Комсомольская правда»; в 2012 году — научно-популярного издания «Династия художников Щетининых в культуре Алтайского края»; в 2014 году — альбома «Анатолий

Щетинин. Живопись, графика»; в 2016 году — альбом-каталог «Живая вода Алтая. Живопись из коллекции Щетининых».

Необходимо отметить, что издательскую деятельность галерея ведет преимущественно на свои средства, осуществляя, таким образом, одну из граней социально значимой благотворительной функции. Впоследствии часть изданных к выставкам буклетов и каталогов вручается авторам и зрителям бесплатно.

Репортажи о вернисажах популярного культурного центра регулярно появляются в средствах массовой информации, что подтверждает интерес к его работе. Важную роль играют публикации в местной периодической печати, анонсирующие выставки. Часто информация о выставках публикуется в несколько этапов: анонс к открытию, статья об экспозиции и участниках, иногда в виде репортажа с открытия, а позже — впечатление о выставке. Прежде всего, это статьи А. К. Лисицкой, В. И. Зориной, Л. Г. Карповой, И. В. и Н. А. Щетининых в газетах «Вечерний Барнаул» и «Алтайская правда». Несмотря на то, что в данных статьях не ставится цель дать глубокую искусствоведческую оценку представляемых художественных явлений, они все же показывают общую картину деятельности галереи.

Итак, можно констатировать, что своей издательской деятельностью частная художественная галерея Щетининых формирует представление о современном образительном искусстве. Она вносит большой вклад в изучение регионального искусства второй половины XX — начала XXI века, постепенно приближаясь к варианту научно-исследовательского учреждения, объединяющего творческие и научные, просветительские и образовательные ресурсы региона.

Литература:

1. Нас подружил Алтай: Ф.С. Торхов, В.П. Чукуев, А.П. Щетинин: альбом / авт. вступ. ст. М.Ю. Шишин. — Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015. — 36 с.
2. Живая вода Алтая. Живопись из коллекции Щетининых: каталог / Арт-галерея Щетининых; сост. Н.А. и И.В. Щетинины; авт. вст. ст. Н.А. Щетинина. — Барнаул: Графикс, 2016. — 44 с.
3. Сподвижники. Прокопий Щетинин и его поколение: каталог / Арт-галерея Щетининых; сост. И.В. Щетинина; ред. и авт. вст. ст. Т.М. Степанская. — Барнаул: [б.и.], 2009. — 22 с.
4. Династия художников Щетининых в культуре Алтайского края: научно-популярное издание / науч. ред. Т.М. Степанская. — Барнаул: Графикс, 2012. — 36 с.
5. Степанская, Т.М. Очерки истории искусства Алтая. — Барнаул: Графикс, 2009. — 220 с.
6. Свет реализма: живопись, графика, скульптура из собрания Щетининых: каталог / Арт-галерея Щетининых; сост. И.В. Щетинина; ред. и авт. вст. ст. Т.М. Степанская. — Барнаул: Графикс, 2013. — 32 с.

ФИЛОЛОГИЯ

Лингвокультурные особенности русской народной сказки и ее английского эквивалента в компаративном аспекте исследования

Бабиян Тамара Вартересовна, преподаватель;
Федосова Виктория Игоревна, студент
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

Проблема связи языка и культуры рассматривается отечественными и зарубежными учеными уже на протяжении нескольких десятилетий и является одним из актуальных аспектов исследования в современной науке. Она является предметом изучения не только лингвистики, но и смежных дисциплин — социологии, этнографии, культурологии, фольклористики. Особое внимание исследователи обращают на функциональное взаимодействие явлений «язык» и «культура» в ходе исторического развития конкретного этноса. Взаимосвязь языка и культуры отчетливо прослеживается в работах известного немецкого исследователя В. Гумбольдта, который утверждает, что «язык какую бы форму он ни принимал, всегда есть духовное воплощение индивидуальной жизни нации» [1, с. 72]. Значительный вклад в исследование данного вопроса В. А. Маслова. Она отмечает, что «язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее» [2, с. 9]. В трудах К. Леви-Строса приводится положение о том, что «употребляемый в обществе язык отражает общую культуру народа, он представляет собой один из ее элементов, именно с помощью языка индивид обретает культуру своей группы» [3, с. 65]. Отсюда можно заключить, что самобытность, национальное мировоззрение и самосознание этноса, его культурно-историческая эволюция находят отражение в языке, формируя тем самым определенную картину мира. Следовательно, «понятие «культуры» неразрывно связано с человеческой деятельностью, его общественной и духовной жизнью, морально-эстетическими ценностями, которые, безусловно, находят отражение в языке определенного народа как системе знаковых единиц» [4, с. 191].

На наш взгляд, национально-культурные особенности этноса наиболее ярко проявляются в языке фольклора, в частности, народных сказках, которые обладают собственной поэтикой и служат формированию общественного сознания.

Изучению сказочного жанра посвящены работы таких известных русских фольклористов, как В. П. Аникин,

К. С. Аксаков, Э. В. Померанцева, В. Я. Пропп, А. И. Никифоров и др. В Великобритании народные сказки были собраны и записаны значительно позже, чем русские. Первые сборники народных сказок появились в конце XIX века и были собраны президентом английского фольклорного клуба Джозефом Джекобсоном, который опубликовал два тома английских народных сказок.

Большой толковый словарь русского языка С. А. Кузнецова даёт такое определение понятию «сказка»: «Повествовательное произведение устного народного творчества о вымышленных событиях с участием волшебных, фантастических сил» [5, с. 1191]. Действительно, в сказке нередко можно увидеть и разговаривающих зверей, и летающих героев, и волшебные цветы — всего не перечислить. На протяжении многих веков это произведение устного народного творчества из поколения в поколение передаёт особенности фольклора той или иной национальности. Филолог Н. М. Ведерникова утверждает, что сказки — это произведения, вобравшие в себя мысли и чувства народа, отразившие его историю, поэтическое прошлое [6, с. 8].

Наше внимание привлекла русская народная сказка «Колобок» и ее английский эквивалент — сказка “Johnny-cake” («Джонни-пончик»), сопоставительный анализ которых и послужил объектом исследования в настоящей статье.

«Колобок» знаком каждому с детства, но кроме нравоучительного смысла — хвастовство до добра не доводит — в сказке можно найти много деталей, указывающих на особенности быта русских людей. Обратимся в первую очередь к названию произведения. Что же такое колобок? Этимология данного слова такова: «колоб» — это скатанный шар, небольшой комочек хлеба. Данное понятие было впервые использовано в литературных источниках XVII века. Однако, в состав «колобка» того времени входили также яйца, мука и говяжье сало. Это один из примеров употребления в сказках реалий родного языка — слов и выражений, обозначающих национа-

нально-специфические особенности жизни и быта, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке. Филолог А. А. Реформатский даёт подробную классификацию реалий, относя к ним «1) имена собственные, 2) монеты, 3) должности и обозначения лиц, 4) детали костюма и украшения, 5) кушанья и напитки, 6) обращения и титулы при именах». [7, с. 139]. В русской сказке мы видим, что бабка слепила колобка, когда «по коробу поскребла, по сусеку помела и наскребла с горсти две». Это характеризует жизнь обычных крестьян на момент создания произведения. У них не было средств, чтобы разбавить мучную лепёшку чем-нибудь сытным, им даже приходилось голодать. Поэтому Колобок поступил эгоистично, покинув своих «родителей».

Следует отметить, что в центре любой народной сказки находятся взаимоотношения, поэтому повествование всегда сосредоточено вокруг главного героя. Жанровое своеобразие русской сказки обуславливает простоту и элементарность сюжета: Колобок убегает из дома, по дороге его подстерегают лесные звери, а в конце он оказывается съеденным лисой. Путешествие Колобка по лесной тропинке является основным развитием сюжетной линии. Если проследить за последовательностью встречи главного героя с животными, то мы можем установить, что они идут в порядке от самого безобидного до самого кровожадного (заяц — волк — медведь — лиса). Отсюда можно заключить, что эта цепочка — метафора взросления человека. Сначала он встречается с несерьёзными опасностями, но по мере его взросления препятствия становятся сложнее, и главное, как показывает сказка, не поддаваться негативным сторонам своего характера.

По-нашему мнению, участь Колобка была известна с самого начала повествования. Избежав обмана хитрой лисы, он мог бы продолжать катиться, однако очевидно, что рано или поздно он все равно был бы съеден, так как дальше его подстерегал темный лес. Колобок изначально был испечен для того, чтобы его съели, чтобы старик со старухой не остались голодными — в этом заключалось его предназначение. Поэтому идея о том, что от судьбы уйти невозможно и нельзя избежать того, что предначертано, отчетливо прослеживается в сюжете данной народной сказки. Более того, нам представляется важным акцентировать внимание на семантике глагола «катиться», который многократно используется в тексте при описании действий Колобка. Помимо своего основного значения «вращаясь, двигаться, перемещаться в каком-либо одном направлении», слово «катиться» имеет отрицательную коннотацию «становиться хуже и хуже». Так и происходит в сказке: Колобок неминуемо катится к своей гибели, а каждая новая встреча с жителем леса все ярче демонстрирует его самонадеянность и хвастовство.

Немаловажную роль в выявлении лингвокультурных особенностей играют художественные средства выразительности, принадлежащие разным уровням языка. К ним в первую очередь относятся повторяющиеся конструкции

(«И покатился по дороге — только заяц/ волк/ медведь его и видел!»; «Катится Колобок, навстречу ему заяц/ волк/ медведь/ лиса»; «Колобок, Колобок, я тебя съем!»; «Не ешь меня, заяц/ волк/ медведь, я тебе песенку спою!»). Придавая сюжету сказки трехступенчатое строение (встреча с зайцем — волком — медведем), повторы также служат основным композиционным приемом, состоящим в «многократном, все нарастающем повторении одних и тех же действий, пока созданная таким образом цепь не обрывается или же не расплетается в обратном, убывающем порядке... В этом нагромождении и состоит весь интерес и все содержание сказок» [8, с. 293].

Наиболее часто в тексте сказки выступают средства фонетического и синтаксического уровней: звукопись («по коробу поскреби, по сусеку помети»), аллитерация («Взяла старуха крылышко, по коробу поскребла»), анадиплосис («с окна на лавку, с лавки на пол, по полу да к дверям, перепрыгнул через порог в сени, из сеней на крыльцо, с крыльца на двор, со двора за ворота, дальше и дальше»). Несколько реже встречаются лексические стилистические средства, в частности, эпитеты, представленные описательными прилагательными («косой зайчик», «косолапый медведь»). Особый пласт составляют просторечные слова и выражения, характерные для разговорной речи («сядь-ка», «поди-ка», «поскребла по сусеку», «помела», «пряжон», «подавно», «да пропой еще разок», «скушала»).

Во-вторых, невооруженным глазом видно, что сказка пестрит песенками колобка, которые держат читателя в напряжении, ведь проворный и самонадеянный колобок всё время дополняет её новыми строками в подтверждение успеха в своих приключениях, пока не попадает на зубок «глухой» лисицы («Я Колобок, Колобок, Я по коробу скребен, По сусеку метен, На сметане мешон, Да в масле пряжон, На окошке стужон...»). Следует отметить, что песнопения, скороговорки, частушки, которые исполнялись простыми людьми, являлись частью многих русских обрядов и праздников. В статье «Секрет Колобка» Н. И. Толстой говорит о том, что «песни о муке, льне в фольклоре имеют магическую силу: они защищают исполнителя от разного рода неприятностей» [9, с. 469]. Вот и в сказке мы видим, что на протяжении всего путешествия по лесной тропинке Колобок исполняет песенки, описывающие его недолгую жизнь с момента появления на свет и до самого съедения лисой.

Примечательно, что основу повествования данного фольклорного произведения составляют диалоги, развивающие действие и придающие сюжету ритмичность и динамичность. В них наиболее ярко и эмоционально насыщено выражается речь главного персонажа и остальных действующих лиц, представленная обращениями и восклицательными предложениями («Испеки, старуха, колобок»; «Колобок, колобок, я тебя съем!»; «Где тебе, косолапому, съест меня!»; «Не ешь меня, косой зайчик!»; «От тебя, волка, не хитро уйти!»; «Какая славная песенка!»; «Спасибо, колобок!»).

Таким образом, включенность в рассказ стилистических фигур и приемов усиливает выразительность повествования и позволяет читателю ярче представить действие. В русских произведениях изобразительно-выразительные средства языка часто помогают при передаче сюжета, и истоки этого можно искать ещё на Руси.

Кроме того, в некоторых вариантах анализируемой сказки можно наблюдать, что названия животных написаны с большой буквы. Звери олицетворены, они могут говорить и ведут себя как люди. Именно поэтому за животными сложились модели поведения, например, хитрая лиса и трусливый заяц, кровожадный волк и свирепый медведь. Это связано с историей древних славян, которые были язычниками до принятия христианства в 988. У язычников существовало поверье, что бог может превратиться в животного, поэтому их так почитали. Неудивительно, что в сказках — и в «Колобок» конкретно — именно лиса сумела хитростью заманить Колобка в свою ловушку.

Обратимся теперь к «Джонни-пончику» — английскому варианту сказки, название которой представляет собой реалию, характерную для уклада жизни британского народа того времени. В современных словарях “johnnycake” означает кукурузную лепёшку, первое упоминание о которой относится к 1765. Оно является производным от слова «japnosc», которое впервые было использовано в Северной Англии в XVI веке. Постепенно из национального блюда создали народную сказку, применив в качестве имени главного персонажа коренное английское имя Джон (аналог Ивана в России). Представляется возможным предположить, что сказка написана в начале XIX века, так как дедушка и бабушка копают картошку, а не сеют пшеницу, и сам Джонни убегает от рабочих, что говорит о развитии индустриальной эпохи в Англии.

История о Джонни-пончике по сюжету схожа с «Колобок»: мы видим смелого пончика, который сбегает от своей семьи, встречает на своем пути разных животных и людей, но, в конце концов, оказывается съеденным лисой. Создателями главных героев в обеих сказках выступают старик со старухой. Однако в русской сказке нет упоминаний о роде их деятельности, тогда как в английском варианте дается описание дружной и полной семьи (старик — an old man, старуха — an old woman, маленький мальчик — a little boy), которая живет в деревне и трудится в огороде (“You watch the Johnny-cake while your father and I go out to work in the garden”; “So the old man and the old woman went out and began to hoe potatoes, and left the little boy to tend the oven”).

Действующие лица в английской сказке представлены большим количеством персонажей. По мере развития сюжетной линии, т. е. во время своего путешествия по лесной тропинке, главный герой Джонни-пончик встречается не только со зверями (волком, медведем и лисом), но и землекопами и рабочими, роющими колодец и канаву. Но здесь в отличие от русской сказки «Колобок» в цепочке

отрицательных героев, от которых ускользает Джонни, отсутствует заяц. Такое различие обусловлено национальными несоответствиями. Более того, в «Джонни-пончике» люди и животные не просто встречались на пути главного героя, но долго бежали за ним и преследовали, пытаясь его поймать: землекопы — “they threw down their picks and ran after him”; рабочие — “they threw down their spades, and ran after him too”; медведь — “he trotted as fast as his legs could carry him after Johnny-cake...”; волк — “he set into a gallop after Johnny-cake...”. Однако, несмотря на все препятствия и приключения, которые приходится преодолевать Колобку и Джонни-пончику на лесной дороге, спасаясь от разных врагов, в конце повествования они оба неминуемо оказываются в лапах лисы, которой удается их перехитрить и съесть. Следовательно, можно с уверенностью утверждать, что мораль русской и английской народных сказок заключается в одном и том же — хвастуны будут наказаны: съедены лисой.

Анализ композиционного построения сказок позволяет говорить о наличии общих черт: типового сюжета, характеризующегося одинаковой завязкой — выпечка колобка и пончика («Замесила на сметане, изжарила в масле и положила на окошечко постудить»; “One morning the old woman made a Johnny-cake, and put it in the oven to bake”), развитием действия — бегство главного героя от лесных зверей («Катится колобок по дороге, а навстречу ему...»; «И покотился себе дальше; только... его и видел!»; “On went Johnny-cake, and by and by he came to...”; “On ran Johnny-cake, and by and by he came to...”), кульминацией — встреча с лисой («Колобок, Колобок, сядь ко мне на язычок да пропой в последний разок. Колобок прыг Лисе на язык...»; “Johnny-cake came up close, and leaning towards the fox screamed out...”) и развязкой — лиса съедает Колобка и Пончика (... а Лиса его — гам! — и съела»; “... and he snapped up the Johnny-cake in his sharp teeth in the twinkling of an eye”). Совпадает и место действия сказки — сначала это крестьянский дом, где живут старик со старухой («... с окна на лавку, с лавки на пол, по полу да к дверям, перепрыгнул через порог в сени, из сеней на крыльцо, с крыльца на двор, со двора за ворота, дальше и дальше»; “... and put in the oven to bake”; “and went rolling along end over end, towards the open door of the house”), а потом — дорога («Катится Колобок по дороге...»; «И покотился себе дальше...»; “... and rolled through the door, down the steps and out into the road”).

Другой особенностью, свойственной сказкам обоих народов, является наличие в них традиционных формул зачина. Так, в русской сказке «Колобок» в данной роли выступает фраза «Жили-были старик со старухой», которая с первых же строк вводит читателя в мир деревенской жизни и быта. В английском варианте произведения ей соответствует предложение “Once upon a time there was an old man, and an old woman, and a little boy”.

Важной чертой, отличающей английскую сказку от русской, является образ главного персонажа. На первый взгляд Джонни-пончик предстает перед читателем таким

же проворным и самонадеянным хвастуном как Колобок, который бежит по дорожке и рассказывает всем подряд, как ловко он ускользнул от деда и бабушки. Однако набор описательных средств, который используется в тексте для изображения Джонни-пончика, видится нам несколько скудным: о герое английской сказки сказано лишь то, что он испечен из муки: “... and put it in the oven to bake”. Русскому же Колобку дано достаточно детальное описание: «по коробу скребен, по сусеку метен, на сметане мешон, да в масле пряжон».

Кроме того, при первом взгляде на текст, бросается в глаза тот факт, что Джонни не поёт песни как Колобок, а растягивает финальную букву в последнем слове (“I’ve outrun an old man, and an old woman, and a little boy, and I can outrun you, too-o-o!”). Это, безусловно, придаёт Джонни-пончику оттенок полной уверенности в собственных силах, но с другой стороны, лишает его той эмоциональности и живости, которая присуща Колобку.

Проводя сопоставление на лингвистическом уровне, а именно, обращаясь к экспрессивным средствам языка сказки «Джонни-пончик», можно утверждать что, разговорная речь главных героев, представленная в форме диалога, характеризуется наличием повторов, обращений и восклицательных предложений: “I’ve outrun an old man, and an old woman, and a little boy, and two well-diggers, and two ditch-diggers, a bear, and a wolf, and I can outrun you, too-o-o!; “Where are you going, Johnny-cake?”; “I can’t quite hear you, Johnny-cake...”; “We’ll see about that!”. В этом состоит ее сходство с русской сказкой. Отличительной особенностью английской сказки является использование устойчивых фразеологических оборотов («in the twinkling of an eye», «out of sight», «out of breath»), риторических вопросов (You can, can you?) и инверсии («On went Johnny-cake», «On ran Johnny-cake»), которая в русском варианте сказки не произвела бы соответствующего усилительного эффекта, так как порядок слов там свободный, а не строго фиксированный, как в английском.

Литература:

1. Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества. // В. фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1984. — с. 37–297.
2. Маслова, В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2001. — 208 с.
3. Леви-Стросс, К. Структурная антропология. — М.: Главная редакция восточной литературы, 1985. — 536 с.
4. Бабиян, Т.В. Сопоставительный анализ паремических единиц русского и английского языков, представляющих семантическую модель концепта «Религия» // Фундаментальные и прикладные науки сегодня. Материалы IV международной научно-практической конференции. — Том 2. — North Charleston, SC, USA, 2014. — с. 191–196.
5. Кузнецов, С.А. Большой толковый словарь. — СПб., 1998. — 1536 с.
6. Ведерникова, Н.М. Русская народная сказка. — М.: Наука, 1975. — 136 с.
7. Реформатский, А.А. Введение в языковедение. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 536 с.
8. Пропп, В.Я. Русская сказка. — Л., 1984. — 335 с.
9. Толстой, Н.И. Очерки славянского язычества. — М.: Индрик, 2003. — 472 с.
10. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 томах. — Лит. памятники. — М.: Наука, 1984–1985. — Том 1. — 178 с.
11. Jacobs, J. English Fairy Tales. — Wordsworth Editions, 1994. — 256 с.

Несколько опаснее и кровожаднее чем в русской сказке изображен главный отрицательный персонаж английской сказки — лис. Спокойный нрав и выдержанное поведение никоим образом не выдают его заинтересованность пончиком (“that lay quietly in a corner of the fence”). Однако постепенно, по мере приближения сюжета к кульминации, происходит изменение его внутреннего состояния. Нарастающая опасность выражается в голосе лиса посредством негативного спектра эмоций, преобладающих на тот момент в душе антигероя и акцентируется эпитетами “gruff voice”, “his horrible angry voice”, “sharp voice”, “very loud voice”, которые помогают проследить градацию его злости и гнева. Следовательно, лис, как и в случае с Колобком, оказался самым хитрым, а потому и страшным персонажем. В сказках показывается, что страшен тот враг, который храбр и могуч не силой, а непобедим и силен своим умом.

Таким образом, развиваясь по общим законам истории приблизительно в равных временных рамках, русская и английская народные сказки имеют много тождественных черт. К ним относятся простота и элементарность сюжета, небольшой размер текста, основная идея, наличие зачина, повторяющихся эпизодов и экспрессивных средств. Однако, русская сказка при внешней схожести сюжета и героев с английской сказкой более живая, яркая и образная в силу присутствия большего количества выразительных средств и песенок, что делает изложение мелодичным и поэтичным. В то же время английская сказка поразительно отличается от привычной нам русской пространством и способом построения, жанровым своеобразием, особенностями описания главных героев и персонажей, их количественным несоответствием. Герои сказок напоминают и своей речью, и поведением людей той страны, где они бытуют. Это объясняется тем, что каждая сказка демонстрирует национальное своеобразие фольклора своего народа. При этом очень важно учитывать реалии родного языка, которые отражают национальную картину мира.

Комплементарная семантика конверсификсов английского языка: количественный подход. Часть вторая

Бартков Борис Ильич, доцент
Дальневосточное отделение Российской академии наук

В статье дано количественное описание таких комплементарных семантических характеристик конверсификсов *-back*, *— in*, *— off*, *— on*, *— over*, как структура полисемичности конверсификальных дериватов (КД), средняя полисемичность моделей и типов, варианты, стиливые и терминологические характеристики КД, выявлены синонимические и антонимические модели КД, подсчитана диахроническая продуктивность моделей *Vo*, *Ver*, *VingN* и типов в целом, а также выявлены случаи суффиксальной валентности КД.

Ключевые слова: конверсификс, деривационная модель, тип, конверсификальный дериват (КД), комплементарная семантика КД

Конверсификсами английского языка мы называем деривационные морфемы, омонимичные послелогам в глагольно-наречных сочетаниях (ГНС), находящиеся в составе имен существительных типа: *cut-off*, *cutter-off*, *cutting-off*; *call-out*, *caller-out*, *calling-out*, etc. (именуемых далее конверсификальными дериватами — КД) [3; 4; 5].

К концу XX века (1983 г.), проанализировав литературу [9; 13; 14; 15; 17–20] и собранный нами материал по именам существительным, образованным от ГНС, мы выдвинули гипотезу о том, что отнаречные морфемы в их составе можно рассматривать как специфические суффиксы и описывать их с помощью целого арсенала качественных и количественных дериватологических характеристик [1; 2; 5; 6; 7; 10; 11; 12].

Как известно, традиционно основной характеристикой аффикса является его словообразовательное значение [2; 10; 11; 12].

Однако словообразовательные значения конверсификсов формализовать довольно сложно. Но их комплементарная семантика (количество значений у КД, варианты, стилистические и терминологические пометы, синонимия и антонимия КД и т.п.) поддается количественному описанию.

Целью настоящего исследования является нахождение комплементарных количественных семантических характеристик конверсификсов *-back*, *— in*, *— off*, *— on*, *— over* по аналогии с ранее описанными конверсификсами *-down* и *-up* [8]. Источником материала является уникальный Словарь конверсификсов английского языка [21].

Сначала мы сделаем дериватологическое [7] описание материала, который представлен в виде таблиц, затем дадим дериватографическое [6] представление комплементарной семантической информации о каждом конверсификсе.

Сравнительный количественный анализ моделей рассматриваемых здесь конверсификсов показывает (Табл. 1), что самыми продуктивными типами являются два конверсификса (*-off*, *— in*), а остальные (*-back*, *— on*, *— over*) составляют 13% — 14% в этом гипертипе. Заметим, что проанализированный Словарь [21] содержит панхроническую выборку КД, то есть все КД, накопившиеся в языке к настоящему времени независимо от времени их возникновения.

Заметим также, что в среднем модель *Vo* является преобладающей (81% КД), модели *Ver* и *VingN* дают 8% — 11% от общего количества конверсификальных дериватов (КД).

Таблица 1. Количественная структура моделей конверсификальных дериватов

Конверсификсы	Vo	Ver	VingN	Всего	% КД в гипертипе
<i>-back</i>	68	2	9	79	13,0
<i>-in*</i>	145	13	10	174	28,6
<i>-off</i>	138	15	32	185	30,4
<i>-on</i>	70	10	6	86	14,2
<i>-over</i>	70	1	10	81	13,8
Сумма	491	47	67	605	100,0
%	81,2	7,7	11,1	100,0	-

Примечание. Приняты следующие обозначения моделей: *Vo* — «чистый» глагольный корень; *Ver* — корень плюс суффикс деятеля *-er*; *VingN* — корень плюс герундиальный суффикс *-ing*. Звездочка (*) показывает, что возникший в начале 60-х гг. XX века суффикс *-in-2* (имеющий значение «протеста») в данной статье не рассматривается.

Семантическая структура моделей и типов в целом показывает (Табл. 2), что однозначные КД доминируют среди прочих — 73,2% ЛСВ; двузначные КД дают 17,5% ЛСВ; трехзначные — 6%; четырехзначные — 2,5%.

Таблица 2. Семантическая структура конверсификальных дериватов

Модели	1 знач.	2 знач.	3 знач.	4 знач.	5 знач.	6 знач.	Всего
-back: Vo	43	16	7	2	0	0	68
Ver	2	0	0	0	0	0	2
VingN	9	0	0	0	0	0	9
-in: Vo	111	22	7	4	1	0	145
Ver	13	5	1	0	0	0	19
VingN	10	0	0	0	0	0	10
-off: Vo	83	34	13	6	2	0	138
Ver	13	2	0	0	0	0	15
VingN	32	0	0	0	0	0	32
-on: Vo	56	14	0	0	0	0	70
Ver	6	3	1	0	0	0	10
VingN	6	0	0	0	0	0	6
-over: Vo	48	10	7	3	1	1	70
Ver	1	0	0	0	0	0	1
VingN	10	0	0	0	0	0	10
Сумма	443	106	36	15	4	1	605
%	73,2	17,5	6,0	2,5	0,7	0,1	100,0

Модель Vo во всех конверсификальных типах дает больше всего значений (ЛСВ), например, у типа с конверсификсом -off — 224 ЛСВ, — in — 107 ЛСВ, — over — 112 ЛСВ, — back — 104 ЛСВ, — on — 84 ЛСВ.

Анализ значений (ЛСВ) конверсификальных дериватов показал (Табл. 3), что в сумме пометы «территор», «стиль» и «терминолог.» составляют значительную долю в семантике КД: у -in — 79,4%, у -on — 66,7%, у -off — 59,3%, у -back — 56,5%, у -over — 52,8%. То есть от 53% до 79%.

Таблица 3. Территориальные варианты и стилиевые характеристики конверсификальных дериватов

Конверсификсы	US	Brit	Can	Aust	Slang	Coll	Obs	Fig	Rare	Dial
-back	4	-	-	1	6	7	1	1	-	-
-in	17	-	-	5	100	19	-	-	-	1
-off	6	-	1	4	73	27	1	-	-	-
-on	7	-	-	2	34	3	1	-	-	1
-out	23	-	-	4	99	44	1	1	1	-
-over	7	1	-	2	24	6	-	-	-	-
Сумма										

Территориальные варианты составляют от 4,0% (у -off) до 9,8% — 9,9% (у -on и -in).

Стилистические пометы составляют от 17,4% (у -back) до 51% (у -in).

Отметим, что терминологические пометы относятся в сумме к 38 областям деятельности человека (Табл. 4). Однако в пределах каждого типа используется от 12 (у -on), 13 (у -over), 15 (у -back), 17 (у -in) до 21 (у -off).

Таблица 4. Терминологическая соотнесенность конверсификальных дериватов

Терминосистемы	back	-in	-off	-on	-out	-over
Military	5	4	5	3	15	4
Sports	3	7	12	2	6	1
Telev	3	4	4	-	4	4
Cinema	3	8	-	1	4	1

Av	-	2	7	-	6	1
Techn	3	2	1	3	4	1
El	1	3	1	1	1	4
Radio	4	1	2	1	2	-
Baseball	-	-	2	-	8	-
Football	4	1	1	-	3	-
Commerce	-	1	3	1	-	2
Photo	1	2	1	-	3	-
Polygraph	-	2	1	2	1	-
Electronics	1	-	2	-	2	-
Mining	1	-	1	3	-	-
Cricket	1	1	-	1	-	1
Rocketry	-	-	2	-	2	-
Chemistry	1	1	1	-	-	-
Computing	-	1	-	-	2	-
Geology	-	-	2	-	1	-
Textile	-	2	-	-	1	-
Fencing	-	-	2	-	-	-
Nautical	-	-	-	2	-	-
Nuc. Phys	-	1	-	-	1	-
Rugby	-	-	1	-	-	-
Theatre	-	-	-	1	-	-
Boxing	-	-	-	-	1	-
Hunting	1	-	-	-	-	-
Finance	1	-	-	-	-	-
Glass making	-	-	-	-	-	1
Golf	-	-	1	-	-	-
Journalese	-	-	-	-	-	1
Music	1	-	-	-	-	-
Paper ind	-	-	-	-	1	-
Politics	-	-	-	-	1	-
Printing	-	-	1	-	-	-
Stock exch	-	-	-	-	-	1
Weaving	-	-	-	-	-	1
Термино-системы	-back	-in	-off	-on	-out	-over

Терминологические пометы от общего количества ЛСВ каждого типа составляют от 18% — 19% (у -in, — off, — on, — over) до 30,4% (у -back).

Анализ моделей синонимии показал (Табл. 5), что больше всего пар демонстрирует конверсификс -off (94), намного меньше их у конверсификсов -over (38 пар), — in (37 пар), — on (23 пары), — back (19 пар).

Таблица 5. Модели синонимии конверсификсов

Конверсификс	Одинаковые конверсификсы, разные ПО	Разные конверсификсы, одинаковые ПО	Разные конверсификсы, разные ПО
-back	18	1	0
-in	31	2	4
-off	77	9	8
-on	17	4	2
-over	31	4	3
Сумма	174	20	17
%	82,4	9,5	8,1

Терминологические пометы от общего количества ЛСВ каждого типа составляют от 18% — 19% (у -in, — off, — on, — over) до 30,4% (у -back).

Антонимия представлен (Табл. 6) 22 парами с различными сочетаниями конверсификсов.

Таблица 6. Антонимические пары конверсификальных дериватов

Конверсификс	-out	-on	-off	-back	Всего
-forward	-	-	-	2	2
-in	9	-	3	-	12
-off	-	8	-	-	8
Сумма	9	8	3	2	22

Отметим, что конверсификсы имеют различную продуктивность: -in встречается 12 раз, — off — 11 раз, — in — 9 раз, — out — 9 раз, — on — 8 раз, — back — 2 раза, — forward — 2 раза.

Ниже приводятся результаты использования выше приведенных данных для дериватографического описания ряда конверсификсов английского языка.

Количественный дериватарий комплементарной семантики конверсификсов

Конверсификс -back.

Всего в Словаре [21] было обнаружено 79 КД, построенных по следующим моделям:

– Vo (Pd=68) (answer-back, be-back, cast-back, fight-back, flow-back, lease-back, march-back, plow-back, pull-back, ring-back, set-back, start-back, talk-back, turn-back, walk-back, etc.);

– Ver (Pd=2) (hanger-back, snapper-back); VingN (Pd=9) (blowing-back, fighting-back, pulling-back, ringing-back, snapping-back, throwing-back, winching-back, etc.).

Структура семантики типа представлена следующим образом: по 1 ЛСВ имеют 54 КД [43 Vo, 2 Ver, 9 VingN] (arc-back, bounce-back, haul-back, lay-back, plug-back, spring-back; hanger-back, snapper-back; blowing-back, hauling-back, pulling-back, sitting-back, etc.).

По 2 ЛСВ имеют 16 КД (break-back, draw-back, flare-back, hark-back, push-back, snap-back).

По 3 ЛСВ имеют 7 КД (blow-back, call-back, flash-back, kick-back, throw-back, turn-back, etc.). По 4 ЛСВ имеют 2 КД (fall-back, pull-back). В сумме насчитывается 115 ЛСВ. Средняя полисемичность типа равна величине: $S^* = 1,46$ ЛСВ / КД.

К наиболее многозначным относятся следующие КД: fall-back (4 ЛСВ), pull-back (4 ЛСВ), blow-back (3 ЛСВ), cut-back (3 ЛСВ), kick-back, (3 ЛСВ), throw-back (3 ЛСВ), etc.

Американскому варианту принадлежат 9 ЛСВ следующих КД: come-back, die-back, go-back, haul-back, walk-back). Австралийскому — 1 (knock-back).

Отметим, что конверсификсы имеют различную продуктивность, а именно: -in встречается 12 раз, — off — 11 раз, — in — 9 раз, — out — 9 раз, — on — 8 раз, — back — 2 раза, — forward — 2 раза.

Стилистически окрашенными являются 20 ЛСВ, в том числе: «slang» — 9 (be-back, crack-back, die-back, hark-back, kick-back etc.); «coll» — 9 (bounce-back, break-back, come-back, cut-back, fall-back, march-back); «fig»-1 (flare-back); «obs» — 1 (start-back).

Коэффициент стилистической окрашенности типа равен: $K_{стил} = 0,17$.

Терминологические ЛСВ относятся к следующим 15 областям деятельности: «mil» — 5 (fall-back, flare-back, march=back, pull-back), «rad» — 4 (play-back, repeat-back, slide-back), «football» — 4 (run-back, snap-back, snapper-back), «telev» — 3 (fly-back, kick-back, play-back), «sports» — 3 (drop-back, pass-back, sit-back), «av» 1 (sweep-back), «el» — 1 (step-back), etc.

Всего обнаружено 35 терминологических ЛСВ (из 115 ЛСВ типа). Следовательно, коэффициент терминологичности типа равен следующей величине: $K_{терм} = 0,30$.

Синонимия представлена 19 парами, образованными по следующим моделям:

1. одинаковые конверсификсы, разные производящие основы (ПО) — 18 пар (blow-back=blowing-back, break-back=setting-back, cut-back=flash-back, fight-back=fighting-back, hanger-back=hang-back, knock-back=kick-back, push-back=set-back, snap-[back=snapping-back, throw-back=throwing-back, winch-back=hoisting-back, winch-back=winding-back, etc.).

2. разные конверсификсы, одинаковые ПО — 1 пара (touch-back=touch-down).

Антонимия представлена 2 парами КД, образованными по модели: одинаковые ПО, противоположные конверсификсы: feed-back / feed-forward, sweep-back / sweep-forward.

К дополнительной семантико-структурной характеристике можно отнести обнаруженный нами случай суффиксальной валентности конверсификса -back, когда к КД присоединяется суффикс деятеля -er: come-backer.

Конверсификс -in.

Всего в Словаре [21] было обнаружено 174 КД, построенных по следующим моделям:

– Vo (Pd=145) (apply-in, break-in, call-in, crack-in, fight-in, kick-in, listen-in, led-in, mix-in, pay-in, read-in,

screw-in, shut-in, stick-in, swear-in, take-in, throw-in, wed-in, zero-in, etc.);

– Ver (Pd=19) (blower-in, busser-in, drawer-in, kneeler-in, lick-in, listener-in, puller-in);

– VingN (Pd=10) (breaking-in, checking-in, locking-in, pulling-in, storming-in, etc.).

Структура семантики типа представлена следующим образом: по 1 ЛСВ имеют 134 КД (chin-in, fly-in, speak-in, walk-in, butter-in, looker-in, muscle-in, breaking-in, throwing-in).

По 2 ЛСВ имеют 27 КД (blow-in, blow-in, sign-in, pull-in, drawer-in, feeler-in, putter-in).

По 3 ЛСВ — 8 КД (cave-in, drive-in, kick-in, look-in, listener-in, throw-in, turn-in). По 4 ЛСВ — 4 КД (break-in, go-in, cut-in, fill-in). По 5 ЛСВ — всего 1 КД (run-in). В сумме насчитывается 233 ЛСВ. Средняя полисемичность типа равна величине: $S^* = 1,34$ ЛСВ / КД.

К наиболее многозначным относятся следующие КД: run-in (5 ЛСВ), break-in (4 ЛСВ), cut-in (4 ЛСВ), go-in (4 ЛСВ), listener-in (3 ЛСВ), look-in (3 ЛСВ), write-in (3 ЛСВ), etc.

Американскому варианту принадлежат 17 ЛСВ следующих КД: apply-in, bob-in, bug-in, come-in, drive-in, horn-in, kneel-in, send-in, shrink-in, etc. Австралийскому — 5 (chuck-in, bog-in, hand-in, ring-in, go-in). Помета «dial» имеет КД pitch-in.

Стилистически окрашенными являются 119 ЛСВ, в том числе: «slang» 100 (arrest-in, barge-in, cash-in, chat-in, come-in, feed-in, kip-in, listen-in, rake-in, shoo-in, take-in, write-in, etc.); «coll» — 19 (carry-in, crack-in, fill-in, filler-in, tie-in, look-in, live-in, etc.).

Коэффициент стилистической окрашенности типа равен: Кстил=0,51.

Терминологические ЛСВ относятся к следующим 17 областям деятельности: cin' — 8 (fade-in, gallop-in, cut-in, dolly-in, circle-in), «sports» — 7 (come-in, hand-in, feign-in, snap-in),

«mil» — 4 (break-in, call-in, fall-in), «telev» — 4 (burn-in, hold-in, looker-in, track-in), «av» — 2 (run-in, wash-in), «photo» — 2 (circle-in, swing-in), «techn» — 2 (licker-in, drawer-in), «el» — 3 (jack-in, plug-in, switch-in), «polygraph» — 2 (strike-in), «chem» — 1 (neck-in), «computer» — 1 (read-in), «rad» — 1 (lead-in), «comm» — 1 (trade-in), «cricket» — 1 (throw-in).

Всего обнаружено 43 терминологических ЛСВ из 233 ЛСВ типа (18,5%). Следовательно, коэффициент терминологичности типа равен следующей величине: Ктерм=0,19.

Синонимия представлена 37-ю парами, образованными по следующим моделям:

1. одинаковые конверсификсы, разные производящие основы (ПО) — 31 пара (break-in=crack-in, cut-in=butt-in, feed-in=eat-in, lit-in=sinking-in, pull-in=pulling-in, wear-in=break-in).

2. разные конверсификсы, одинаковые ПО — 2 пары (sign-in=sign-up, run-in=run-up).

3. разные конверсификсы, разные ПО — 4 пары (bob-in=turn-up, chop-in=split-up, fight-in=mix-up, roost-in=wait-out).

Антонимия представлена 10-ю парами, образованными по модели:

1. одинаковые ПО, разные конверсификсы: (a) -in / -out — 9 пар (iris-in / -iris-out, key-in / key-out, swim-in / swim-out, tally-in / tally-out, teach-in / teach-out, toe-in / toe-out, track-in / track-out, wash-in / wash-out); (b) -in / -off — 1 пара (hold-in / hold-off).

К дополнительной семантико-структурной характеристике можно отнести обнаруженные случаи суффиксальной валентности конверсификса -in, когда к КД присоединяются:

1. суффикс деятеля -er: butt-inner, butter-inner, elbow-inner, looker-inner, muscle-inner;

2. суффикс обобщенного качества -ery: drive-innery.

Конверсификс -off.

Всего в Словаре [21] был обнаружен 186 КД, построенный по следующим моделям: Vo (Pd=138), напр.: blow-off, cook-off, go-off, jerk-off, kiss-off, leap-off, mark-off, play-off, ring-off, run-off, sign-off, spin-off, stand-off, tick-off, wave-off, write-off, etc.

Ver (Pd=15), например: boiler-off, cooler-off, duster-off, putter-off, taper-off, wetter-off.

VingN (32), напр.: blasting-off, holding-off, cleaning-off, getting-off, sending-off, taking-off.

Структура семантики типа представлена следующим образом: по 1 ЛСВ имеют 93 КД (bake-off, burner-off, calling-off, load-off, taper-off), по 2 ЛСВ — 31 КД (call-off, draw-off, duster-off, knocker-off), по 3 ЛСВ — 11 КД (drop-off, fall-off, jump-off), по 4 ЛСВ — 5 КД (send-off, run-off), по 5 ЛСВ — 2 КД (pay-off, take-off), что в сумме дает 273 ЛСВ для типа. Средний коэффициент полисемичности равен величине: $S^* = 1,47$ ЛСВ/КД.

К наиболее многозначным КД относятся следующие: blow-off (4 ЛСВ), cut-off (4 ЛСВ), run-off (4), send-off (4 ЛСВ), set-off (4 ЛСВ), pay-off (5 ЛСВ), take-off (5 ЛСВ), etc.

К американскому варианту относится 6 ЛСВ у следующих КД: bake-off, cooler-off, putter-off, run-off, suck-off; к австралийскому — 4 ЛСВ у следующих КД: snore-off, square-off, top-off, wipe-off; к канадскому — 1 ЛСВ (tie-off).

Стилистически маркированным оказался 101 ЛСВ. Помета «slang» обнаружена у 73 КД (bake-off, choke-off, come-off, dust-off, jack-off, screw-off, touch-off), «coll» — у 27 КД (brush-off, blast-off, fend-off, kick-off, leap-off), «obs» — у двух КД (come-off, keep-off). Коэффициент стилистической окрашенности типа равен: Кстил=0,47.

Терминологические пометы относятся к 21 области деятельности, причем наиболее продуктивными в этом отношении являются следующие: sports — 12 ЛСВ (block-off, face-off, jump-off, march-off, stand-off, tap-off), av — 7.. (hop-off, leap-off, pull-off, take-off), mil — 5.. (drop-off, fume-off, hold-off, jump-off), telev — 4 .. (bi-

as-off, scan-off, spin-off), comm — 3.. (ring-off, time-off), baseball — 2 (force-off, pitch-off), electronics — 2 (roll-off, pick-off), radio — 2 (radi-off, sign-off), electr — 2 (cut-off, pinch-off), rocketry — 2 (boil-off, lift-off), geol — 2 (pitch-off, step-off), fencing — 2 (fence-off). К следующим 9 областям относится по одному ЛСВ: polygraph (set-off), Rugby (hand-off), Golf (tee-off), text (boiler-off), mining (hook-off), football (drop-off), techn (load-off), el (turn-off), chem (flash-off).

Всего обнаружено 53 терминологических ЛСВ из 273 ЛСВ типа (19,4%). Следовательно, коэффициент терминологичности типа равен следующей величине: $K_{терм}=0,29$.

Синонимия представлена 94 парами, образованными по следующим моделям:

1. одинаковые конверсификсы, разные производящие основы (ПО) — 77 пар (bias-off=biassing-off, fluff-off=fuck-off, move-off=moving-off, push-off=pushing-off, send-off=sending-off, wash-off=washing-off);

2. 2) разные конверсификсы, одинаковые ПО — 9 пар (bow-off=bow-out, fall-off=fall-away, suck-off=suck-up, walk-off=walk-over);

3. 3) разные конверсификсы, разные ПО — 8 пар (face-off=throw-in, jump-off=hop-over, shade-off=bolldown, trade-off=toss-up).

Антонимия представлена 6-ю парами, образованными по модели: одинаковые ПО, разные конверсификсы (участвуют два разных конверсификса: -in и -on) (drawer-off / drawer-in, hold-off / hold-in, hooker-off / hooker-on, lift-off / lift-on, roll-off / roll-on, time-off / time-on).

К дополнительной семантико-структурной характеристике можно отнести обнаруженные нами случаи суффиксальной валентности конверсификса -off, когда присоединяются такие суффиксы, как:

1. -er (jump-offer, kiss-offer, cooler-offer, putter-offer, topper-offer);

2. -ee (lay-offee);

3. -ish (stand-offish).

Был также выявлен один случай суффиксальной валентности 2-го порядка, когда суффикс -ness присоединился к валентному деривату: stand-offishness.

Конверсификс -on.

Всего в Словаре [21] было обнаружено 86 КД, построенных по следующим моделям:

- Vo (Pd=70) (add-on, burn-on, clip-on, edge-on, grog-on, hing-on, knock-on, let-on, mask-on, move-on, poke-on, run-on, screw-on, set-on, skate-on, switch-on, tie-on, walk-on, etc.);

- Ver (Pd=10) (breaker-on, cracker-on, closer-on, hanger-on, holder-on, looker-on, walker-on);

- VingN (Pd=6) (burning-on, carrying-on, flowing-on, knocking-on, switching-on).

Структура семантики типа представлена следующим образом: по 1 ЛСВ имеют 68 КД (bug-on, call-on, crush-on, set-on, closer-on, cracker-on, dropper-on, puller-on, walker-on).

По 2 ЛСВ имеют 17 КД (burn-on, come-on, follow-on, hooker-on, loader-on, putter-on).

Ну а 3 ЛСВ имеет только один КД (hanger-on). В сумме насчитывается 102 ЛСВ. Средняя полисемичность типа равна величине: $S^*=1,19$ ЛСВ / КД.

К наиболее многозначным относятся следующие КД: hanger-on (3 ЛСВ), putter-on (2 ЛСВ), come-on (2 ЛСВ), holder-on (2 ЛСВ), loader-on (2 ЛСВ), take-on (2 ЛСВ), etc.

Американскому варианту принадлежат 7 ЛСВ следующих КД: bun-on, come-on, crush-on, edge-on, glow-on, etc. Австралийскому — 2 (load-on, take-on). Помету «dial» имеет КД let-on.

Стилистически окрашенными являются 38 ЛСВ, в том числе: «slang» 34 (live-on, mad-on, mask-on, smoke-on, turn-on, try-on), «coll» — 3 (carry-on, follow-on, get-on), «obs» — 1 (hang-on).

Коэффициент стилистической окрашенности типа равен: $K_{стил}=0,35$.

Терминологические ЛСВ относятся к следующим 12 областям деятельности: «mil» — 3 (heave-on, lock-on, spot-on), «mining» — 3 (face-on, hanger-on, hooker-on), «techn» — 3 (burn-on, layer-on, switch-on), «naut» — 2 (cracker-on, lift-on), «polygraph» 2 (lay-on, layer-on), «sports» — 2 (march-on, pop-on), «cricket» — 1 (follow-on), «el» 1 (switch-on), «rad» — 1 (sign-on), «com» — 1 (time-on), «theat» — 1 (walk-on).

Всего обнаружено 21 терминологических ЛСВ из 102 ЛСВ типа (20,6%). Следовательно, коэффициент терминологичности типа равен следующей величине: $K_{терм}=0,19$.

Синонимия представлена 23 парами, образованными по следующим моделям:

1. одинаковые конверсификсы, разные производящие основы (ПО) — 17 пар (add-on=hitch-on, burn-on=burning-on, hang-on=hanger-on, wind-on=reeling-on, glow-on bun-on).

2. разные конверсификсы, одинаковые ПО — 4 пары (follow-on=follow-out, throw-on=throw-over, march-on=march-in, mark-on=mark-up).

3. разные конверсификсы, разные ПО — 2 пары (hitch-on=go-with, have-on=take-in).

Антонимия представлена 4-я парами, образованными по модели: одинаковые ПО, разные конверсификсы (hooker-on / hooker-off, lift-on / lift-off, roll-on / roll-off, time-on / time-off).

К дополнительной семантико-структурной характеристике следует отнести также обнаруженные нами 2 случая суффиксальной валентности конверсификса -on, когда к КД присоединяется суффикс деятеля -er: hanger-onner, looker-onner.

Конверсификс -over.

Всего в Словаре [21] было обнаружено 84 КД, построенных по следующим моделям:

- Vo (Pd=73) (arc-over, buck-over, cut-over, drag-over, hold-over, flop-over, knock-over, kick-over, look-over,

pull-over, roll-over, set-over, tear-over, tumble-over, walk-over, wing-over);

– Ver (Pd=1) (hooker-over); VingN (Pd=10) (blowing-over, boiling-over, calling-over, cutting-over, flashing-over, pulling-over, speaking-over). taking-over, throwing-over).

Структура семантики типа представлена следующим образом: по 1 ЛСВ имеют 59 КД Bang-over, burn-over, flip-over, fold-over, lift-over, set-over, sleep-over, tumble-over, etc.).

По 2 ЛСВ имеют 10 КД (cut-over, flap-over, flow-over, pull-over, roll-over, run-over, stop-over).

По 3 ЛСВ имеют 7 КД (cross-over, hang-over, fly-over, kick-over, work-over). По 4 ЛСВ имеют 3 КД (carry-over, hold-over, push-over). По 5 и 6 КД имеют соответственно: pass-over и turn-over. В сумме насчитывается 123 ЛСВ. Средняя полисемичность типа равна величине: $S^* = 1,52$ ЛСВ / КД.

К наиболее многозначным относятся следующие КД: hanger-over (6 ЛСВ), pass-over (5 ЛСВ), carry-over (4 ЛСВ), hold-over (4 ЛСВ), push-over (4 ЛСВ), kick-over (3 ЛСВ), etc.

Американскому варианту принадлежат 7 ЛСВ следующих КД: carry-over, haul-over, hold-over, push-over, run-over, turn-over). Австралийскому — 2 (boil-over, bowl-over). British имеет 1 КД (fly-over). Jewish — 1 КД (pass-over).

Стилистически окрашенными являются 30 ЛСВ, в том числе: «slang» — 24 (bang-over, blow-over, buck-over, chuck-over, jump-over, once-over, slop-over, tip-over, work-over, etc.); «coll» — 6 (boil-over, cut-over, flip-over, leave-over, look-over, pass-over).

Литература:

1. Алпатов, В. М. Что следует считать исходной единицей морфологического описания? // Морфемика. Принципы сегментации, отождествления и классификации морфологических единиц. СПб.: Изд. СПб. Ун-та, 1997. с. 4–11.
2. Аракин, В. Д. О превращении лексических единиц в аффиксальные морфемы // Филол. науки, 1959, № 4.
3. Бартков, Б. И. Конверсификация в английском научном стиле и литературной норме // Особенности словообразования в терминосистемах и литературной норме. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1983. с. 111–121.
4. Бартков, Б. И. Конверсификация в современном английском языке (количественный подход) // Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку. Владивосток: Дальневосточный гос. ун-т, 1983. Вып. 11. с. 116–124.
5. Бартков Б.И. Об использовании количественных критериев при установлении деривационного статуса конверсификсов английского языка (типа –away, – by, – down, – in, – out, – up и т.д.) // Морфемика. Принципы сегментации, отождествления и классификации морфологических единиц. СПб.: Изд. СПб. Ун-та, 1997. с. 134–147.
6. Бартков, Б. И. Принципы количественной дериватографии конверсификсов английского языка // 21 century: fundamental science and technology. IV. Vol. 2. Spc Academic. North Charleston, SC, USA, 2014. P. 159–170. Материалы IV междунар. Научно-практ. Конф., 16–17 июня 2014 г.
7. Бартков, Б. И. Проблема полноты описания конверсификсов английского языка (на примере анализа имен типа: break-down, breaker-down, breaking-down, broken-down) // Modern problems of fundamental and applied sciences. Vol. 2. Spc Science of European. Praha, Czech Republic, 2016. P. 146–175. Материалы I междунар. Научно-практ. Конф., 18 января 2016 г.
8. Бартков, Б. И. Проблема семантического описания конверсификсов английского языка: количественный подход // Современные исследования социальных проблем. № 2–3 (26), 2016. с. 116–126.
9. Ивашкин, М. П. Синхронно-диахронический анализ переходных процессов в английском языке. М.: Прометей, 1988. 181 с.

Коэффициент стилистической окрашенности типа равен: Кстил=0,24.

Терминологические ЛСВ относятся к следующим 13 областям деятельности: «mil» — 4 (hop-over, fly-over, flip-over), «telev» — 4 (flop-over, fold-over, lock-over), «el» — 4 (arc-over, cross-over, flash-over, spark-over), «sports» — 1 (lift-over), «cricket» — 1 (bowl-over), «av» 1 (wing-over), «rad» — 1 (play-over), «com» — 2 (cut-over, hold-over), «cin» — 1 (fade-over), «journalese» spill-over), «weaving» — 1 (pick-over), «tech» — 1 (drag-over), «glass making» — 1 (blow-over).

Всего обнаружено 23 терминологических ЛСВ из 123 ЛСВ типа. Следовательно, коэффициент терминологичности типа равен следующей величине: Ктерм=0,19.

Синонимия представлена 38 парами, образованными по следующим моделям:

1. одинаковые конверсификсы, разные производящие основы (ПО) — 31 пар (boil-over=boiling-over, bowl-over=knock-over, call-over=calling-over, chuck-over=turning-over, flash-over=arc-over, flash-over=flashing-over, hang-over=hold-over, lay-over=lay-over, stay-over=stop-over, spark-over=arc-over, switch-over=change-over, etc.);

2. разные конверсификсы, одинаковые ПО — 4 пары (hop-over=hop-off, fly-over=fly-by, play-over=play-back, walk-over=walk-away);

3. разные конверсификсы, разные ПО — 3 пары (bowl-over=knock-down, pass-over=fly-by, work-over=beating-up).

Антонимия КД не обнаружена.

10. Карашук, П. М. Словообразование английского языка: Учебное пособие. М.: Наука, 1977. — 244 с.
11. Кубрякова, Е. С. Словообразование // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М.: Наука, 1972. с. 344–393.
12. Мешков, О. Д. Словообразование современного английского языка. М.: Наука, 1976. — 244 с.
13. Окунев, В. М. Образования типа *carry out* и их производные в различных функциональных стилях современного английского языка. Автореф. дис. канд. филол. наук. Киев, 1973. 24 с. 78.
14. Попова, Н. П. Структурно-семантическая характеристика производных имен от устойчивых глагольных сочетаний типа *break down, fall out* в современном английском языке. Автореф. дис. канд. филол. наук. Одесса, 1984. 16 с.
15. Розенберг, Р. С. Сложные существительные, образованные от глагольно-наречных сочетаний, в современном английском языке (типа *look-out, make-up*). Автореф. дис. канд. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1962. 23 с.
16. Jespersen, O. *Modern English Grammar. Pt. VI. Morphology.* Copenhagen, 1946. 570 p.
17. Kennedy, A. G. *The Modern English Verb-Adverb Combinations.* Stanford, Calif., 1920. 186 p.
18. Koziol, H. *Handbuch der englischen Wortbildungslehre.* Heidelberg: Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1937. 260 S.
19. Lindeloef, U. *English Agent-Nouns with a Suffixed Adverb // Neuphil. Mitteilungen.* 1935. Bd. 36. S. 1–281.
20. Lindeloef, U. *English Verb-Adverb Groups Converted into Nouns // Soc. Sci. Fennica. Commentationes Humanitarum Litterarum.* Helsingfors, 1937. Vol. 9, № 5. P. 1–41.
21. Raskevics, J. *Dictionary of Verb-Adverb Nouns.* Riga, 1971. 124 p.

Английский язык в Китае

Белов Данил Николаевич, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В данной статье рассматриваются краткая история развития английского языка на территории современного Китая, вопросы интерференции китайского языка и английского, вопросы, проблемы современной межкультурной коммуникации носителей английского и китайского языков в англоязычной языковой среде. Делается вывод о современном состоянии английского языка в Китайской Народной Республике.

Ключевые слова: *межкультурная коммуникация, методика преподавания, английский язык, китайский язык*

Первые школы в Китае, в которых преподавался английский язык, были основаны в 1630-х годах английскими миссионерами в Макао (территория современного Специального административного района Аомынь, КНР) [1]. Следующим важным этапом в становлении отношений между двумя языками стал период после Опиумных войн. Потерпев поражение от Великобритании, империя Цин больше не могла поддерживать изоляционную политику, и была вынуждена пойти на многочисленные экономические и территориальные уступки, в том числе на открытие морских портов для европейской торговли и передачу Великобритании острова Гонконг (территория современного Специального административного района Сянган, КНР). Благодаря этому создалась «благоприятная» обстановка для развития английского языка в Китае; межкультурная коммуникация происходила в торговой и административной сферах.

Если принять во внимание ещё первые контакты двух языков, которые произошли в XVII столетии на территории Макао в среде морских торговцев, можно заметить, что своё распространение английский язык начал

именно с южных районов Китая, выгодных, в первую очередь, с экономической точки зрения [2]. К тому же времени относят и появление англо-китайского пиджина, так называемого чинглиша, который в некоторых случаях использовался в общении между самими китайцами, разговаривающими на разных диалектах [1, 3].

В период с середины XIX века на фоне частичной колонизации Китая наблюдается технологическое влияние европейских государств и проникновение достижений западной научной мысли, распространение христианства [1]; среди некоторых чиновников Цинской империи популярной становилась мысль о модернизации Китая по подобию Реставрации Мэйдзи в Японии, проводившейся на основе европейских технологии и западной модели национального государства. Те же настроения усилились после Японо-китайской войны 1895, ясно показавшей отсталость китайской системы государственного управления и экономическую несостоятельность. Всё это ставило в необходимость скорейшую индустриализацию страны для сохранения суверенитета и независимости. В этом плане широкую поддержку среди элиты начали получать европейские языки, которые становились не только язы-

ками межнациональной коммуникации, но и частично — языками науки, культуры и производства [1].

Тем не менее, изучение европейских языков и, в частности, английского, не получило и не могло получить широкой поддержки в крестьянской среде, составлявшей большинство населения аграрного Китая рассматриваемого периода. Более того, западное вмешательство в экономику, внутреннюю политику и духовную жизнь привело к многочисленным выступлениям и народным восстаниям, самыми крупными из которых стало восстание Ихэтуаней 1899—1901 гг, жестоко подавленное коалицией западных держав и приведшее к углублению зависимости Китая.

Разрушительные последствия восстания заставили чиновников на государственном уровне поддержать изучение в школах новых дисциплин и иностранных языков [1]. Более высокий статус получил и английский язык, став языком науки, торговли и культуры в крупных морских портах Китая, особым образом из которых стоит выделить Шанхай, ставший китайским центром космополитизма [2].

Тем не менее, слабость китайской власти и неспособность решать исторические задачи привели к ещё большей социально-экономической нестабильности в стране и, как следствие, к новым протестным движениям против распространения западной культуры. Однако во время следующей Японо-китайской войны (1937—1945) наблюдается очередной пик интереса к английскому языку, связанный, в первую очередь, со взаимодействием в военной сфере: военную помощь в войне против японских милитаристов Китайской Республике предоставляли США и Великобритания, американский генерал Стилуэлл являлся одним из командующих сил Республики. Этот пик закончился в 1949 году с образованием Китайской Народной Республики: идеология Коммунистической партии Китая отвергала любое сотрудничество с империалистическими странами, «заморозив» преподавание английского языка на несколько десятилетий вперёд [1].

С этих пор основным иностранным языком, изучавшимся в школах, стал русский. Тем не менее, особым статусом английский язык пользовался в среде элиты, которой он был нужен для получения доступа к современным технологиям и достижениям науки, а также дипломатов для осуществления профессиональной деятельности [1]. Такая ситуация продолжалась до конфликта с советским руководством в 1960-х годах, а с 1971 года, с визитом Президента США Ричарда Никсона в Пекин, в систему школьного образования вновь был включён английский язык, а в 1978 году он был включен в гаокао — систему вступительных экзаменов в высшие учебные заведения. До окончания Культурной революции в 1976 основным учебным материалом служили переводы трудов Председателя ЦК КПК Мао Цзэдуна на английский язык.

За «Реформами открытости» Дэн Сяопина в 1979 г. последовала новая волна интереса к английскому языку в Китае, началась и его поддержка как на государственном уровне, так и на местах [1]. Тем не менее, такая поддержка

имела и свои ограничения: изучение должно было вестись в целях экономического и научного обмена опытом, влияние на политическую и культурную жизнь страны со стороны запада было крайне нежелательно, в связи с чем КПК были проведены государственные кампании по их сдерживанию («Кампания против духовного загрязнения» (1983), «Кампания против буржуазного либерализма» (1989) и другие).

На данный момент количество изучающих английский в Китае, по разным оценкам, составляет порядка 400 миллионов человек. В состоянии на 2011 год, рынок частных школ обучения английскому составлял 46,3 миллиарда юаней [2].

С 2001 года, согласно плану Министерства Образования Китайской Народной Республики, учебная дисциплина «английский язык» вводится с третьего года обучения в школе, и в особых случаях — с первого, продолжаясь весь период обучения, включая ступень высшего образования. В целях более раннего овладения языком, родители стараются отдавать детей в детские сады, где преподаётся начальный курс английского. Вся эта политика в итоге привела к тому, что китайцы в общем случае могут, по крайней мере, понять английскую речь [1].

Уровень преподавания и распространения английского языка неравномерен с географической точки зрения. Большими показателями здесь обладают южные и юго-восточные прибрежные города, являясь торговыми и экономическими центрами. С продвижением на запад и вглубь континента популярность английского снижается, и, например, шанс обнаружить свободно говорящего по-английски китайца в Урумчи значительно ниже, чем в Шанхае.

Особый случай представляют регионы Китая, где осуществляется предложенный в начале 1980-х годов Дэн Сяопином режим «Одна страна, две системы», по которой особые территории получали бы собственную внутривластную и экономическую автономию. К таким относятся Гонконг, Макао и Тайвань.

Гонконг до 1997 года являлся британской колонией, и обучение английскому языку как иностранному там всегда воспринималось всерьёз. С момента вхождения Гонконга в состав КНР открылось множество образовательных учреждений, специализирующихся на преподавании английского носителями языка. В целом, Сянган является главным центром изучения английского языка в Китае как по историческим, так и по географическим причинам (прибрежный статус города гарантирует высокие торгово-экономические показатели).

Похожая ситуация наблюдается и на Тайване, который до 1979 года поддерживал с США договор о взаимной обороне и где уровень преподавания английского тоже был сравнительно высок. Однако на современном этапе тайваньскими методологами обучения иностранным языкам отмечается спад уровня преподавания английскому, в основном, из-за использования устаревших методов.

Помимо формирования положительного образа Китая, поддержка преподавания английского языка правительством и населением имеет ряд иных причин. В частности, английский является официальным языком ООН, языком международного общения, а также владением ним является основным условием для карьерного роста [4].

Большая кампания, связанная с английским языком, была запущена в ходе подготовки и проведения XXIX Олимпийских игр в Пекине в 2008 году. Правительство КНР запустило программу обучения населения Китая базовому уровню владения языком в течение предшествующих Олимпиаде нескольких лет [5]. Было также привлечено большое количество носителей языка в ходе выполнения мероприятий по устранению ошибок и элементов «чинглиша» на знаках и табличках в городах и за городом.

Большой интерес представляет ситуация с англо-китайским пиджином на территории Китая. Будучи продуктом интерференции двух языков, он вобрал в себя характерные особенности двух крайне далёких генетически и различающихся по морфолого-синтаксическому принципу языков [6]. Известный китайский лингвист Ли Вэньчжун, говоря о чинглише, характеризовал его как деформированный носителями китайского языка английский посредством использования грамматико-синтаксических структур и правил родного языка. Тем не менее, чинглиш нельзя охарактеризовать как английский с характеристиками китайского. Он является гибридным языком, часто создающим помехи в межкультурной коммуникации, хотя и является неизбежным лингвистическим феноменом, насчитывающим несколько столетий истории [5].

Чинглиш берёт начало в 1637 году, когда английские мореплаватели достигли берегов Макао и Гуаньчжоу. В 1664 году британцы там же открывают торговый порт. Переводчиками выступали либо изгнанники из числа китайцев, либо лица неханьской национальности, так как у обеих сторон были субъективные причины не изучать язык партнёров. На этом фоне язык-пиджин получает огромный толчок к развитию [5].

Следующим этапом его развития стал период после Опиумных войн, когда английскими миссионерами массово стали открываться школы, где изучался английский, что сократило распространённость чинглиша.

В 1982 году английский объявлен главным иностранным языком в сфере образования, что также ослабило позиции китайско-английского пиджина. Тем не менее, чинглиш до сих пор носит достаточно массовый характер [5, 6].

Литература:

1. Тихонова, Е. В., Корнева Е. Д. Распространение английского языка в Китае // Молодой ученый. — 2015. — № 19. — с. 702–705.
2. Zarubin, A. N., Mitchell P. J. The English language internationally: an introduction to the case of China. Tomsk: Language and Culture, 2011, p. 14–20.
3. Wu Wenshun. What Else after «How are you?» — Reflections on Methodologies of English Teaching in Taiwan. Ji-aoyu Ji Waiguo Yuwenxue Bao, 2005, № 2, p. 71–81.

Например, автор статьи в метро города Шэньяна столкнулся со следующей надписью: «Do not rely on this door». Данная фраза является неверным переводом «□□□□», которое в русском значит «не прислоняться», но было неверно переведено как «не полагайтесь на эту дверь», что не только вводит читающего в ступор, но и может привести к опасной ситуации. Чинглиш не только является ненормативным языковым феноменом, но и создаёт плохое впечатление о стране.

Именно по этим причинам во время подготовки к Олимпиаде и другим событиям международного уровня в Китае была запущена кампания по его устранению. По официальной статистике, в ходе выполнения мероприятий по устранению элементов чинглиша при подготовке к Олимпиаде в Пекине и ЭКСПО-2010 в Шанхае было заменено 4624 конструкции с пиджина на нормативный английский [6].

Тем не менее, будущее чинглиша пока не ясно, меры по его устранению оказались недостаточно эффективными, и он всё ещё проявляет устойчивость. В этом контексте чинглиш уместно рассматривать как следствие использования неправильных подходов и методов в процессе обучения английскому языку, в частности, отсутствия достаточного количества практики говорения и восприятия речи. В Китае наблюдается использование современных технологий в процессе изучения английского, но похожие изменения должны осуществляться в системе с методологическими исследованиями. Важно также изменить представление о переводе, который в большинстве случаев выглядит как декорация к оригинальному тексту [7].

Таким образом, в целом в Китае наблюдается положительная тенденция развития английского языка, число изучающих английский в последнее пятилетие превысило 500 миллионов человек. Основные препятствия на данном пути связаны с неподготовленностью методологической базы, географической неравномерностью распространения языка, «кампанейщиной», когда под предлогом сохранения чистоты китайского языка создаются преграды для продвижения английского, а также иными экстралингвистическими факторами [8]. Для развития английского существуют и объективные причины: Китай интегрируется в мировое сообщество, в котором основным средством общения является английский язык, так что китайскому народу необходимо знать если не формализованный стандартный вариант английского, то хотя бы такой, чтобы на нём можно было понятно изъясняться, не вводя собеседника в ещё большее заблуждение [7].

4. Mitchell, P. J. English for innovators: the importance of ELT provision in an innovation economy. Tomsk: Innovatika-2011, 2011, p. 36–40.
5. Zarubin, A. N., Mitchell P. J. English in China: English vs. Chinglish, Culture vs. Language. Saarbruecken: LAP Lambert Academic Publishing, 2013. 64 p.
6. Митчелл, П. Д., Зарубин А. Н. Чинглиш — культурный феномен // Вестник Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. — 2013. — № 1 (9). — с. 69–80.
7. Zarubin, A. N., Mitchell P. J. English as the language of a global economy: an overview of Russia and China. Tomsk: Current issues in modern economics: A fresh look and new solution, 2013, p. 3–7.
8. Тихонова, Е. В., Леонтьева Ю. П. Неологизмы в китайском языке: пути появления и классификация // Молодой ученый. — 2015. — № 18. — с. 536–538.

Лексикографическое и психолингвистическое значения слов

Волковинская Наталья Александровна, магистр, аспирант
Минский государственный лингвистический университет (Беларусь)

Проблема значения слова является классической проблемой языкознания. «Сущность лингвистики заключается в поисках значения» писал Уорф [1, с. 45]. Насколько наука приблизилась к решению этого, вопрос открытый. В одной из первых работ по теории значения Ч. Огдена и Ричардса авторы приводят уже 23 определения этого понятия [2]. На данный момент исчислить все возможные трактовки еще сложнее. Трудность выработки единой дефиниции, бесспорно, является следствием сложности, многогранности самого явления значения, возможности трактовки его с разных ракурсов и подходов. Мы не будем останавливаться на традиционных ключевых, а также спорных вопросах данной теории, список которых приводится в оглавлениях любых хороших учебниках по лексикологии и лексической семантике, для данной работы существенна, прежде всего, трактовка слова с позиции антропоцентрического подхода — а именно «живого» слова, как достояния индивида, и неоднозначная корреляция 2 значений слов — лексикографического и психолингвистического.

Вопрос о соотношении этих двух значений активно обсуждается в последнее время, однако, указание на важность исследования слова, как достояния пользующегося языком индивида, на удивление не ново. Так, еще в 1871 И. А. Бодуэн де Куртенэ отмечал важность «различать категории языковедения от категорий языка» [3, с. 60]. Схожее мнение высказывали Н. В. Крушевский и Л. В. Щерба, указавший на необходимость разграничения языковой системы (словари и грамматики языков, выводимые из языкового материала) и речевой организации индивида, как индивидуального проявления языковой системы, но не равного ей. [4, с. 121]. Очень образно разницу между живым словом и его лексикографическим представлением описал А. А. Потебня «... пример предрассудка мы видим в понятии о слове. Обыкновенно мы рассматриваем слово в том виде, в каком оно является в словарях. Это всё равно, как если бы мы рас-

сматривали растение, каким оно является в гербарии, то есть не так, как оно действительно живёт, а как искусственно приготовлено для целей познания» [5, с. 466]. Он же разграничивал «дальнейшее» значение слова и, «рассматриваемое до определенного предела», «ближайшее» значение, которое как раз и является объектом лингвистов и характеризуется «народностью» — известностью всему языковому сообществу [Там же].

Оформление нового подхода к значению слова связано со становлением науки психолингвистики в середине 20 в. Рассмотрение его как психического феномена, как «динамической иерархии процессов», [6, с. 8] а не «совокупности вещей», стало более системным. В это же время «сместился и ракурс исследования слова» — оно стало исследоваться «через призму осуществления и восприятия речевой деятельности» [7].

Знаковыми работами в разработке психолингвистической теории слова, живого слова, как достояния человека, являются работы основательницы Тверской психолингвистической школы А. А. Залевской. Ей принадлежит трактовка слова в качестве средства доступа к «единой информационной базе человека», представляющей собой «самоорганизующуюся функциональную динамическую систему — совокупного продукта переработки разнообразного (в том числе речевого) опыта» [8, с. 24–25], «формирующейся по закономерностям психической жизни индивида, но под контролем социума и — шире — культуры» [8, с. 25]. Исследовательница живописно приписывает слову роль лазерного луча при считывании голограммы, акцентируя этим образом то, «что для пользователя языком в естественных ситуациях (в отличие от условий лингвистического анализа) важно не слово само по себе, а именно то, что стоит за словом (т.е. хранится в памяти и может быть из неё извлечено во всём богатстве связей и отношений)» [Там же с. 25].

В работе [9] А. А. Залевская, путем обобщения богатейшего экспериментального и теоретического мате-

риала, накопленного десятилетиями, предлагает «интерфейсную теорию значения слова» и вводит метафору «живой мультимодальный/поликодовый гипертекст» для характеристики того, что стоит за словом. Термин «поликодовый» подразумевает «взаимодействие языковых и неязыковых «кодов» разных модальностей: зрительного, слухового, тактильного и т. д». [9, с. 133], а «навигация» по этому «поликодовому гипертексту предшествующего опыта» рассматривается как способ выхода «на определённый фрагмент образа мира во всём богатстве ситуаций, объектов, связей между ними, а также вероятных следствий, принятых в социуме и специфичных для личности норм и оценок» [Там же]. Данная авторская теория опирается на рассмотрение «лексикона человека как функциональной динамической (самоорганизующейся) системы; обнаружение множественности принципов организации лексикона; выявление специфики индивидуального знания; описание двойственных функций значения слова; применение метафоры голограммы; трактовки слова, как узла пересечения множественных связей (в том числе по разным видам выводных знаний); моделирование процесса идентификации слова, как средства выхода на индивидуальный образ мира [10, с. 16–17].

Итак, остановимся подробнее на 2 видах значения. Системное /лексикографическое значение слова, зафиксированное в словарях в виде словарной дефиниции, представляет собой минимальный набор субъективно определенных лексикографами признаков описываемого понятия [11, с. 12]. Данная совокупность признаков содержит полученные в ходе познания действительности знания о предмете, явлении, называемым словом, об его наиболее существенных, типичных, общеизвестных свойствах. Сведение лексического значения слова к сумме семантических признаков/компонентов является наиболее традиционным в языкознании, восходит к положениям структурной лингвистики и реализуется прежде всего в методе компонентного анализа.

Однако многие исследователи указывали на недостатки такого значения. Так, И.С. Стернин отмечает спорность трактовки выделенных признаков в качестве существенных для носителей языка [10]. Зачастую вместо действительно значимых, лексикографическое значение фиксирует признаки весьма периферийные, что делает его «недостаточным для описание реального функционирования слова в речи» [12, Фридман].

Психолингвистическое, психологически реальное, психическое, индивидуальное, живое — вот набор терминов, используемых для описания «упорядоченного единства всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителя языка» [11]. Термин «психологически реальное значение слова» был введен И.А. Стерниным, активно используются и другими исследователями (Е.И. Грищук, А.В. Рудакова, Ж.И. Фридман и др.). В нашей работе мы предпочитаем использовать термин

«психолингвистическое значение» (ПЗ), как более определенное и отражающее способ его выявления — с помощью психолингвистических методик. Независимо от выбранного термина, большинство исследователей трактуют его схоже, как «своего рода микромодель, отражающую, каким образом воспринимается мир носителем языка» [13, с. 45]

ПЗ характеризуется наличием выраженной полевой структуры с упорядоченной по яркости иерархией компонентов от ядерных и до периферийных. Исследование ПЗ, проведенное Ж.И. Фридман, выявило его значительно «более высокую оценочность, эмоциональность, образность и субъективность семантики» [12, с. 100–102].

Выявляется данное значение чаще всего экспериментально при помощи психолингвистических методик, а именно ассоциативного эксперимента (А.А. Леонтьев, Е.М. Горошко, И.А. Стернин), а также при помощи «исчерпывающего анализа всех зафиксированных контекстов употребления» [11]. Несмотря на существенно большие затраты для их проведения по сравнению с, например, логическим анализом, экспериментальные методы «оказываются несравненно более эффективным и экономным путем определения психологически реального значения слова, чем контекстуальный анализ» [14, с. 122].

Содержание ПЗ намного ближе лексикографического к содержанию концепта — «единице мышления, фиксирующей отраженную, познанную и осмысленную субъектом действительность» [10, с. 13], но никогда не покрывает его полностью. Оба явления, будучи отражением познанной человеком объективной и субъективной действительности, принадлежат, однако, разным видам сознания: концепт — когнитивному, а значение — языковому [Там же, с. 64]. Концепт имеет более «сложную и многогранную» структуру [15, с.7] и помимо компонентов смысла, ассоциируемых со словом, включает в свое содержание энциклопедические знания, а также «отражает общую информационную базу человека» [Там же]. А.А. Залевская противопоставляет концепт как объективно существующее в сознании человека перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера значениям как продуктам научного описания [15, с. 22]. Значение, таким образом, является «схваченной знаком» частью концепта, верхушкой этого айсберга, общеизвестной носителям языкового сообщества благодаря своей фиксации в лексикографических источниках. ПЗ намного шире лексикографического варианта представляет концепт, но и оно ни коим образом не исчерпывает его полного объема.

Важнейшей характеристикой ПЗ по мнению И.А. Бубновой, является то, что его структура отражает как субъективное восприятие и осознание мира, так и ограничения, накладываемые «совокупным опытом определенной социальной общности или культуры» [13, с. 46]. Будучи закрепленным в языковой форме, значение становится частью содержания общественного сознания, так как в нем «представлена преобразованная и свернутая в материи

языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых общественной практикой» [17, с. 140–141].

Сопоставление двух вышеупомянутых типов значения позволяет сделать следующие выводы.

– Системное значение характеризует лексику — слово, неактуализированное в речи [13, с. 47] и является фактом языка, в то время как ПЗ рассматривается через «призму осуществления и восприятия речевой деятельности» [7], т.е. актуализацию в речи и является фактом языкового сознания.

– ЛЗ создается лексикографами путем приведения наиболее существенных признаков. ПЗ моделируется на основе анализа экспериментального материала.

– ЛЗ строится согласно принципу «логического и описательного редукционизма» [11], ПЗ стремится охватить максимально широкий набор семантических компонентов — все, что связано с этим телом знака в сознании носителей языка.

– Семантические компоненты, включенные в ЛЗ считаются равноценно ядерными. ПЗ строится по полевому признаку с выделением ядерных и периферийных компонентов.

– ЛЗ исследуется методами традиционными методами семантического анализа, ПЗ получают посредством экс-

периментальных методик, преимущественно свободного ассоциативного эксперимента.

– ЛЗ формируется для представления в ограниченном объеме словаря и отражает предположительно наиболее существенные характеристики предмета, явления, процесса. ПЗ стремится к максимально полному отражению всего, что связано с данной звуковой оболочкой в сознании носителя языка, и помимо общеизвестных и существенных свойств, включает и менее яркие, периферийные компоненты, а также субъективные ассоциации.

Указанные моменты не должны и не смеют умалять роль лексикографов и ценность лексикографических описаний. Более того некоторые исследования показывают отсутствие «принципиальных различий между лексикографической информацией и информацией, полученной другими методами [18, с. 153]. Так, сравнение описанного Э. Рош прототипа птиц с дефиницией слова «птица», представленной в словаре Ожегова, обнаружило в последней тот же набор выявленных признаков [Там же]. Словари относительно успешно справляются со своим назначением — дать возможность опознать искомое слова, однако использование психолингвистических методик и построенных на их материалах значений слов, может использоваться для корректировки лексикографического описания и оптимизации включаемых в него признаков.

Литература:

1. Звегинцев, В. А. Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. — М.: Прогресс, 1981. — с. 21–23.
2. Ogden, C. K., Richards I. A. The Meaning of Meaning. — New York: Harcourt, Brace & World, Inc., 1923. — 363 p.
3. Бодуэн де Куртенэ И. А. Языкознание, или лингвистика, 19 века // Избранные труды по общему языкознанию. В 2-х т. М., 1963. — Т. 2. — 391 с.
4. Щерба, Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. — М., 1974. — с. 24–39.
5. Потебня, А. А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. — С.465–466.
6. Леонтьев, А. Н. Потребности, мотивы и эмоции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. — 40 с.
7. Уфимцева, А. А. Лексическое значение [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.booksite.ru/fulltext/ufimceva/text.pdf>
8. Залевская, А. А. Значение слова через призму эксперимента / А. А. Залевская. — Тверь: Твер. гос. Ун-т, 2011. — 240 с.
9. А. А. Залевская Что там — за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.rulit.me/books/chto-tam-za-slovom-voprosy-interfejsnoj-teorii-znacheniya-slova-read-421797-1.html>
10. Стернин, И. А, Рудакова А. В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. — 192 с.
11. Стернин, И. А. Коммуникативное и когнитивное сознание // С любовью к языку. <http://www.philology.ru/linguistics1/sternin-02a.htm>
12. Фридман, Ж. И. Психологически реальное значение слова как феномен языкового сознания: дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / Ж. И. Фридман. — Воронеж, 2006. — 219 л.
13. Бубнова, И. А. Структура субъективного значения слова (психолингвистический аспект) [Текст]: дис. д-ра филол. наук / И. А. Бубнова. — М., 2008. — 471 л.
14. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи. / И. А. Стернин. — Воронеж, 1985. — 170 с.
15. Пименова, М. В. Предисловие // Введение в когнитивную лингвистику / Под ред. М. В. Пименовой. — Кемерово, 2004. — Вып. 4. 208 с.
16. Залевская, А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. — с. 36–46.

17. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. — 304 с.
18. Харитончик, З.А. Очерки о языке. Теория номинации. Лексическая семантика. Словообразование: [избранные труды]. — Минск: МГЛУ, 2004. — 367 с.

Юридический перевод в рамках скопос-теории

Гао Япэн, магистрант;

Янь Цзюнь, магистрант

Китайский политико-правовой университет (Китай)

Ключевые слова: скопос-теория, юридического перевод, принцип лояльности

На Западе скопос-теория занимает заметное место в лингвистической школе теории перевода. Слово «скопос» заимствовано из греческого и означает «цель», соответственно, всё это направление получило название «теория скопоса», которое выглядит не очень хорошо по-русски, но прекрасно смотрится на немецком и даже английском: Skopostheorie, skopos theory [1, с. 253]. Нередко об этой теории также говорят как о функционалистской, но мы будем избегать этого названия, чтобы не смешивать ее с теорией функционального эквивалента. Развитие скопос-теории перевода состоит из четырёх этапов.

В 1971 году в своей первой работе «Возможности и границы критики перевода» К. Райс впервые выдвинула концепцию функциональная модель и создала текстоцентрическую теорию. По словам К. Райса, для того, чтобы адекватно оценить качество перевода, необходимо определить тип текста. К. Райс считает, что классификация текстов может основываться на различных подходах: эмпирическом, лингвистическом, коммуникативном и теоретическом. Сама К. Райс предлагает своё деление:

- a. тексты, ориентированные на содержание;
- b. тексты, ориентированные на форму;
- c. тексты, ориентированные на обращение;
- d. аудио-медиаальные тексты [2, с. 224].

Следует также отметить, что теория К. Райса создается на основе теории эквивалентности, и её сущность заключается в достижении функциональной эквивалентности между двумя языками.

Х. Фермеер превысил ограничение теории эквивалентности и выдвинул новую теорию — перевод как вид деятельности, который имеет свою цель, предполагаемого адресата. Согласно Фермееру, в теориях перевода скопос указывает на функции, на выполнение которых в контексте культуры адресатов предназначен перевод. По его мнению, как при устном, так и при письменном переводе основное внимание должно уделяться функции как исходного, так и целевого текста. В своей теории Фермеер определяет перевод, во-первых, как вербальную деятельность, точнее, как специальную форму вербального трансфера. Во-вторых, чтобы выразить интенциональность адресанта этой интеракции, Фермеер включают в опре-

деление перевода понятие информации [3, с. 39]. Кроме того, безусловной заслугой Х. Фермеер и его единомышленников является то, что влияние заказчика на перевод, находившееся в тени эквивалентности, было представлено в столь законченном виде и стало рассматриваться как важнейший переводческий ориентир [4, с. 44].

Лингвистка Юста Хольц-Мянттяри способствовала дальнейшему развитию скопос-теории и в 1984 году предложила теорию «переводящего действия», которая представляет собой функционально-ориентированный подход к теории и практике перевода. Перевод в модели Хольц-Мянттяри понимается преимущественно как процесс межкультурного взаимодействия. По её мнению конечным продуктом указанного процесса является текст, функционирующий должным образом в определенных ситуациях и контекстах употребления. Все тексты, полученные в результате перевода, используются клиентами для межкультурной передачи сообщения. Кроме того, Хольц-Мянттяри предложила различия между переводом и переводческой деятельностью. Согласно концепции Хольц-Мянттяри, главной задачей переводческой деятельности является создание условий для функционально адекватного сотрудничества и преодоления культурных барьер.

Немецкая исследователь Кристиан Норд относится ко второму поколению сторонников теории скопоса. В книге «Перевод как целенаправленное действие» К. Норда основные положения скопос-теории выражены особенно последовательно, ясно и кратко. Кроме того, Норд основательно проработала статьи и книги не только сторонников, но и противников этой теории, развила некоторые ее положения и дала свои ответы на основные критические замечания. Норд ввела понятие верности или лояльности переводчика, причем говорит она об этом явлении уже в самом начале книги, сразу после ответа на критические замечания, так что становится понятно: это действительно новое понятие, и оно действительно появилось в ответ на критические замечания. Свой подход она определяет как «функциональность и верность» [5, с. 17].

Э.А. Гутт указывает на то, что история теории перевода можно представить как обсуждение различных зна-

чений слова «перевода» [6, с. 47]. До появления теории скопоса среди коммуникативных и функциональных теорий господствовало понимание перевода как двухразового акта коммуникации. По концепции теоретиков скопос-теории перевод прежде всего представляет собой вид практической деятельности, а успех всякой деятельности определяется тем, в какой степени она достигает поставленной цели. Перевод по этой концепции происходит в рамках коммуникативной ситуации, на основе исходного текста и перевода.

По концепции теоретиков скопос-теории в процессе перевода участвуют несколько человек, которые играют разные роли: инициатор, посредник, создатель текста, переводчик, «апликатор» переведенного текста и его реципиент [7, с. 24]. Как самое важное звено в процессе перевода переводчик создает передатчики для использования их в передаче межкультурного сообщения. Помимо этого, понимание переводчика должно быть совместимо с намерением автора и с ситуацией, в которой находится читатель.

Принцип цели и принцип лояльности составляют основные принципы скопос-теории. По концепции теоретиков скопос-теории весь процесс переводящего действия зависит от цели соответствующей переводческой деятельности, то есть, применение способа зависит от результата. В этой ситуации, цель имеет три значения: цель переводчика (например, зарабатывать деньги), коммуникационные цели текстов (например, дать какое-либо представление читателям) и достижение цели при использовании каким-либо особенным средством.

Язык и закон составляют самые важные аспекты истории человечества. Язык является средством коммуникации между людьми и берет на себя все многообразие и сложность передачи различных явлений действительности, а закон обеспечивает социальный порядок. По мере развития человеческой цивилизации юридический язык как выражение закона обогащается. Основной проблемой юридического языка является передача мысли и содержания закона с помощью языка. Юридический язык как специальная лексика отличается от любых других лексик и имеет свои особенности.

Прежде всего он характеризуется точностью, ясностью, использованием слов и терминов в строго определенном смысле. В связи с признаком правовой нормой юридическому языку свойственны простота и надежность грамматических конструкций, исключающих двусмысленность. Другое важное качество юридического языка — его эмоциональная нейтральность. Даже самые неординарные с моральной точки зрения события и факты юрист должен описать в нейтральных выражениях, не оказывая эмоционального давления и не раскрывая своей юридической оценки. Одна из особенностей юридического языка заключается в том, что многие юридические термины, в том числе и оценочные понятия, например, безвестно отсутствующий, принятие к своему производству, более мягкий вид наказания.

В юридическом переводе традиционно продолжается спор и противостояние между приверженцами духа и буквы языка. Как уже сказано выше, в модели теоретиков структурно-лингвистической теории если переводчик изменяет синтаксическую и лексическую структуру юридического документа, то оригинальный текст утратит силу своего убеждения. Так ситуация сохранялась вплоть до времени, когда немецкие теоретики перевода выдвинули скопос-теорию, которые изменили тенденцию и обращали внимание на цель перевода и аспект коммуникации переводящей деятельности.

Согласно теоретикам скопос-теории, прежде всего юридический перевод требует определения цели документов. После этого переводчики выбирают методы, соответствующие поставленным задачам. В юридическом переводе точность перевода имеет очень большое значение, так как переведенный материал может служить основой для принятия важных решений. Кроме того, юридическая литература тесно связана с законодательной базой того или иного государства. Конечно, в праве существуют понятия, которые могут принадлежать определённой правовой системе и иметь словесное обозначение только в языке этой правовой системы. Таким образом, адекватность перевода юридических материалов предполагает не только передачу содержания материала, но и более тщательную передачу его структурной формы, порядка следования частей и расположения материала, последовательности изложения.

Юридический документ подразделяется на некоторые типы. Перевод различных юридических документов зависит от их целей. Цель перевода может быть самыми различными, и соответствующие им тексты перевода будут принципиально отличаться друг от друга. В каких-то случаях цель перевода может заключаться в достижении максимальной близости к оригиналу, а в других случаях цель может быть иной — сообщить получателю какую-то информацию, убедить его в чём-либо, добиться заключения сделки и т.д. Например, законодательные документы носят нормативный, директивный и информационный характер. Цель перевода законодательных документов (например, законы, решения, указы, постановления и т.д.) заключается в том, что осуществлять адекватность между правовыми системами не только в лингвистической степени, но и юридической степени. Таким образом, в законодательных документах цель перевода может заключаться в достижении максимальной близости к оригиналу. В некоторых юридических документах (например, договоры, соглашения и т.д.) цели заключаются в уточнении прав и обязанностей сторон договора. Так, в процессе их перевода переводчикам необходимо выбирать соответствующие юридические термины для того, чтобы тексты имеют одинаковую юридическую силу.

Как выше уже сказано, по концепции теоретиков скопос-теории в процессе перевода участвуют несколько человек, которые играют разные роли: инициатор, по-

средник, создатель текста, переводчик, «аппликатор» переведенного текста и его реципиент. А самым важным звеном в процессе перевода является переводчик. Для выполнения качественного перевода юридических текстов переводчику необходимо иметь знание юридических основ, социально-культурных и политических особенностей страны происхождения текста, а также особенностей

работы с разными видами юридической документации. В этом процессе переводчик выступает не в качестве простого посредника, а как языковой консультант, специалист, который хорошо знает как язык и культуру, так и юридические знания соответствующей страны и способен создать тексты для успешной деятельности с представителями этой страны.

Литература:

1. Десницкий, А. С. Теория перевода после Юджина Найды: скопос вместо эквивалента. // Миф, № 7, София, 2001. — 253 с.
2. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). — М.: Изд-во РАО, 2001. — 224 с.
3. Катарина Райс, Ханс Фермеер. Основы всеобщей теории перевода. // *Reið*, 1984. — 39 с.
4. Катарина Райс, Ханс Фермеер. Основы всеобщей теории перевода. // *Reið*, 1984. — 44 с.
5. Кристиан Норд. Перевод как целенаправленное действие. // *St. Jerome*, — 17 с.
6. Gutt E.-A. Pragmatic aspects of translation: Some Relevance-Theory. // *Observations in The Pragmatics of Translation*, L. Hickey, *Multilingual Matters*, 1998. — 47 с.
7. Кристиан Норд. Перевод как целенаправленное действие. // *St. Jerome*, — 24 с.

Экспрессивные средства рекламного текста

Герасимова Алёна Петровна, студент
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В современном мире реклама является постоянным спутником нашей жизни. Реклама — динамично трансформирующаяся сфера человеческой деятельности. Стремительное развитие рекламной индустрии стало одним из наиболее ярких явлений социокультурной действительности последнего десятилетия. Следствием возрастающего влияния языка рекламы на общество явилось внимание исследователей к коммуникативным, лингвистическим, стилистическим и другим особенностям рекламных текстов, а также интерес к специфике восприятия рекламы представителями различных социальных, возрастных и гендерных групп, отразившийся в ряде публикаций научных и популярных изданий.

На наш взгляд, актуальность исследования определяет стремительное развитие рекламной индустрии и возрастающее воздействие языка рекламы на общество и жизнь в целом.

Средства речевой выразительности делают текст рекламы наглядным, так как оказывают образное воздействие, то есть дают зрительную, слуховую, обонятельную, вкусовую, тактильную информацию. Эмоциональная, экспрессивная речь воспринимается быстрее, находит более глубокий эмоциональный отклик, вызывает сопереживание, более тесно связана с оценкой на уровне «хорошо — плохо» и лучше сохраняется в памяти.

Реклама использует широчайший спектр средств выразительности на всех уровнях языка, что позволяет достигнуть интенсивного концентрированного воздействия

на человека. Выразительные средства, или фигуры речи, не создают образ, а повышают выразительность речи, а также усиливают ее эмоциональность используя особые синтаксические построения: инверсию, риторический вопрос, параллельные конструкции, контраст и т.д. [1, с. 204]. Правильный подбор экспрессивных средств в рекламном тексте (слогане) обеспечивает его выразительность и, в конечном счёте, успешность и популярность.

Метафору отмечают как одно из мощнейших средств придания образности и выразительности рекламному слогану. В рекламном тексте это ситуация, когда какому-то лицу или предмету приписываются абсолютно не характерные для него свойства данные ему на основании сравнения:

The butterfly effect (L’Oreal Paris); The winged eye (L’Oreal Paris); Discover nature’s secret for healthy feeling skin. (Aveeno)

Метонимию часто путают с метафорой. Однако надо помнить, что данное средство выразительности используется, когда одно слово заменяется другим, очень схожим по значению. «Pineapple shampoo» (рекламный каталог «AVON»)

Частотны приемы употребления синекдохи в примерах:

Apple for a smothed and plumred skin! (Docteur Renaud); All eyes on you (средства для укладки волос Got2b)

Сравнение сопоставляет два или более предмета, с целью выявить несоответствия, различия. Узнать

в предложении этот стилистический приём можно по словам типа «like», «as though», «as», «such as», «as like», «as ... as»:

Legs like pure silk. (реклама крема Pure silk); Hair like silk, just smoother. (Pantene PRO-V); Like a shot of espresso for tired skin (GinZing Origins); Finally, a scent as fabulous as your shower voice. (гель для душа Gud)

В англоязычной рекламе нередко можно встретить такой стилистический прием как олицетворение, то есть перенесение свойств одушевленных предметов на неодушевленные. Это значит, что слова, в которых свойства человека перенесены на отвлеченные понятия и неодушевленные предметы, могут заменяться местоимениями he и she, употребляться в форме притяжательного падежа и сочетаться с глаголами речи, мышления, желания и другими обозначениями действий и состояний, свойственных людям.

Dramatic, seductive and captivating. Your eyes speak volumes (тушь Lancome)

So smart, it knows what your skin needs. (Estee Lauder)

Наиболее частотное употребление эпитетов, выражающих в предложении определение и подчеркивающих качества предмета или лица:

Vibrant colors (тени L'Oreal Paris); For lustrous hair and radiant skin (Richfeel); Velvety matte look moisture-rich balm (помада Revlon); Material girl (реклама одежды MACYS); Dramatic, seductive and captivating. Your eyes speak volumes (тушь Lancome); Soft, beautiful, flake-free hair is not negotiable. (Aveeno)

В данных примерах эпитеты придают слоганам оценочную коннотацию, помогают обрести слову красочность, насыщенность. Наибольшая частотность эпитетов наблюдается в рекламе косметических средств для женщин, что, скорее всего, обусловлено психологическими особенностями женского мышления.

Гипербола — преувеличение размера, силы, значения, усиление признака, свойства до таких размеров, которые обычно не свойственны предмету, явлению встречается в женских журналах в примерах:

The gift of kings. (парфюм Amouage Honour)

It's the next era in color care. (средство для волос Nexxus)

Как мы видим из анализируемых примеров, анафора широко применяется с целью усилить действенность речи, повысить ее эмоциональный накал:

New hair. New you (Pantene Pro-V)

You'll know when your family is complete. You'll know when it's time for Essure. (Essure-permanent birth control)

No cake. No drug. 100% smooth-buffet effect! (Maybelline NY)

This one curls your hair. This one curls your toes. (Astroglide)

Как и анафора, эпифора используется для интонационного выделения элементов, усиления эффекта и ритмической организации речи:

Lift it. Boost it. Own it. (L'Oreal Paris)

Out with your sports bra. In with a running bra. (одежда для спорта CW-X)

You were born with it. Battled with it. Learnt to live with it. Until now... (средство для укладки волос Frizz Ease)

Параллелизм конструкций, усиленный анафорическим или эпифорическим повтором, создает определенный ритм повествования, сближающий его с поэтической речью:

Maybe She's Born With It. Maybe It's Maybelline (девиз Maybelline NY)

Beauty is our being. Beauty is our dialect. (реклама салона красоты «Nazih»)

Антитеза — оборот, в котором резко противопоставляются противоположные понятия.

One drop can change everything. (Onemightydrop)

Once you go Italian. You'll never go back. (Kraft)

Adult acne isn't child's play. (Acnevir)

Less makeup. More coverage. (BareMinerals)

Известны также случаи употребления градации:

Love fashion, adore life. (реклама одежды Designers Outlets)

Love the color. Adore the shine. Crave the feel (Maybelline NY)

В анализируемых примерах нам встретились явления умолчания, намеренного обрыва высказывания, передающего взволнованность речи и предполагающего, что читатель догадается о невысказанном:

The secret is out... (Pelactiv mineral powder foundation)

Посредством употребления риторического вопроса в рекламных слоганах преследуется цель привлечь внимание к изображаемому явлению, вызвать соответствующую реакцию:

It's five o'clock, is your makeup still fabulous?; Want your Youth Collagen back? (StriVectin); Shouldn't flake-free hair smell as gorgeous as it looks? (Head&Shoulders); Doesn't your skin deserve better care? (Dove)

Риторическое восклицание подчеркивает эмоциональность авторской речи, усиливает выражение чувств в примерах: Say it loud! (реклама лаков для ногтей COVERGIRL); Have it all! (Sally Hansen)

Зачастую авторы текстов намеренно нарушают границы предложения с помощью парцелляции, позволяющей усилить смысловые и экспрессивные оттенки значений:

I want candy. For eyes. (CLINIQUE)

The skin of your dreams. Instantly. And for the future. (Dior)

One. With the power of Two. (Clarins)

Так, следует признать, что рекламные тексты, являющиеся в последние годы предметом большого количества исследований, проявляют черты, свойственные для происходящих в современном языке изменений, в числе которых можно наблюдать также нарушение традиционного соотношения форм существования речи и языковых норм. Использование автором таких тенденций имеет направленность на создание экспрессивного рекламного сообщ-

щения, что необходимо для выполнения одних из главных функций рекламы — привлечения внимания адресата и побуждения его к определенным действиям. Изучение

приемов создания экспрессивности на различных языковых уровнях вносит определенный вклад в раскрытие механизма создания эффективного рекламного текста.

Литература:

1. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. — 4-е изд., испр. и доп. — М.: Флинта: Наука, 2002. — 384 с.
2. Гальперин, И. Р. Стилистика английского языка. Изд-во: Высшая школа, 1981—316 с.
3. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. — М.: Флинта, Наука, 2008. — 263 с.
4. Морозова, И. Слагая слоганы. — М.: РИП-холдинг, 2007—172 с.
5. Теория и практика рекламной деятельности. Функции рекламы. Теория и практика рекламной деятельности: [Электронный ресурс]. М., 2002—2015. URL: <http://adindustry.ru/doc/1121>. (Дата обращения: 22.04.16).

Категориальный признак «социальная иерархия» в семантике немецкого глагола *befehlen*

Зими́на Ната́лия Влади́мировна, кандидат филологических наук, доцент
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Под категориальным признаком в лингвистике принято понимать грамматические, лексико-грамматические и семантические признаки, служащие обобщению вещественных значений, подведению их под наиболее общие категории. В настоящей статье речь пойдет о семантическом категориальном признаке «социальная иерархия» и его реализации в значении немецкого глагола *befehlen*. Следует пояснить, что включает в себя понятие социальной иерархии. В социологии данный термин греческого происхождения (от *hieros* — «святой» и *archi* — «власть») трактуется как система последовательно подчиненных элементов, расположенных от нижнего с высшему и характеризующую многоуровневость социального целого. Под социальной иерархией понимают также иерархическую структуру, для которой характерно неравенство статусов, отношений власти, уровня доходов, престижа. Иерархия с данной точки зрения может быть как профессиональной, так и статусной, организационной и др. Под понятие иерархии подпадает любая система социальных агентов и их отношений, ранжированных по отношению друг к другу с точки зрения обладания властью, авторитетом, материальными благами, определенным социальным статусом и др. [2;3]. Таким образом, говоря об иерархии, мы понимаем прежде всего социальное неравенство, в том числе статусное. Каждый человек, проживая жизнь, меняя на различных ее этапах разнообразные социальные роли и статусы, оказывается «встроен» в ту или иную иерархическую систему. В семье это, безусловно, система «родитель-ребенок» (шире — «старшие-младшие члены семьи»), в учебном заве-

дении — «преподаватель-обучающийся», на рабочем месте — «начальник-подчиненный» и т.д. Без подобного рода иерархических систем мы не мыслим существования социума, сбой в их функционировании наверняка повлек бы за собой хаос и анархию. Соответственно, социальная иерархия — неотъемлемая часть объективной реальности, которая неизбежно находит отражение в языковой картине мира. Выше было указано, что социальная иерархия — это по сути своей неравенство, в том числе статусное. Отношение неравенства может выражаться как воздействие (возможность воздействия) или подчинение. Некто в силу обладания властью, авторитетом, должностью, рангом, чином, происхождением — иным словом, соответствующим социальным статусом, имеет право руководить, приказывать, другие же, признавая это статус, ведут себя с послушанием, подчиняются [1, с. 165].

Категориальный признак «социальная иерархия» ярко выражен в семантике немецкого глагола *befehlen*. Данная лексическая единица принадлежит к автохтонной лексике, в древневерхненемецком глагол имел форму *bifel (a) han* и употреблялся в значении «передать, доверить кому-л. что-л.», однако исконным значением лексемы было «схоронить, то есть буквально спрятать, зарыв в землю» (ср. с русским устар. «схоронить», имеющим сходную семантику, а также более современным «схрон», часто употребляющимся в публицистике в значении «потайное помещение для длительного пребывания людей (бандитов, партизан, боевиков, подпольщиков и др.) или «тайное хранилище оружия, боеприпасов»). В средневерхненемецком глагол под влиянием фонетических изменений

(прежде всего, редукции безударных гласных) приобрел форму *bevelhen*. К трансформации его семантики привело употребление в выражении *ein amt bevelhen* (передать, доверить/вверить кому-либо некую должность, пост). Таким образом, уже в нововерхненемецкий период *befehlen* получил близкое к современному, хотя и не совсем идентичное значение. Первоначально данная номинация, соотносимая сегодня скорее с категоричным волеизъявлением, была атрибутом вежливой речи и выражала просьбу, поручение, близкое современному *auftragen*.

В настоящее время толковые словари немецкого языка фиксируют следующие значения рассматриваемой глагольной единицы: 1. а) *den Befehl, den Auftrag geben, etw. zu tun; etw. gebieten* (отдавать приказ, поручение, приказывать, предписывать, велеть); б) *zu einem bestimmten Zweck an einen bestimmten Ort kommen lassen, beordnen* (вызывать кого-л. куда-л., приказывать явиться); 2. *die Befehlsgewalt haben; gebieten* (командовать, распоряжаться кем-л., чем-л.); 3. (*geh. veraltet*) *unter jmds. Schutz stellen, anbefehlen, anvertrauen* (высок. устар. передавать, вручать, вверять кому-л. что-л.) [6]. Очевидно, что именно последнее из приведенных толкований коррелирует с исконным значением глагола, которое не исчезло полностью, а «переместилось» на периферию лексико-семантической структуры. В современном немецком языке оно претерпело стилистические изменения и имеет ограниченную сферу употребления.

Сравним приведенные выше дефиниции с данными словаря И. К. Аделунга, который отражает состояние немецкой лексики на период конца 18-го-начала 19-го столетий: 1. *Niedrigern seinen Willen auf eine strenge verpflichtende Art bekannt machen, einen Befehl ertheilen... Figürlich stehet dieses Wort auch... für herrschen, regieren... In der Sprache der Höflichkeit wird dieses Wort oft für verlangen, belieben, Neigung zu etwas haben gebraucht* (букв.: доводить свою волю нижестоящим в строгой, обязывающей (к подчинению) форме... в фигуральном значении слово используется в качестве синонима к «властвовать», «управлять»... при подчеркнута вежливом обращении имеет значение «требовать (заказывать), предпочитать, иметь предпочтение к чему-л.»); 2. *Anvertrauen, jmds. Aufsicht, Schutz, Treue übergeben* (вручать, вверять чьей-л. опеке, защите, преданности) [4].

При сравнении словарных дефиниций обращает на себя внимание следующий факт: денотативное значение рассматриваемой глагольной единицы на протяжении как минимум двух последних столетий не претерпело глобальных изменений, вместе с тем наблюдается ряд новаций, отражающих, очевидно, изменения в обществе и его иерархической структуре. Так, словарь Аделунга включает в семантическую структуру номинации компоненты *Niedrigern, seinen Willen, auf eine strenge verpflichtende Art*. Отсутствие перечисленные смысловых деталей в толковании современного *befehlen* свидетельствует о масштабной демократизации общества, отсутствии выраженного расслоения на класс «выше-

стоящих», имеющих право на безапелляционное изъявление собственной воли, и класс «нижестоящих», чей удел — беспрекословное подчинение. Вызывает интерес упоминание Аделунгом значения «заказывать, предпочитать что-либо (часто в гастрономической сфере)», уместного в ситуации вежливого общения. В современных толковых словарях данный оттенок значения не включается в словарную дефиницию, но приводится в примерах употребления, при этом в большинстве случаев снабжается пометой *gespreizt* (неодобр.: напыщенно, неестественно манерно). Данный факт показывает, что словоупотребление, которое еще в недавнем прошлом являлось стилистически нейтральным, сегодня рассматривается как маркированное, связанное с избыточной, неоправданной демонстрацией более высокого статуса собеседника, близкой к заискиванию, угодничеству. Единственная область, где подобные обороты могут восприниматься адекватно — сфера услуг, где клиент по определению «всегда прав».

Рассмотрим примеры употребления глагола *befehlen* в различных значениях:

1. а) *er befahl mir strengstes Stillschweigen; den Soldaten wurde befohlen, die Brücke zu sprengen; Der General befahl den Rückzug; Jetzt hat der Kaiser brüsk befohlen, die Verhandlungen einzustellen; Nun befahl er dem Kutscher, in den Prater zu fahren; der König befahl, dass sich jedermann von ihm entfernen sollte; Er hat den Kindern Gehorsam befohlen*. В значении «отдавать приказы, велеть, приказывать» «прочитываются» высокий социальный статус носителя действия, наличие у него власти и соответствующих полномочий (*der General, der König, der Kaiser*), в ряде случаев называется также объект действия — тот, кому надлежит выполнить приказ. Речь идет о лице или лицах, заведомо имеющих статус подчиненных. Очевидно, что они обязаны подчиняться воле отдающего приказ по роду своих занятий, долгу службы (*die Soldaten, der Kutscher, jedermann* (в последнем случае очевидно, что если приказ отдает кайзер, то следовать ему должен буквально каждый, дальнейшая конкретизация не требуется). Ситуация, когда некто (очевидно, старший член семьи), приказывает (наказывает) детям слушаться, не противоречит остальным. Хотя семейные отношения — это сфера неофициального общения, статусы здесь так же четко определены, как в и прочих иерархических системах. Старшие имеют право приказать, потребовать, поручить, младшие обязаны подчиняться (слушаться). Для усиления оттенка категоричности, обязательности приказа к исполнению в примеры вводятся потенцирующие элементы *strengstens* (строго-настрого), *brüsk* (резко, без церемоний). В то же время, в конструкции с отрицанием *Von Ihnen lasse ich mir nichts befehlen!* (Я не позволю Вам распоряжаться мною!) выражается сопротивление говорящего, его несогласие с волей приказывающего, протест. Возможно также употребление выражения с местоимением в форме единственного числа: *Du hast mir nichts zu befehlen!* (В данном случае статус участников комму-

никации скорее равный, русскоязычный аналог высказывания звучит гораздо менее дипломатично: *Ты мне не указчик!*). В рамках данного значения приводятся также упомянутые выше примеры употребления, являвшиеся ранее нормой вежливого, почтительного общения, в настоящее же время воспринимаемые как проявление угодливости, подострастия и уместные разве что в сфере обслуживания, где бывает необходимо подчеркнуть высокий статус клиента: *Wie Sie befehlen!* (Как прикажете, будет сделано!) *Der Herr Baron befehlen?* (Господин барон изволят?) Гораздо более употребительными и уместными являются сегодня конструкции с *wollen, möchten, wünschen*).

1. б) *Spät noch hatte Barbarossa seinen Kanzler... zu einer Berichterstattung zu sich befohlen; er wurde zum Rapport befohlen.* В перечисленных примерах речь так же идет о четком выражении статуса приказывающего и исполняющего его волю, однако на передний план выдвигаются такие смысловые детали, как «вызов в определенное место», «с конкретной целью» (для доклада, рапорта и др.). Сфера употребления рассматриваемой глагольной единицы — военная или государственная служба.

2. *über ein Heer, eine Armee befehlen; Sind sie sehr mächtig, die Leute, die über die Soldaten befehlen? Alexander wollte der ganzen Welt befehlen. Was, spricht er nur als Gast, wo er als Herr befahl? Wer hat hier zu befehlen?* В данных примерах необходимо отметить генерализацию прямого значения глагола: носитель действия не просто отдает отдельные приказы или раздает поручения, но обладает несомненной властью, позволяющей ему управлять и командовать. При этом сфера полномочий может варьироваться от собственного жилища до армии, войска, целой страны или всего мира включительно).

3. *Seine Seele Gott befehlen; Ich befehle mich Gott; Befiel dem Herren deine Wege! Sein Schicksal j-m befehlen; Gott befohlen!* Обращает на себя внимание тот факт, что только в данном, архаичном значении при реализации глагольной номинацией категориального признака «социальная иерархия» мы имеем дело с восходящим статусным вектором (некто (чаще всего речь идет о самом Господе (*Gott*)), кому говорящий вверяет свою жизнь, судьбу (*seine Seele, mich, deine Wege, sein Schicksal*), располагает, несомненно, большими возможностями, властью). В то же время в значениях 1 и 2 глаголу *befehlen* присущ нисходящий статусный вектор (субъект действия выражает свою волю, оказывает влияние, объект подчиняется) [1, с. 190].

Необходимо отметить, что глагол *befehlen* довольно активно участвует во фразообразовании, являясь, в частности, компонентом ряда немецких пословиц и крылатых слов. Во многих случаях он употребляется в паре с конверсивом *gehorschen*. Если принять за основу представление о том, что пословичный фонд того или иного народа — это и своеобразный моральный кодекс, и свод предписаний, правил на все случаи жизни, и набор оценочных суждений применительно к наиболее значимым

для носителей языка и культуры ситуациям, то в случае с *befehlen* возможно выделить следующие ключевые установки: приказывать всегда легче, чем исполнять (*Befehlen ist leicht getan, aber's fällt davon kein Span; Befehlen ist leichter als befolgen*); отдающий приказ должен нести ответственность наравне с исполнителем (*Befehlen, stehlen und hehlen sind drei Diebe*); одни только приказания, без реальных дел, не приведут к цели (*Befehlen tut's nicht, selbst angreifen tut's; Was im Befehlen viel getan wird, geschieht im Ausführen zu wenig*); чрезмерное количество приказов приводит к неэффективности их исполнения (*Es wird viel befohlen, aber wenig gehalten*); тот, кто хочет приказывать, должен сначала сам научиться подчиняться (*Wer befehlen will, muss gehorchen können; Wer's Befehlen lernen will, muss zuvor gehorchen gelernt haben*); кто умеет приказывать, тому охотно подчиняются (*Wer wohl befiehlt, dem wird wohl gehorsam*); где можно приказывать, там не нужны просьбы (*Wo man befehlen kann, braucht man nicht zu bitten*); приказывай, кто может, подчиняйся, кому должно (*Befehle, wer kann; gehorche, wer muss*); кто не умеет приказывать, удел того — подчиняться (*Wer nicht befehlen kann, der soll gehorchen*), нет пользы в приказах, если их никто не исполняет (*Was nützt das Befehlen, wenn niemand gehorcht*); лучше всего, когда отдающий приказы и исполняющий их — одно лицо (*Befehl und mach's selber, so brauchst du nicht zu sorgen; Befehl dich selbst*).

Перечисленные пословицы в совокупности рисуют четкую картину распределения статусов приказывающего и исполняющего его волю. По мнению носителей немецкого языка, на том, чей статус высок, кто отдает приказы, принимает решения, лежит большая ответственность. Приказывать нужно грамотно, умело, для чего необходимо пройти соответствующую науку, «дорасти» до требуемого статуса (самому научиться подчиняться). При несоблюдении данных условий на исполнение приказаний рассчитывать не приходится. Тот, кто по каким-либо причинам не соответствует статусу отдающего приказы, должен перейти в ранг подчиненного. Примечательно, что оба статуса в зеркале устойчивых выражений не отображаются как неизменные, определенные раз и навсегда. По-видимому, оптимальным положением вещей признается такое, при котором человек является носителем обоих: сам себе указчик, сам — исполнитель воли (хозяин собственной жизни и судьбы). В завершении следует упомянуть высказывание И. В. Гете: *Wer nicht befehlen und nicht gehorchen kann, der ist ein unbrauchbarer Mann* (Кто не умеет приказывать и подчиняться, тот никчемный, то есть ни на что не годный человек). Данные слова довольно точно передают идею вовлеченности каждого без исключения индивида в социальную иерархию. Всю свою жизнь человек проживает между «befehlen» и «gehorschen», оказываясь в различных ситуациях в статусе руководящего или подчиненного. Это — одна из основ существования современного общества, что находит отчетливое отражение в языке.

Литература:

1. Карасик, В. И. Язык социального статуса. — М.: ин-т языкознания РАН; Волгоградский гос. пед. ин-т, 1992. — 330с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philologos.narod.ru/texts/karasik/status00.htm> (дата обращения: 24.08.2016).
2. Грицанов, А. А. Новейший философский словарь. — Минск: Книжный Дом, 1999. [Электронный ресурс] URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1123 (дата обращения: 24.08.2016).
3. Грицанов, А. А. и др. Социология: Энциклопедия. — Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2003. [Электронный ресурс]. URL: http://sociology_encyclopedia.academic.ru/982 (дата обращения: 24.08.2016).
4. Adelung, J. Ch.: Grammatisch-kritisches Wörterbuch der hochdeutschen Mundart [Электронный ресурс]. URL: http://woerterbuchnetz.de/Adelung/call_wbgui_py_from_form?textpattern=&lemmapattern=befehlen&sigle=Adelung&lemid=DB00001&mode=Volltextsuche (дата обращения: 24.08.2016).
5. Deutsches Sprichwörter-Lexikon.2015 [Электронный ресурс]. URL: http://proverbs_de.deacademic.com/2036/Befehlen (дата обращения: 24.08.2016).
6. Duden Deutsches Universalwörterbuch [Электронный ресурс]. URL: <http://www.duden.de> (дата обращения: 24.08.2016).

Гиперязык как способ художественной коммуникации в информационном обществе

Злобина Юлия Игоревна, кандидат филологических наук, доцент
Алтайский государственный университет

В современных условиях информационного общества возникает спорный вопрос о статусе языка, его обеспечивающего. Одни исследователи называют его метаязыком, другие — глобальным языком или сверхязыком, третьи — гиперязыком. Одно остается неизменным — в новых условиях коммуникации вырабатывается (используется, применяется) качественно иной язык. Этот новый и «высоко продвинутый» язык с «добавлением с различных обратных связей и других технологий изучения, позволяет осуществлять намного больший сознательный контроль» над явлениями жизни. Связи эти можно назвать ассоциативными, поскольку они обеспечивают читателю-пользователю переход от одной позиции в гипертексте к другой, т.е. гиперязык содержит в своей структуре возможности презентации связей между элементами гипертекста, именно благодаря взаимосвязи культур читатель-пользователь может свободно ориентироваться в гипертексте и создавать «свой» вариант.

Языки могут содержать так называемые наследственные знания, касающиеся мира и его истории. Одним аспектом такого знания, по мнению Кабакчи, может быть «виртуальная библиотека ссылок тех или иных знаний», которые содержатся в гипертексте и при определенных усилиях читателя-пользователя могут быть свободно «выбраны» из текста [1]. Наследственные знания о мире заключены в гиперязыке в ассоциативных связях, они актуализируются в нужный момент для читателя-пользователя, язык же дает возможность реализовать в гипер-

тексте эти переходы от одного знания к другому, от одной культуры к другой.

Язык в результате глобализации (смешивания разных культур) и информационного процесса в информационном обществе становится гиперязыком. Происходит расширение понимания существующего языка, раздвижение его гипотетического объема и его потенциала. Он способен содержать позиционные переходы как способ презентации новых возможностей в новых условиях — информационных средах. Информационная среда изменяет понимание языка в гиперреальности. Гиперязык становится системой, в структуре которой возможны позиционные переходы от одного элемента к другому в рамках информационных сред. По мнению Эпштейна, «Таково предназначение гиперязыка — на протяжении многих лет и десятилетий входить в область употребления или по крайней мере употребимости, подобно тому как научная гипотеза предназначена для проверки, соразмерной физическим или историческим масштабам самих предположений <...>. В будущем, очевидно, вообще не будет словарей как устойчивых, замкнутых компендиумов, рожденных эпохой бумажной печати. Виртуальный словарь будет автоматически составляться из суммы употребления всех слов в электронных сетях. Каждое новое слово будет автоматически добавляться в алфавитный словарь и занимать свое место в общем частотном списке» [2, 1031].

Гиперязык — усовершенствованная система коммуникации пользователя языка как представителя определенной этнической культуры, основывающаяся на кон-

солидации общих смыслов через кристаллизацию правил пространственно-временной конфигурации. Гиперязык позволяет декодировать смысл, постоянно продуцируемый и репродуцируемый через символическое взаимодействие социальных субъектов, пронизывающий пласты социальной культуры: производства, потребления, опыт, власть [3, 15]. Гиперязык обеспечивает контекстуализацию предложения, т.е. делает продукт высказывания связанным и согласованным с его контекстом, с пространственно-временными конфигурациями смыслов, создающих культуры. Используя гиперязык, социальные субъекты могут конструировать свои собственные индивидуальности через взаимодействие с иными культурами и собственными комбинаторными символическими способностями, определяемыми их специфическим опытом. В систему специфического опыта социального субъекта входят технологии, т.е. использование научного знания для специфического способа «делания вещей» [3, 18].

Технология как символическая конструкция согласовывает любое принимаемое решение человека с его опытом и потребностями производства/воспроизводства, поэтому взаимодействие имеющегося знания с контекстом производства предполагает наделение знака и через знак социального субъекта характеристики связанности (когезии) и связности (когерентности) [4, 282]. Взаимодействие предполагает согласование константных элементов знания читателя и свободных переменных, содержащихся в контексте. Следующим свойством взаимодействия культур можно выделить подстановку вместо переменных постоянных компонентов, обусловленных консолидацией общих смыслов в пространстве потоков, чья референция является фиксированной в рамках данного мира дискурса [4, 204]. Взаимосвязь культур обеспечивает переход элементов на разные уровни, вплоть до смены парадигм — одна культура сменяется на другую.

В 1980-х гг. мир признал, что языком межнационального общения стал английский. Впервые в истории язык международного общения представляет не одну страну, где он является родным, а несколько стран на различных континентах — в Европе, Америке, Австралии, Африке, в том числе Соединенное Королевство и США. Составной частью преподавания во многих странах становится изучение культуры, без которого и в самом деле овладение языком невозможно. Экспансия языка неизбежно сопровождается культурной экспансией. Гиперязык в этом смысле наиболее быстрый способ трансляции этих возможностей языка, так как его структура позволяет большому количеству элементов структурироваться в пространстве. Одна культура может «распространить» свои составляющие с большей скоростью, нежели это бы происходило в иной среде. Переходы между ними и дают возможность гиперязыку продемонстрировать свои возможности. Англоязычные страны — прежде всего Соединенное Королевство и США — получили колоссальное политико-идеологическое и материальное

преимущество. «Неанглоязычные народы вынуждены тратить время и деньги на овладение языком, обучение которому занимает все более важное место в учебном плане всех учебных заведений, вытесняя другие предметы, в том числе и родной язык. Английский быстро становится языком престижного образования, предпочтительно в США и/или Соединенном Королевстве» [1].

Англоязычный мир опережает многие страны в политическом, экономическом и научном развитии. Благодаря английскому языку формируется рынок аксиологических ценностей. Гиперязык, в качестве которого в сетевом обществе выступает английский язык, становится средством подчинения одной культуры других локальных культур, а понимание знаковых систем культуры, когда элементы самой сети могут изменить язык, который в свою очередь может изменить общество. Человек в современном мире виртуально опосредован. Язык, как социальное его проявление, оказывается в определенных отношениях и связях в новой виртуальной реальности. При этом проблема бытия и языка в гипертекстовой среде не осмысливается в достаточной степени. Жизнь человека же в современном обществе происходит в нескольких других реалиях и взаимоотношениях с современным миром, а следовательно, значительные фрагменты образа мира жителя информационного общества оказываются «надстроены» над традиционными. Гиперязык может проиллюстрировать возможности переходов от одного знака-атома к другому, взаимосвязь культур и ассоциативное связывание организуют всю совокупность этих элементов. Иными словами, воспроизведение социального поведения или социальной деятельности осуществляется в этом случае по непосредственным образцам такого поведения или деятельности.

Язык в философском его осмыслении обладает антиномической природой. Он имеет и идеальное, и конкретное бытие. Именно это свойство предопределило два направления современной лингвистики — многочисленные направления структурализма, начиная от Пражского лингвистического кружка и Копенгагенских глоссематиков вплоть до современной прагматики, развившейся на основе теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля, и наследники психологического направления в лингвистике — деструктуралисты, такие исследователи, как Р. Барт, М. Фуко, Ю. Кристева в своих работах осуществили положения об индивидуальном, личностном характере языка и речевой деятельности [5, 46]. Такова ситуация в «центре» лингвистического поля. Если же мы обратим внимание на его периферию, на области, пограничные с философией, литературоведением, математикой и другими науками, то мы заметим иную картину. Мыслители, работавшие в самых разных областях знаний, обращались к языку и создавали свои модели, исходя именно из антиномического, диалектического взгляда на язык и языковое общение [5, 47].

В основании всей философии языка у философов имени лежит принцип предикации. У Лосева он вы-

ражен открыто, у Булгакова и Флоренского более имплицитно, но у них именно этот принцип определяет как взаимоотношения всех уровней языка, так и взаимоотношения индивидуумов при коммуникации [5, 47–48]. Так, по Булгакову, суть языка заключается в процессе именования — то есть, соединения идеи с конкретным объектом реального мира. Продукт именования — суждение, совпадающее по форме с простейшим двусоставным предложением [6, 86–88]. Булгаков и Флоренский приводят многочисленные примеры соединения той или иной идеи с различными образами, а значит и с разными звуковыми оболочками, в разных языках. В полной мере принцип предикации применим и на границе язык — речевая деятельность. Сам язык остается вполне трансцендентным человеку, но его явления действуют в человеческом сознании, где рождается «слово-мысль», которое затем может выйти на коммуникативный, речевой уровень [5, 52]. По мнению М. Эпштейна, «Сверхязык, или гиперязык — это совокупность параллельных миров данного языка, пространство его лексических и концептуальных возможностей, которые не противопоставляются

наличному языку, а продолжают и углубляют его, как объемная панорама, уходящая в будущее. Посредством проективного словаря гиперязык встраивается в «первичный», «наличный» язык или, точнее, достраивает его до себя» [2, 1063].

Существование текста обеспечивает язык. Язык — описательная система необходимая тексту для воплощения его структур. В традиционном художественном тексте язык реализуется по иным законам, нежели в художественном гипертексте, поскольку существует в «реальном» пространстве. С одной стороны, в художественном гипертексте продолжают действовать литературные традиции использования языка художественного текста, а с другой — особенности гипертекстового пространства требуют иных норм употребления языка, свойственных гипертексту.

Общее пространство текста строится как взаимодействие текстов в «реальности» (художественных текстов) и в виртуальной реальности (гипертекстов), а художественные гипертексты существуют на границе этих пространств (см. рис. 1)

Рис. 1. Схема отношений художественного текста, гипертекста, художественного гипертекста в пространстве текстов

Рассматриваемый гиперязык, таким образом, выступает как некий метаязык к уже существующему в «реальности». «Новый язык» — гиперязык — обслуживает

и обеспечивает стабильное существование в ином пространстве текстов — гипертекстах виртуальной реальности.

Литература:

1. Кабакчи, В. Троянский конь последней революции [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://miresperanto.narod.ru/pri_angla/trojanskij_konj.htm (дата обращения 08.05.16).
2. Эпштейн, М. Проективные подходы к языку: реализм — авангард — постмодерн. Сверхязык / М. Эпштейн // Семиотика и авангард. Антология. Под общ. ред. Ю. С. Степанова. — М., 2006. — с. 1031–1076.
3. Castells, M. Materials for an exploratory theory of network society / M. Castells. — Brit. J. of Soc., 2000, N 51, — p.5–24.
4. Лайонз, Дж. Лингвистическая семантика: Введение / Дж. Лайонз. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 400 с.
5. Еремеев, Я. Н. К онтологичному и динамичному пониманию языка: «Философия имени» и диалогическая философия / Я. Н. Еремеев // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 1. Проблемы философии языка и сопоставительной лингвистики. — Воронеж: Изд-во ВГТУ, 1999 — с. 46–62.
6. Булгаков, С. Н. Философия имени / С. Н. Булгаков. — СПб: Наука, 1999. — 448 с.

Торговые отношения с Китаем. Контракты на поставку: требования, особенности оформления, анализ перевода

Леонова Дарья Юрьевна, преподаватель

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Контракт на поставку товаров должен не только регулировать отношения между продавцом и покупателем, но и детально описывать все звенья цепи поставок. Однако неоднозначность формулировок, возможность их двоякого толкования (особенно это характерно для Китая), а также наличие противоречащих друг другу статей в контракте скорее делает последний обузой, нежели помощником.

Составляя контракт на поставку товаров, стороны, в сущности, выстраивают эту самую цепочку поставок, стараясь сделать ее максимально эффективной и взаимовыгодной. А это возможно только в том случае, если в контракте предусмотрены как все возможные варианты развития событий, так и решения для каждого из них. Например, как реагировать, если товар отгружен не полностью или поврежден при транспортировке? Будет ли товар поставлен сразу или в течение какого-то срока? Должен ли покупатель оплачивать счет, если товар поставлен с опозданием и теперь его реализация затруднена?

Нужно помнить и о том, что для иностранного партнера зачастую бывает трудно разобраться в особенностях и тонкостях законов РФ, регулирующих внешнеэкономическую деятельность. В первую очередь это касается таможенного и налогового законодательства, а также валютного регулирования. Не стоит забывать и про элементарную разницу менталитета или деловые обычаи, характерные для фирмы-партнера. То, что является уже привычным для российских фирм, может, например, вызвать у китайского контрагента совершенно искреннее непонимание. А это грозит конфликтом, поскольку одна и та же ситуация может быть истолкована сторонами по-разному. И в этом случае сохранение взаимовыгодного партнерства будет зависеть от того, насколько четко и полно прописаны в контракте права и обязанности сторон и пути разрешения конфликтов.

Тем не менее, несмотря на все обилие схем, применяемых во внешней торговле, существуют общие для всех контрактов правила их составления и обязательные к упоминанию пункты, такие как: преамбула (вводная часть), предмет контракта, количество товара, сроки и дата поставки, базисные условия поставки, цены и общая стоимость контракта, условия платежа. [1, с. 41–42]

Требования к контракту

Самое главное требование при составлении контракта — формулировки должны быть однозначными и не допускать двоякого толкования, а различные статьи контракта не должны противоречить друг другу. Иногда

может показаться, что одно и то же положение контракта повторяется несколько раз, но в разных статьях — например, упоминание условий поставки товаров в соответствии с Инкотермс. На самом деле вызвано это необходимостью детально рассмотреть приводимые положения с разных точек зрения — цены товара, определения момента перехода права собственности, сдачи-приемки товара и т.д. И конечно, статьи контракта не должны противоречить законодательству стран, резидентами которых являются договаривающиеся стороны [3].

Термины, используемые во внешней торговле, надо знать и грамотно ими пользоваться. Иногда считают, что поставка и отгрузка — суть одно и то же. Между тем поставка — это передача товара продавцом покупателю в согласованном месте. А отгрузка — это погрузка товара продавцом в транспортное средство перевозчика, причем, как правило, на складе продавца.

Надо учитывать и уровень образования и профессиональной грамотности сотрудников фирмы-партнера, которые участвуют в подготовке и последующем исполнении контракта. Совсем не факт, что все они имеют высшее образование и солидный стаж работы по специальности. Кроме того, круг выполняемых ими задач часто ограничен, и для них может представлять трудность даже правильное толкование, казалось бы, общеизвестных вещей. Это еще один повод пользоваться стандартными, принятыми в коммерческой практике определениями, которые не вызывают сомнений в их толковании [2].

Особенности оформления контракта с китайскими партнерами

С самого начала необходимо с осторожностью относиться к «трафаретным» или типовым контрактам, широко предлагаемым деловой и юридической литературой по вопросам составления и оформления внешнеторговых договоров. Предпринимателю для составления контракта достаточно знать, что законодательство не ограничивает виды договоров, структуру договора, но он должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным действующим законодательством.

Форма и содержание контракта должны конкретно отражать ту экономическую «мысль», которую хотят реально претворить в жизнь партнеры [4].

Следует отметить, что наиболее важными, сложными в своём отражении, щепетильными в моральном плане и противоречивыми в плане обеспечения интересов партнеров являются «Условия платежей (взаиморасчетов)», «Условия поставки», «Условия обеспечения качества то-

вара». Эти пункты контракта являются наиболее подвижными и подверженными конъюнктурным изменениям в партнерских отношениях, требуют тщательной проработки и привязки к конкретной сделке. Любое типовое упрощение этих вопросов только скрывает тяжелые последствия неоговоренных ситуаций и противоречий. Даже ссылки на «Общие условия поставок товаров из СССР в КНР и из КНР в СССР», действующие с 1990 года и не отмененные по настоящее время, а также «Инкотермс» в редакции 2000 года не делают легче разрешение будущих споров между российскими и китайскими партнерами [3].

Таким образом, каждый предприниматель при составлении контракта должен уметь сам четко и грамотно выразить в договоре саму суть торговой сделки, механизм ее выполнения, защиты интересов и разрешения противоречий, а юрист проверить контракт на соответствие требованиям закона.

Другой особенностью составления контракта с китайским партнером является целесообразность исполнения его на китайском и русском языках, а не на русском и английском, как широко практикуется среди российских бизнесменов. Законодательство КНР также требует от китайского предпринимателя, занимающегося внешней торговлей, исполнение одного из экземпляров заключенного внешнеторгового контракта на государственном, т.е. китайском языке. Этот экземпляр на китайском языке китайский предприниматель и представляет в различные государственные и контрольные учреждения КНР, где чиновник, даже зная иностранный язык, на котором составлен документ, посчитает оскорбительным, если ему придется вести делопроизводство на неродном языке [2].

Поэтому, китайский бизнесмен, подписав торговый контракт на английском и русском языках, затем в более незаметной обстановке просит российского партнера отдельно подписать другой образец контракта на китайском и русском языках якобы только для китайского банка, чтобы осуществить платежи (или для таможни). Такой китайский образец представляет собой большой лист бумаги с текстом на китайском и русском языках. Этот образец контракта составлен китайскими юристами более десяти лет назад и является очень упрощенным по своей форме, которая, тем не менее, пытается охватить все варианты платежей, но полностью игнорирует некоторые условия контракта, такие как «ответственность сторон», а эта проблема является едва ли не самой главной в российско-китайской приграничной торговле

Но самое главное — это то, что подписание такого «дополнительного» контракта перечеркивает все те контрактные документы, которые были подписаны ранее.

Таким образом, ситуация складывается так, что российские предприниматели должны сами себе обеспечить не только возможность аутентичного перевода контрактов, но и возможность их печатания на китайском языке на территории России (путем приобретения и установки китайязычных версий Windows, Office или путем

привлечения к работе российских переводчиков, которые уже давно работают с использованием этих средств) [1, с. 41–42].

Другой особенностью работы китайцев по контракту является то, что очень часто с китайской стороны в контракте, явно или скрыто, фигурируют два юридических лица: одна китайская фирма указывается в преамбуле, а другая, в качестве исполнителя, указывается в конце контракта с проставлением ее печати. Это вызвано тем, что китайские компании приграничной торговли часто являются чистыми посредниками и работают с чужими деньгами или чужим товаром. Они не видят ничего сложного в том, что указывают в контракте даже несколько китайских фирм — деньги получает или платит одна китайская фирма, а товар отправляет или получает другая китайская фирма. Для российской стороны такая практика неприемлема, поэтому при подготовке и подписании контракта надо тщательно следить, чтобы печать, банковский счет соответствовали названию китайской фирмы, указанной в преамбуле в качестве китайской стороны. Отношения китайских компаний между собой, обеспечение их собственных интересов в сделке — это их внутреннее дело.

Следует также знать, что китайцы используют собственную нумерацию контрактов, которая содержит буквенную и цифровую кодировку, которой бывает достаточно, чтобы определить некоторые регистрационные данные компании: провинция, город местонахождения, номер юридического лица, имеющего внешнеторговую лицензию и другое [2].

Серьезное внимание надо уделить китайской печати, которая ставится на контракте, а также полномочиям конкретного представителя, подписывающего контракт. Каждая китайская компания, как правило, имеет одну главную печать, которая не может «путешествовать» по России и поэтому не может быть в руках простого представителя. Для обеспечения работы своих заграничных «торговых эмиссаров» китайцы очень часто изготавливают другие образцы печатей компании. На них дополнительно может стоять нумерация «1», «2», и т.д.; надписи «для контрактов», названия отделов компании и др. Беда только в том, что, как правило, изготовив такие печати, китайская компания «забывает» внести соответствующие изменения в Устав компании или другим способом легализовать их статус.

Также следует учитывать то, что многочисленные торговые представители практически все представляются заместителями генерального директора компании, но ни имеют при этом оформленных доверенностей на право подписания контрактов. Дело доходит до анекдотичных случаев, когда, например, известного российского экспортера в один день посещали два заместителя генерального директора крупной китайской компании приграничной торговли, которые имели при себе различные образцы печати этой компании и которые абсолютно не были известны друг другу. Такая практика становится возможной ввиду того, что многочисленные хозрасчетные

подразделения крупной торговой китайской компании или хозрасчетные агенты-посредники только используют имя главной китайской компании (на основе внутреннего договора), а действуют только на свой страх и риск, не улучшая тем самым правовое поле российско-китайской торговли [1, с. 41–42].

Проблема наличия доверенности у китайского представителя (как подтверждение его статуса и уполномочия на совершение определенных юридических действий) — это тоже один из нерешенных вопросов в российско-китайской торговле. В принципе, ответственность за неисполнение или нарушение контракта с китайской стороны несет внешнеторговый агент (китайская компания, имеющая лицензию на ведение внешнеторговой деятельности и поставившая печать на внешнеторговом договоре). При возникновении спора эта компания также будет доказывать, что у ее представителя, чья подпись стоит на контракте, не было соответствующих полномочий, и пусть российская сторона доказывает обратное.

При подписании контракта российские предприниматели практически никогда не требуют у представителей китайской стороны доказательств его статуса и полномочий, считая, что это обидит их партнера. В действительности, китайцы прекрасно знают, что такое доверенность и как она должна оформляться. Более того, у них используется даже такой документ как «Рекомендательное Письмо». Без подобного документа многие торговые операции в Китае не осуществляются. Поэтому не следует стесняться требовать у них доверенность. Это соответствует закону, порядку делопроизводства и обеспечивает безопасность бизнеса [2].

Анализ перевода международных контрактов (на материале китайского и русского языков)

В качестве примера, рассмотрим внешнеторговый контракт на поставку [4].

供应罐头合同

北京市

年月日

北京市中国食品出口公司, 以下简称“售方”与莫斯科市全俄罗斯食品国际贸易公司, 以下简称“购方”签订本合同如下: ...

«Контракт на поставку консервов из КНР

Гор. Пекин

Дата: _____

Китайская компания по экспорту продовольственных товаров, гор. Пекин, именуемая в дальнейшем «Продавец», с одной стороны, и **Всероссийское объединение по экспорту и импорту продовольственных товаров «Продинторг», гор. Москва**, именуемое в дальнейшем «Покупатель», с другой стороны, заключили настоящий контракт о нижеследующем:...

Данная часть контракта является вводной. Как уже говорилось выше, при переводе вводных частей контракта опираются на уже имеющиеся в языке перевода

клише. Следовательно, не возникает особых переводческих трудностей, за исключением перевода названий компаний: например, в данном отрывке фигурирует название «Продинторг». В тексте оригинала данное название не упоминается, и это является примером того, как переводчик, для более подробного разъяснения текста, вводит пояснение — название компании.

第一条: 合同对象

根据年月日俄罗斯联邦与中华人民共和国两国政府间之贸易协定于_____年货物供应项下, 在大连港口船面或_____或_____车站售方车上交货条件下, 售方售出, 购方购入家禽罐头_____公吨。

售方有权按合同规定之数量增加或减少百分之五。

购方有权征得售方同意后, 将货物运输条件更改之 (海运改陆运, 陆运改海运)。

«1. Предмет контракта

В соответствии с торговым соглашением между правительством России и Центральным правительством КНР от (дата) в счет поставок _____ года Продавец продал, а Покупатель купил **на условиях фоб Дальний или франко-вагон Продавца на станциях _____ и _____**, _____ тонн консервов из домашней птицы.

Обусловленное контрактом количество Продавец вправе поставить с отклонением в пределах плюс минус 5%.

Покупатель имеет право с согласия Продавца **изменить условия транспортировки товара (морскую транспортировку заменить транспортировкой по суше, транспортировку по суше заменить морской)**».

В переводе этого отрывка также наблюдается наполнение предложения. Переводчик, заранее зная условия заключения сделки, при переводе поясняет, что она заключена «на условиях фоб Дальний или франко-вагон...». В тексте оригинала такая информация не уточняется, а приводится лишь название порта «... 大连港口船面...».

Также в переводе данной части виден пример того, что ни одна запись не должна оставаться непереведенной. В оригинале документа говорится о возможности Продавца изменить условия поставки, в скобках же указаны варианты замены. Переводчик переводит то, что в скобках, не надеясь на то, что его клиенты и без перевода могут знать о вариантах замены, в силу их осведомленности в ведении подобных сделок.

第二条: 品质

售购双方协议, 本合同所供货物之品质, 应由购方专家亲自至售方工厂指导试制, 根据试制样品进行生产并提出技术条件, 作为本合同不可分割之一部分。

本合同所供货物之品质应以商品检验证书证实之。

«2. Качество

В соответствии с соглашением двух сторон, поставляемые по настоящему контракту консервы по качеству вырабатываются в соответствии с образцами, изготовлением которых руководят специалисты Покупателя, лично пребывающие на заводе — изготовителе. На ос-

новании образцов также составляются технические условия, которые являются неотъемлемой частью настоящего контракта. Качество поставляемого по настоящему контракту товара подтверждается сертификатом качества».

Здесь присутствует стилистическая особенность перевода. В тексте оригинала присутствует фраза «*售购双方协议...*», которую можно перевести как «Обе стороны согласны...». Однако, как известно, контракт относится к деловой документации, а данный перевод может употребляться при разговорной речи. В таком случае целесообразно переводить не дословно, а применить одно из умений переводчика «отходить, не удаляясь» и превратить разговорный стиль в деловой: «В соответствии с соглашением двух сторон...».

Также следует обратить внимание на то, что текст оригинала и текст перевода отличаются количеством предложений. В русском варианте предложений больше. Такая ситуация объясняется тем, что переводчик избавляет текст перевода от чрезмерной нагроможденности и разбивает одно предложение текста оригинала на тир предложения в тексте перевода.

第三条：价格

本合同所指家禽罐头之价格，经售购双方议定，每净重公吨之价格为_____卢布。

此项价格，应了解为在大连港口船面或_____或_____车站售方车上交货之价格。包皮包装及标记费均包括在货物价格内，不另作支付。如_____年售购双方国间之贸易中采取其他价格基础时，则合同价格亦随之而变更。

«3. Цена

Стороны договорились, что цена на поставляемые по настоящему контракту консервы из домашней птицы устанавливается _____ рублей за тонну веса нетто.

Цена понимается фоб Дальний или франко-вагон Продавца на станции _____ или _____, включая стоимость тары, упаковки и маркировки. Если в _____ году в торговле между странами Продавца и Покупателя будет принята какая-либо **иная основа для (исчисления) цен**, то цена, установленная данным контрактом, будет соответственно изменена».

В данном отрывке переводчик наполняет предложение дополнительной информацией, обеспечивая более адекватное понимание текста. В тексте оригинала имеется информация о случае смены основы для цен («... 其他价格基础...»), в тексте перевода переводчик дополняет эту информацию, указывая, что именно понимается под «основой для цен» («... иная основа для (ИСЧИСЛЕНИЯ) цен...»).

第四条：包装与标记

包装必须保证货物在国境车站换装时完整，在每件包装上必须以坚固颜料用俄文填写下列标记：

1. 生产工厂名称，
2. 罐数，
3. 生产日期，

4. 毛重与净重。

«4. Упаковка и маркировка

Упаковка должна обеспечить сохранность товара во время его перегрузки на пограничной станции, на каждом месте товара наносится стойкой краской маркировка следующего содержания:

- 1) *наименование завода — изготовителя,*
- 2) *количество банок,*
- 3) *дата выработки,*
- 4) *вес брутто и вес нетто».*

В переводе данной части можно заметить пример того, что переводчику необходимо обладать специализированной лексикой. В словарях «*标记*» переводится как «отметка, пометка, метка», однако в данном случае переводчику необходимо употребить термин «маркировка», который отвечает языковым требованиям при переводе контрактов.

第五条：交货期限

_____年三季度交货_____公吨，四季交货_____公吨。

«5. Сроки поставки

3 квартал _____ года, _____ тонн, 4 квартал _____ года, _____ тонн».

第六条：付款

对按本合同所供货物的款项支付应按交货共同条件所规定之程序办理之，并应提出下列单据：

1. 售方账单二份，
2. 中俄铁路联运单副本一份，
3. 货物明细书二份，
4. 抽查过磅记录二份，
5. 带化学分析的品质检验证书正副本各一份。

结算所供货物的价值，须根据附于本批货物的账单及品质检验证书，进行结算。

«6. Платеж

Платеж за поставляемый по настоящему контракту товар производится в соответствии с порядком, установленным «Общими условиями поставок товара». Необходимо предъявить следующие документы:

1. *Счет продавца в 2 экз.*
2. Дубликат **накладной** прямого **российско-китайского** ж.д. сообщения в 1 экз.
3. *Товарная спецификация в 2 экз.*
4. *Акт контрольной перевески в 2 экз.*
5. *Оригинал и копия сертификата качества с приложением результатов химического анализа каждый в 1 экз.*

Расчет стоимости поставляемого товара производится в соответствии с сертификатами качества и счетом на соответствующую партию товара».

В данном отрывке приводится пример употребления специализированных терминов (联运单 — накладная). Также необходимо обратить внимание на перевод фразы «*中苏*». На первый взгляд данное сочетание можно перевести как «китайско-российского», но при переводе с китайского на русский это будет ошибкой. Перевод таких

сочетаний зависит от того, для какой стороны он осуществляется. Так как перевод осуществляется для российской стороны, то фраза будет звучать как «российско-китайский».

第七条: 其他条件

本合同一切未尽事宜均按____年月日交货共同条件办理。如上述共同条件修改时, 则本合同即按新条件进行修改。

双方对本合同的义务, 只限于____年由中华人民共和国供应俄罗斯联邦的____公吨家禽罐头。

本合同制成两份各以中俄文书就, 两种文字之条文具有同等效力。

«7. Прочие условия

Во всем, что не предусмотрено настоящим контрактом, стороны руководствуются «Общими условиями поставок товаров». В случае если вышеуказанные «Общие условия» будут изменены, настоящий контракт также будет изменен в соответствии с новыми условиями.

Обязательство сторон по настоящему контракту ограничиваются поставкой в _____ году из КНР в Россию _____ тонн консервов из домашней птицы.

Настоящий контракт составлен в двух экземплярах. Каждый на русском и китайском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу».

Данная часть контракта имеет речевое клише, перевод которого типичен для любых видов документов, в которых оно имеет место быть. В любом договоре имеется пункт о том, на каких языках составлен данный контракт и в скольких экземплярах, поэтому перевод такого речевого клише не должен вызывать трудностей.

第八条: 双方法定地址

售方: 北京市中国食品出口公司海淀区垂虹园6号楼12室

购方: 119021莫斯科市全俄罗斯食品国外贸易公司茹博吴斯克街35号楼3建筑物

«8. Юридические адреса сторон

Продавец: Китайская компания по экспорту продовольственных товаров, Пекин, *район Хайдянь, Чхуихунюань* дом 6, офис 12

Покупатель: 119021, Россия, Москва, *Зубовский бул., 35, стр.3»*

В данном пункте трудности могут возникнуть при переводе названий. Например, при переводе адреса «Зубовский бульвар...» необходимо быть хорошо знакомым с улицами Москвы, так как при переводе ни в коем случае нельзя допускать искажение названий. Также здесь наблюдается транскрибирование названий: *垂虹园* нельзя перевести дословно как «Сад свисающей радуги». Здесь необходимо транскрибирование. В случае с переводом *海淀区* опять же нужно быть хорошо знакомым с районами Пекина, в данном случае нельзя при переводе просто оставить «Хайдяньцзю».

Таким образом, проанализировав пример контракта, можно сделать вывод, что перевод подобного документа имеет большую ценность, так как даже малейшие неточности в тексте перевода могут привести к серьезным финансовым потерям и корпоративным конфликтам. Для предотвращения возникновения конфликтов такого рода переводчику необходимо уделять большое внимание переводу контракта, обладать необходимым словарным запасом, знать сферы и правила их употребления. Также переводчик должен иметь представление о существующих шаблонах, применяющихся в официально-деловом стиле речи, и адекватные варианты их перевода.

Литература:

1. Нырова, Н.Н. Некоторые особенности оформления контракта с китайскими партнерами / Н.Н. Нырова // Экономический лабиринт. — № 2. — с. 41–42. — Хабаровск, 2001.
2. Минг-Джер Чен. Китайский бизнес изнутри: практическое пособие по выстраиванию деловых отношений с китайскими партнерами / Минг-Джер Чен. — М.: «Эксмо», 2009. — 288 с.
3. Романова, Н.П. Деловой этикет на Востоке. Настольная книга бизнесмена / Н.П. Романова, В.В. Багин, И.В. Романова. — 1-е изд. — М.: «Восток — Запад», 2005. — 256 с.
4. Оксюкевич, Е.Д. Учебное пособие по деловому китайскому языку: Внешнеторговые контракты / Е.Д. Оксюкевич. — М.: «Восток — Запад», 2006. — 187 с.

Сходства и различия заговоров славянских народов

Маломожнова Екатерина Сергеевна, магистрант
Башкирский государственный университет

Изучение заговоров — интереснейшее направление этнолингвистики. Это обусловлено как их хорошей сохранностью, главным образом у восточных и южных

славян, так и особенностями формы, прагматики и семантики. Насыщенность заговорной толики и сюжетами мифологическими мотивами делает заговоры ценным

источником для реконструкции древней славянской культуры — как системы представлений, так и конкретных текстов.

В программе реконструкции праславянского текста, разработанной В. В. Ивановым и В. Н. Топоровым в начале 1960-х годов, заговорам отводилось значительное место, однако конкретную реализацию эти идеи получили на более широком индоевропейском материале, причем славянские данные привлекались, как правило, лишь для сравнения [9]. Большинство работ имеет преимущественно описательный характер, или непосредственно соотносит записи XIX—XX вв. с верованиями древних индоевропейцев. Между тем далеко не исчерпаны возможности сравнительно-исторического изучения заговоров в пределах славянского этноязыкового континуума.

Необходимо учитывать, что само понятие реконструкции имеет по отношению к заговору как определенному типу фольклорного текста специфический смысл. Если для отдельных словосочетаний ритуально-поэтической речи возможна реконструкция на вербальном уровне, то для текстов большего объема, как правило, можно «восстановить лишь структуру текста, т.е. последовательность семантем, но не конкретные слова, выражающие эти семантемы» [5]. В связи с этим реконструкция праславянских заговоров может быть понята как процесс постепенного, поэтапного приближения к структурно-семантическому ядру той или иной группы заговоров, имеющему общеславянский характер.

Для получения достоверных результатов недостаточно просто сопоставить сходные заговорные тексты или формулы в разных славянских традициях. Прежде всего нужно считаться с тем, что заговоры соотносятся по меньшей мере с двумя системами: во-первых, с письменными по происхождению источниками, связанными с церковной традицией и народной религиозностью (молитвы, псалмы, духовные стихи, ветхозаветные и новозаветные нарративы канонического и апокрифического характера), и, во-вторых, с ритуально-магической практикой, причем одни элементы заговорного текста могут восходить к письменному источнику, другие — к ритуальной практике, а третьи — даже к тому и другому одновременно. Поэтому любое исследование заговорного текста, а в особенности поиск его фольклорных, мифологических или ритуальных истоков, получает смысл только после того, как установлено, что он не имеет письменного происхождения [2].

Другой предпосылкой для реконструкции является систематизация всего круга славянских заговоров или их отдельных групп в сравнительно-типологическом отношении. Выявление сходжений между разными славянскими традициями может идти на уровне целого текста или его элементов (словосочетания, формулы, сюжетные схемы), конкретных заговоров или их инвариантов, выделенных внутри отдельных этноязыковых традиций. Кроме того, необходимо более четкое упорядочение наиболее ранних заговоров и их аналогов в других жанровых обра-

зованиях, что позволит придать типологии хронологическую глубину.

Заговорный текст, рассматриваемый в настоящей статье, явно не письменного происхождения: он известен с незначительными модификациями у восточных и южных славян (а ранее, вероятно, бытовал и у западных): его пересказ зафиксирован в памятнике середины XIII в. Этот заговор неоднократно привлекал внимание исследователей, однако их, как правило, интересовал не сам текст, а мифологический персонаж, к которому он обращен [2].

В латинской рукописи, датируемой с 1235 по 1250 г., так называемом «Каталоге магии» брата Рудольфа, встречается следующее сообщение в переводе на русский: «Вечером, держа ребенка на руках, выходят за двери и призывают лесную женщину, которую мы называем Фауной, чтобы дитя Фауны плакало, а их оставалось спокойным» [1]. По мнению Е. Карвота, исследователя «Каталога магии», Рудольф описывал обычаи славянского населения Верхней Силезии и опольских земель [2].

Заговорные тексты, непосредственно сопоставимые с сообщением Рудольфа, известны у южных славян (сербов, болгар) и у восточных славян, главным образом украинцев. У сербов, болгар они обращены в основном к мифологическому существу, называемому «лесной матерью», у украинцев — к различным мифологическим существам, лесу или дереву.

Обратимся к восточнославянскому материалу. Всего нам известно 30 заговоров, из них 28 практически со всей территории Украины [3] и 2 белорусских [8]. Так, например, в Ушицком уезде Подольской губернии при «несплячках» (детской бессоннице) женщина с ребенком на руках шла на то место, где высыпает сор, обращалась лицом к лесу и говорила: «Добры-вечир тобі, лісе недоборе! побратаймося: я маю сына, а ты дочку, посватаймося: на мого сына дримлывыци. сонлывыци и сплячки, а на твою дочку сырлывыци, плаксывыци и несплячки; бо мий сын хрыщений. порожений, именований, кныжний, молитвований». Сказав так три раза, она оставляла ребенка на этом месте, после чего приходила мать и забирала его. У гуцулов при детском плаче выносили ребенка на заходе солнца к задним дверям, купали на пороге трижды произносили: «Лісе, лісе, лебедино, посватаймо сї, покумаймо сї: у тебе сын (або що є), у мене дочка: ты мені дай супокій — спане, а я тобі виски-писки!». Еще по одному сообщению с Подолья, заговор произносили утром до восхода солнца, стоя на месте, «куда выбрасывают мусор... На лес непременно смотреть нужно, иначе, по объяснению ворожеи, отнимете сон от того, на кого или на чей дом вы посмотрите» [2]. В ряде описаний специально оговаривается, что ребенок мифологического существа, к которому обращен заговор, должен быть другого пола.

Аналогичные заговоры у восточных славян могли быть обращены и к другим объектам, особенно часто — к заре или звездам. Например, на Кубани «от крикливцив» ребенка выносили под звезды и произносили: «Зори, зоря-

ници, вас три сестрици, одна вечерняя. друга полуношна, а трети свитова, у вас дочка Одарочка. а у мене сын (имя рек), возьмись свойи дочци Одарочци крикливци. плаксивци и бессонници, а мини нашлить сон из усих сторон нарощенному, молитвенному, хрещеному рабу божому (имя рек)» [6]. В простейших случаях русские и белорусские заговоры сводились к формуле типа: «Заря, зарница, красная девица! возьми свою криксу, отдан нам сон» [7], имеющей близкую аналогию в польской традиции: «... zozzyeki, zozzyeki, trzy was je (st): jedna porankowa. druga południowa, trzecia wieczorowa. Weźcie od mego dziecka płaczenie, oddajcie mu spanie» [2].

Южнославянский материал доступен нам в значительно меньшем объеме, чем восточнославянский, причем сербские и болгарские заговоры, за единичными исключениями, почти дословно совпадают друг с другом. В восточной Сербии мать, дождавшись захода солнца и сумерек, выносила ребенка, страдающего бессонницей, на порог, смотрела, в каком доме появится первый свет, и, увидев его, говорила: «О, шумина мати, до сад плака моје дете за твојим дететом, а од сад нека плаче твоје дете за мојим» («О, лесная мать, до сих пор плакал мой ребенок по твоему ребенку, а теперь пусть плачет твой ребенок по моему»). По другому сообщению, плаксивого ребенка несли под дерево и говорили: «Добро вече, горска мајко, доста је моје дете плакало од твојега, нека сада плаче твоје од мојега» [2].

Согласно описанию из Болгарии, если маленький ребенок сильно плакал, мать выходила с ним на заходе солнца, смотрела на дерево и говорила: «Горска мајко, ти имаш сина, аз имам дъщеря, не лъжп ми дъщерята за твоя сии, на ти плач, дай и сьн», если же ребенок был мужского пола, говорили: «Не лъжи ми сина за твоята дъщеря, на ти плач, дай му сьн» («Лесная мать, у тебя есть сын, у меня дочь, не мани (не прельщай) мою дочь твоим сыном, возьми себе плач, дай ей сон... Не маки (не прельщай) моего сына твоей дочерью, возьми себе плач, дай ему сон»). В северо-восточной Болгарии (у капанцев) при детской бессоннице женщина выметала дом. складывала часть мусора на что-нибудь ненужное (доску, картон), клала туда же пепел из очага и прутья из метлы и вечером бросала все это на восток по направлению от солнца, говоря: «Бабо, Горо, на... Мойто момче да не плаче за твојто момче. а твојто момче да плаче за нашего момче» [4].

У южных славян такие же заговоры могут быть обращены к солнцу, реже к другим объектам, например, к месяцу или огню. Например, у болгар, чтобы прогнать детский плач, мать брала утром ребенка и несла его на открытое место, откуда виден восход: когда показывалось солнце, она приподнимала ребенка обеими руками к солнцу и говорила: «Дето ште плаче моете дете за слънцето, нека слънцето плаче за моето дете» («Как мой ребенок будет плакать (и стремиться) к солнцу, так пусть солнце плачет (и стремится) к моему ребенку») [4].

Сюда же может быть отнесена еще одна группа сербских заговоров. Их текст строится по схеме: «Вила женит

(отдает замуж) сына (дочку) и зовет моего сына (дочку) на свадьбу (в девери, в сваты). Я не посылаю па свадьбу своего сына (дочку), а вместо него (нее) посылаю его (ее) плач». Все заговоры этой группы обращены к виле — сербскому мифологическому персонажу, который, как правило, обитает в лесу, на отдельных деревьях. В этих заговорах также присутствует, хотя и в неявном виде, мотив передачи детского плача ребенку мифологического существа. Более того, в отдельных текстах содержится указание на предполагаемое установление искусственного родства между ребенком человека и ребенком вилы (первого зовут на свадьбу в качестве деверя или свата), что в свою очередь связывает сербские заговоры с рассмотренными украинскими.

Сравнивая южнославянские заговоры с украинскими можно отметить как значительное сходство, так и определенные различия между ними. Особенность украинских текстов заключается в том, что с деревьями или мифологическими существами устанавливаются родственные отношения (кумовство, свойство); при этом в качестве «вещей», обмен которыми должен способствовать установлению родства, выступают сон и ночной крик.

В сербских и болгарских заговорах, обращенных к «лесной матери», речь идет о томлении ребенка, который плачет по ночам, но ребенку «лесной матери», солнца или по самому солнцу. Определенная аналогия есть в одном украинском варианте, где предлагается обвенчать детей: «Піду я до дуба і до берези: — Ти, дуб, ти, береза. Посватаймося. В мене — син, в тебе — дочка (або навпаки) — Звінчаймо їх!» [2]. Тема взаимного тяготения потенциально присутствует и в других украинских заговорах (дети человека и дерева или мифологического существа должны быть разного пола), однако в целом она играет несравненно меньшую роль, чем у южных славян.

Различаются и адресаты заговорных текстов. «Лесная мать» сербских и болгарских заговоров — это известный мифологический персонаж, своеобразная хозяйка леса. В восточной Сербии ее представляли себе в двух образах: как красивую женщину с распущенными черными волосами, длинными ногтями, большой грудью, нагую или одетую в белое, или как страшную старуху с большими зубами. Из обращенных к ней заговоров видно, что она и отводит болезни, и в то же время приносит их, особенно часто детский плач и бессонницу. Болгары эвфемистически называли бессонницу «горска мајка»; ее представляли себе в образе старой, чрезвычайно страшной и уродливой женщины, живущей в лесу. Кроме этого, и болгары, и сербы, называли лесной матерью растение, которым окуривают детей от бессонницы [2].

Мифологические существа, упоминаемые в украинских заговорах, в целом лишены конкретности; их названия лишь в некоторых случаях напоминают названия персонажей народной демонологии. Ближайшим образом украинские заговоры коррелируют не с демологией, а с поверьями о деревьях. Особый интерес пред-

ставляют случаи, когда о людях и деревьях говорится на одном и том же метафорическом языке, в результате чего дерево уподобляется человеку, а человек — дереву, например: «Дубе, дубе! ты чёрный: у тебе, дубе, белая береза, у тебе дубочки сыночки. а у березочки дочки. Тобе, дуб и береза, шуметь та густы, а рожденному. хрещеному рабу божию (имя рек) спать та рости! (Як девчина має криксы, то начинают так:) Березо, березо! ты бела: у тебе, березо, чёрный дуб и т. д». [2]. Противопоставление дуба

и березы как мужчины и женщины широко распространено в украинском фольклоре и обрядности.

Славянские заговорные тексты, соответствующие инвариантной формуле, существовали, очевидно, уже в XIII в., а возможно, восходят и к праславянской эпохе. Различия между южнославянскими и украинскими заговорами могли возникнуть в результате того, что начальная структура пришла по взаимодействию с разными этнокультурными и фольклорными традициями.

Литература:

1. Karwot, E. Katalog magii Rudolfa. Wrocław, 1955. S. 23;
2. Агапкина, Т. А., Топорков А. Л. К реконструкции праславянских заговоров // Фольклор и этнография. Ленинград, «Наука». 1990;
3. Балазур, Я. Вроженье у русинов // Венок русинам на обжинки / Выд. И. Головацкого. Ведынь, 1847. Ч. 2. с. 267–268;
4. Ватев, С. и др. Материали по народната медицина в България // СбНУ. София, 1905. Кн. 21. с. 54;
5. Гамкрелидзе, Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. 2. с. 833;
6. Короленко, П. П. Черноморские заговоры // Сб. ХИФО. 1892. Т. 4. с. 276;
7. Малыхин, П. Город Нижнедевицк и его уезд // Воронежский литературный сборник. Воронеж, 1861. Вып. 1. с. 297;
8. Романов, Е. Р. Белорусский сборник. Витебск, 1895. Вып. 5. с. 33;
9. Топоров, В. Н. К реконструкции индоевропейского ритуала и ритуально-поэтических формул (на материале заговоров) // Труды по знаковым системам. Тарту, 1969.

Изучение вводных слов с персоязычными студентами на уроках русского языка

Назари Фатеме Тораб, кандидат наук, старший преподаватель, зав. кафедрой
Университет имени Шахида Бехешти (г. Тегеран, Иран)

Необходимо отметить, что изучение предложения с вводными словами будет успешным в следующих условиях:

- a) изучение предложения с вводными словами на материале текстов различных типов и стилей речи;
- б) создание системы упражнений, отражающих этапы усвоения различных смысловых групп вводных слов;
- в) соединение работы по развитию речи с изучением языковой системы;
- г) работа над выразительным чтением текста с вводными словами;
- д) органическое соединение анализа текстов с вводными словами на уроках русского языка и литературы.

Ключевые слова: вводное слово, синтаксическая направленность, компонент, предложение, конструкция

Study of parenthetical words revisited at the Russian lessons with Persian-speaking students conclusions

It will be observed that the study of the sentence with parenthetical words is going to be successful if it meets the following terms:

- a) studying the sentence with parenthetical words based on the texts of different type and stylistic register.
- b) creating an exercise pattern that reflects the stages of mastering different sense-groups of parenthetical words
- c) combining the speech practice with the study of the language system.
- d) practicing the dramatic reading of the text which includes parenthetical words.
- e) seamlessly combining the analysis of the texts with parenthetical words at the lessons of Russian language and literature.

Key words: parenthetical word, syntactic focus, component, sentence, structure

Проблема развития русской речи студентов, изучающих русский язык как иностранный, всегда была и остается одной из самых важных и актуальных в теории и практике обучения русскому языку. Об этом неоднократно писали выдающиеся педагоги прошлого (Ф.И. Буслав, К.Д. Ушинский, А.Д. Анферов), а также методисты и психологи нашего времени (Л.П. Федоренко, Т.А. Ладыженская и Л.С. Выгодский, А.Н. Леонтьев, Н.И. Жижин и др.).

Самой благодатной почвой для развития связной речи являются уроки практического русского языка, которые дают преподавателю максимальную возможность для работы над текстом в группах, где готовят учителей русского языка. Следует отметить, что в учебниках русского языка для иностранных студентов в основном грамматика изучается на материале текстов. На современном этапе в вузе, где готовят учителей русского языка эта работа имеет особый смысл в связи с усилением внимания к изучению коммуникативного аспекта синтаксиса. В процессе анализа текстов разных типов и стилей речи формируются основные коммуникативные умения.

Поэтому в последние годы в методической науке и практике преподавания русского языка как иностранного так остро стоит вопрос об усилении синтаксической направленности обучения, а также практического изучения ряда синтаксических понятий.

Вводные единицы языка — слова и предложения — относятся к активной лексике и составляют наиболее подвижный ее пласт. А также вводные единицы являются одним из средств в тексте, умелое и уместное использование их делает нашу речь, как устную, так и письменную, более стройной, логичной или экспрессивно-выразительной. Напротив употребление вводных компонентов без особой необходимости обедняет речь: перегружает и засоряет ее.

Таким образом, работа с изучением вводных слов является одним из важных средств развития логического мышления и связной речи студентов, и результаты будут эффективны, если со стороны преподавателя будут выявлены типичные ошибки при употреблении вводных слов. Эти ошибки самого разного рода. Их можно классифицировать следующим образом:

1) пунктуационные ошибки при словах, обычно выступающих в языке в качестве вводных слов (конечно, по моему, по моему мнению);

2) пунктуационные ошибки при словах, никогда не являющихся водными (почти, все-таки, даже, как будто при наличии знака);

3) пунктуационные ошибки при словах, выступающих в зависимости от контекста то в роли вводных, то в роли членов предложения или союзом (может, может быть, естественно, в конце концов, при отсутствии знака (при его необходимости) и, напротив, наличие знака (при его ненужности);

4) неправильное определение границ вводных слов и в связи с этим пунктуационные ошибки можно разде-

лить на два вида: а) не выделение, а только отделение с какой-либо одной стороны вводного слова, стоящего в середине предложения; б) изменение позиции нужного знака (постановка запятой после первой словоформы в вводном словосочетании *по нашему мнению*);

5) орфографические ошибки в написании вводных слов: а) замена дефисного написания раздельным (помоему, по-видимому) и наоборот (по моему мнению); б) замена дефисного написания слитным (повидимому).

Заметим, что последнее — лишь составная часть вообще распространенной орфографической ошибки при написании наречий с приставкой «по-» (по-своему, по-другому, понемногу и др.).

В устных ответах студентов филологического факультета нами отмечены грамматические ошибки, связанные с вводными словами: 1) квалификация вводных слов как членов предложения даже при соблюдении необходимой пунктуации (*по мнению собеседников, должно быть*); 2) квалификация членов предложения как вводных слов с сохранением соответствующей пунктуационной ошибки (*действительно может быть*); 3) квалификация как наречия вводного слова *конечно*.

Нам кажется, изучение вышеперечисленных тем необходимо начинать гораздо раньше, на первом курсе, когда начинается осознанное представление учащихся об основных синтаксических конструкциях.

Таким образом, простое предложение может быть осложнено словами, сочетаниями слов и конструкциями, которые, оказавшись по тем или иным причинам включенными в его состав, не вступают с членами этого предложения в подчинительную связь, т.е. не образуют с ним словосочетаний и не обнаруживают грамматической зависимости от них. В этом смысле вводные компоненты считают грамматически не связанными с членами предложения.

В учебных и экспериментальных целях приходится предлагать студентам произвести синтаксический разбор следующих и подобных им предложений:

1. Послушай, о чем они там говорят? 2. Скажите, пожалуйста, как пройти на вокзал? 3. Не понимаю, как это произошло? 4. Признаюсь, я этого не ожидал.

Дело в том, что анализ подобных предложений для студентов связан с большими трудностями, поскольку по внешним (формальным) признакам они действительно напоминают сложные предложения, а принципы отграничения их от сложных предложений в языковедческой и методической литературе не освещены в достаточной степени [1, с. 96].

Студенты, изучающие русский язык чаще всего смешивают сложноподчиненные и бессоюзные сложные предложения с простыми предложениями, имеющими в своем составе вводные конструкции, которые либо построены как предложение, особенно если они находятся в препозитивном положении: *как впоследствии выяснилось; я спрашиваю; я думаю; я не понимаю; я не знаю; прошу вас; ума не приложу; надо вам заме-*

тить; мне сказали; мне хотелось бы знать т.п. либо, «стоят на грани между вводными словами и вводными предложениями» [2, с. 513]: *надеюсь; предположим; послушай (те); скажи (те); пойми (те); поверь (те); посмотри (те); постой (те); видишь (ли); видите (ли); знаешь (ли); знаете (ли); сказывают; говорят; сообщают; интересно; непонятно* и т.п.

Вводные конструкции рассматриваемого типа генетически восходят к частям сложного предложения, которые до сих пор сохранили общие с ними формальные признаки: например, формы 1-го лица, формы повелительного наклонения и т.д. Этот факт, с одной стороны, обуславливает наличие в языке омонимичных синтаксических параллелей, а с другой стороны, является причиной того, что простые предложения с вводными компонентами нередко принимаются за сложные предложения. Ср.: *Послушай, о чем они там говорят?* (с повышением тона на вопросительном слове) — *Послушай, о чем они там говорят?* (повышением тона на первом компоненте).

Не понимаю, как это произошло? (с повышением тона на вопросительном слове) — *Не понимаю, как это произошло?* (с повышением тона на первом компоненте).

Ввиду того, что в каждой паре примеров и та, и другая конструкции внешне (без учета интонации) очень похожи друг на друга не только своим лексическим составом, но и формальными признаками. Многие склонны считать, что они построены по одной синтаксической модели. Однако, с точки зрения синтаксиса эти примеры далеко не тождественны. И дело здесь не столько в том, что они различны по цели высказывания и, соответственно, по интонации (хотя и это важно), сколько в том, что одни из них (первые в каждой паре) простые предложения, а другие — сложные.

Установление различительных признаков сложных предложений и сходных с ними простых предложений с вводными компонентами имеет большое теоретическое и практическое значение. С точки зрения практических задач это дает возможность уточнить синтаксический анализ рассматриваемых нами конструкций, правильно оформлять пунктуационно соответствующие высказывания в письменной речи и интонировать их при устном воспроизведении. Теоретически данный вопрос связан с проблемой структуры простого и сложного предложений и, в частности, с проблемой сочетаемости различных по цели высказывания предикативных единиц в составе сложного предложения. Исходя из вышесказанного, преподаватель задает следующий вопрос: В чем же состоит различие между сложным предложением и простым предложением с вводным компонентом?

При объяснении нового материала при помощи нижеприведенных примеров преподаватель придает ясность вопросу.

1. Вводные компоненты грамматически не связаны с компонентами основной части высказывания и сами

не являются ни членами предложения, ни частями сложного предложения. Ни от них, ни по отношению к ним нельзя поставить вопрос. Конечно, удаление вводного компонента из состава того или иного конкретного предложения небезразлично для содержания высказывания в целом, так как при этом оно лишается средства выражения отношения говорящего к тому, о чем идет речь. Модально-актуализирующую функцию выполняют вводные слова, которые соотносятся в смысловом отношении с компонентами актуального членения предложения [3, с. 76] (ср.: *Эта задача, мне кажется, нетрудна.* — *Эта задача нетрудная*). И все же вводные конструкции — всегда синтаксически автономные элементы. Ср.:

А я за что погибаю? (скажи ты мне на милость).

(Послушай, Самир) Зачем ты так гонишь лошадь?

(Не понимаю) Как это произошло?

(Посмотри) Какая красота кругом!

Что касается частей сложного предложения, то любая из них является неотъемлемым компонентом синтаксической конструкции, составляющей смысловое, интонационное, функциональное и структурно-грамматическое единство. По меткому замечанию В.А. Богородицкого, «во всяком сложном предложении его части составляют одно связанное целое, так что, будучи взяты отдельно, уже не могут иметь вполне прежнего смысла или даже совсем невозможны, подобно тому, как морфологические части слова существуют только в самом слове, но не отдельно от него» [4, с. 229]. Ср.:

Не понимаю, как это произошло (при невозможности самостоятельного функционирования в речи... *как это произошло*).

На первый взгляд кажется, что и в предложениях типа *Послушай, о чем они там говорят?* от первого компонента можно задать вопрос *о чем?* Но, во-первых, второй компонент (*о чем они там говорят?*) выражает вопрос, а не объект действия *послушай*; во-вторых, слово *послушай* употреблено здесь с ослабленным лексическим значением, что особенно видно на примере *Послушай, Клим, зачем ты так гонишь лошадь?* Совершенно очевидно, что не имеет смысла предлагать послушать то, что выражено предложением *Зачем ты так гонишь лошадь?*

2. Любая часть (т.е. любая предикативная единица) сложного предложения, являясь структурным компонентом единого целого, содержит в себе неотъемлемый элемент мысли, выражаемой коммуникативной единицей в целом. Вводные же компоненты используются лишь как средство для привнесения в объективное содержание высказывания таких оттенков, которые вытекают из субъективного отношения говорящего к сообщаемому. Иначе говоря, вводные компоненты могут выражать оценку степени достоверности того, о чем говорится в предложении, различные чувства того лица, с точки зрения которого оценивается сообщение; могут указывать на источник или на характер сообщения и приемы его оформления,

а также на связь мыслей и последовательность их изложения; могут содержать в себе своеобразные призывы к собеседнику с целью привлечь его внимание к сообщаемому и т.п. Таким образом, вводные компоненты выполняют прежде всего не коммуникативную, а модальную, эмоционально-оценочную, экспрессивную и контактирующую функции.

3. Вводные компоненты могут вступать в синонимические отношения с другими вводными же словами. Поэтому в сомнительных случаях принадлежность той или иной конструкции к категории вводных можно проверить заменой ее каким-нибудь близким по значению вводным словом:

Кажется (вероятно, очевидно), ты хочешь нас навсегда покинуть? Признаюсь (откровенно говоря), я этого не ожидал.

4. Порядок следования частей сложного предложения обусловлен семантико-синтаксическими отношениями между ними и структурой того или иного типа сложного предложения. Перемещение их в пределах конструкции в одних случаях вообще невозможно, а в других — в значительной степени ограничено. Известно также, что некоторые типы придаточных частей могут находиться в середине главной части, но главная в середине придаточной — чрезвычайно редко.

Иначе обстоит дело с вводными компонентами. Поскольку вводные компоненты, сближающиеся с предложениями, обычно относятся не к отдельным членам, а ко всему предложению в целом, то они, не изменяя при этом своей вводной функции в принципе могут занимать любое положение препозитивное, постпозитивное и интерпозитивное. Это обстоятельство тоже можно использовать как прием для установления категориальной принадлежности интересующих нас компонентов. Например:

Я спрашиваю, кто здесь хозяин? Кто здесь хозяин, я спрашиваю? Кто здесь, я спрашиваю, хозяин?

Литература:

1. Акишина, А.А. Учимся учить. Для преподавателя русского языка как иностранного. М., Русский язык: Курсы, 2004.
2. Розенталь, Д.Э. Вводные и вставные конструкции // Современный русский язык, ч. II. Под ред. Е.М. Галкиной-Федорук. М.: МГУ, 1964.
3. Гуревич, В.В. Актуальное членение предложения в его разных проявлениях // Вопросы языкознания, 2004, № 3, с. 69–87.
4. Богородицкий, А.В. Общий курс русской грамматики. М. — Л.: Соцэкгиз, 1935.
5. Абдуллаев, К.М. Сложное синтаксическое целое как объект семантико-грамматического анализа // Советская тюркология, 1978, с.11–19.
6. Лашкевич, О.А. Роль вводных слов и словосочетаний в выражении модальности текста. АҚД, М., 1984.
7. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.

Произведенная трансформация показывает, что *я спрашиваю* — не главная часть, а вводный компонент, и все высказывание *Я спрашиваю, кто здесь хозяин?* — не сложноподчиненное предложение, а простое.

Даже контактирующие вводные компоненты типа *послушай, скажи, посмотри*, которые в силу своего специфического назначения — быть средством установления речевого контакта — обычно тяготеют к препозиции, в принципе способны занимать любое положение:

Скажите, есть возможность сегодня уехать на Москву? (В. Солоухин, Терновник); Ну чего ты, *скажи*, моргаешь? (П. Проскурин, Горькие травы); Как идут твои дела, *скажи*? (Л. Леонов, Русский лес). Ср. также: А я за что погибаю, *скажи ты мне на милость?* — *Скажи ты мне на милость*, а я за что погибаю? — А я, *скажи ты мне на милость*, за что погибаю?

В сложном предложении подобная трансформация невозможна. При попытке включения одной части в другую структура сложного предложения как таковая разрушается.

Не исключена возможность, что иногда могут встретиться переходные случаи, когда безоговорочно нельзя квалифицировать какое-нибудь высказывание только как сложное предложение или только как простое предложение с вводным компонентом. Однако перечисленные выше различительные признаки в целом более или менее безошибочно позволяют определять категориальную принадлежность конструкций рассматриваемого типа. В конце своего объяснения преподаватель говорит.

Вводные слова выступают также средством связи между предложениями в сложном синтаксическом целом [5, с. 17]. Субъективный фактор в языке давно привлекает внимание исследователей разных аспектов языка, особенно синтаксиса, а в последнее время — лингвистики текста.

Метафорический перенос в английском сленге

Панин Виталий Витальевич, кандидат филологических наук, доцент
Ишимский педагогический институт имени П. П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета

В статье рассматриваются особенности сленга как важного компонента словарного состава английского языка, проводится анализ лексики американского и британского сленга, образованной в результате различных типов метафорического переноса.

Ключевые слова: сленг, вторичная номинация, метафорический перенос

При всем многообразии работ, посвященных сленгу, данное понятие не получило сколько-нибудь однозначного определения. Это связано, прежде всего, с нечеткостью границ, отделяющих сленговые слова и выражения от разговорной лексики, жаргонизмов и вульгаризмов.

Наиболее авторитетным исследователем сленга в английском языке считается английский лингвист Э. Партридж, который опубликовал ряд книг и словарей, посвященных английскому сленгу. Э. Партридж выделяет 15 причин, по которым люди употребляют сленг: чтобы поднять настроение, показать свое остроумие, пренебрежение или безразличие к предмету высказывания и другие. В нашей стране исследованию сленга в английском языке посвящены работы М. М. Маковского, Г. А. Судзиловского, В. А. Хомякова и других лингвистов.

Обратимся к дефиниции слова *slang* из Оксфордского толкового словаря.

Slang, n. 1.

a. The special vocabulary used by any set of persons of a low or disreputable character; language of a low and vulgar type. (Now merged in cant)

b. The special vocabulary or phraseology of a particular calling or profession; the cant or jargon of a certain class or period.

c. Language of a highly colloquial type, considered as below the level of standard educated speech, and consisting either of new words or of current words employed in some special sense.

d. Abuse, impertinence [9].

Приведенное выше определение свидетельствует о том, что понятие *slang* достаточно широкое. Сленг рассматривается и как синоним кэнта, то есть языка деклассированных элементов, преступного мира, и как жаргон, т.е. язык какой-либо профессиональной группы. Наиболее общим можно считать третье значение, в котором под сленгом понимается разговорный язык, выходящий за рамки стандарта и состоящий либо из новых слов, либо из уже существующих слов, употребляющихся в специфическом значении.

По мнению М. М. Маковского, «сленг — это исторически сложившаяся на базе английских диалектов и других наиболее древних языковых элементов и в большей или меньшей степени общая всем носителям языка лингво-социальная норма, которая, реализуясь на уровне

разговорной речи (фонетика, грамматика, лексика), генетически и функционально отлична от жаргонных и профессиональных элементов языка» [4, с. 23].

И. В. Арнольд определяет сленг как «сугубо-разговорные слова и выражения с грубоватой или шуточной эмоциональной окраской, неапробированные (непринятые) в литературной речи» [2, с. 284].

Г. А. Судзиловский выделяет ряд отличительных свойств сленга:

1. сленг — лексическое явление;
2. сленг — нелитературная лексика;
3. сленг возникает и употребляется в разговорной речи;
4. сленг — эмоционально-окрашенная лексика;
5. сленг характеризуется фамильярной окраской;
6. фамильярная эмоциональная окраска отличается большим разнообразием оттенков (шутливая, ироническая, презрительная и т.д.);
7. в зависимости от сферы употребления сленг можно разделить на широкоупотребительный и узкоупотребительный [6, с. 10–11].

В отечественной лингвистике принято делить сленг на общий и специальный. Данной позиции придерживается, в частности, В. А. Хомяков, который определяет общий сленг как относительно устойчивую для определенного периода, широко распространенную и общепонятную социальную речевую микросистему в просторечии, весьма неоднородную по своему генетическому составу и степени приближения к фамильярно-разговорной речи, с ярко выраженной эмоционально-экспрессивной коннотацией вокабуляра, представляющей часто насмешку над социальными, этическими, эстетическими, языковыми и другими условностями и авторитетами [8, с. 39]. Специальный сленг — это социальная речевая микросистема в просторечии, включающая в себя кэнт и некоторые близкие к нему образования (рифмованный сленг и др.), профессиональные и корпоративные (групповые) жаргоны и отличающаяся генетически и функционально от общего сленга [8, с. 71].

Рассмотрев определения и характеристики сленга, необходимо остановиться на способах образования лексики сленга.

Вопросы словообразования в американском сленге достаточно подробно освещены в диссертационном исследовании Ю. К. Волошина «Общий американский

сленг: состав, деривация и функция (лингвокультурологический аспект)». В процессе анализа учёный останавливается на некоторых аффиксах и полуаффиксах, являющихся продуктивными при образовании сленговых слов. Широко распространены, например, полуаффиксы *-fiend* со значением «пристрастившийся к чему-либо» и *-happy* «в восторге от чего-л., одержимый, возбужденный, безумный»: *dope fiend наркоман*, *book fiend книголюб*, *trigger-happy воинственный, часто пускающий в ход оружие*, *gip-happy пьяный* и др. [3, с. 94, 99]. Сходное значение имеют полусуффиксы *-nut* и *-freak*, обозначающие «любителя, энтузиаста, последователя чего-л.»: *film-freak киноман*, *dog nut любитель собак* и др. [3, с. 101–102].

Значительное количество единиц сленга возникло вследствие вторичной номинации. Под вторичной номинацией понимается «использование фонетического облика уже существующей единицы в качестве имени для нового обозначаемого. Результаты вторичной номинации воспринимаются как производные по морфологическому составу или по смыслу. Способы вторичной номинации различаются в зависимости от языковых средств, используемых при создании новых имён, и от характера соотношения «имя — реальность» [7, с. 336]. Одним из языковых средств в процессе вторичной номинации выступает метафора, то есть скрытое сравнение. Метафорический перенос основан на сходстве между двумя предметами или явлениями, например: *the tongues of the flame языки пламени*, *the foot of the hill подножье холма*, *the neck of the bottle горлышко бутылки*. Языковая метафора обычно фиксируется в толковых и специальных словарях, в частности, словарях сленга.

Остановимся на лексике американского и британского общего сленга, которая вошла в язык в результате метафорического переноса. Материалом исследования послужили словари «Dictionary of Contemporary Slang» и «Англо-русский словарь американского сленга».

За основу представляется возможным принять классификацию метафорических переносов Г. Н. Складневской, которая выделяет следующие виды таких переносов:

1. предмет → предмет;
2. животное → человек;
3. предмет → человек;
4. человек → человек;
5. предмет → физический мир;
6. предмет → психический мир;
7. предмет → абстракция;
8. физический мир → психический мир [5, с. 80–100].

Рассмотрим некоторые из перечисленных выше видов метафорического переноса.

Ряд слов образован с помощью метафорического переноса «предмет — предмет», например: *bread хлеб* в сленге имеет значение *деньги* [10, с. 61]. В этом же значении используется и слово *dough тесто* [10, с. 137]. Слова *grass, herb* и *weed трава* обозначают *марихуану* [10, с. 196, 216, 471]. *Bucket ведро* — шутовское название *машины*

или *лодки* [1, с. 66]. *Старую машину* в американском сленге называют *летоп лимон* [10, с. 268].

Достаточно часто лексика сленга создается для того, чтобы подчеркнуть отличительные черты внешности, характер или состояние человека. Во многих случаях такие слова основаны на метафорическом переносе «животное → человек», при котором особенности внешнего облика или поведения животных служат для характеристики людей.

Например, в американском сленге слово *ape обезьяна* обозначает *сутулого или длиннорукого мужчину, особенно крупного и сильного* [1, с. 21]. Слово *cat кошка* в сленге приобрело несколько значений:

1. *парень, приятель;*
2. *злая женщина, мегера;*
3. *человек, находящийся под воздействием наркотиков* [10, с. 83].

Слово *fox лиса* обозначает *сексуально привлекательного человека*, обычно женщину [10, с. 167]. Зоним *pig свинья* в сленге является пренебрежительным названием полицейского [10, с. 333]. Слово *horse лошадь* употребляется в британском сленге в значении *непривлекательная женщина* [10, с. 225], *jay сойка* в американском сленге имеет значение *глупый, доверчивый, легко поддающийся обману человек* [10, с. 239].

Следующий вид метафорического переноса «предмет → человек» также представлен в сленге отдельными лексическими единицами, например, словами обозначающими продукты или предметы быта.

Слово *basop бекон* в американском сленге имеет значение *полицейский* [10, с. 19], *bag сумка* употребляется применительно к *некрасивой женщине* [10, с. 19]. Словом *eggplant баклажан* называют чернокожего человека, в данном случае наблюдается аналогия между цветом баклажана и цветом кожи представителей негритянского населения [10, с. 151]. В британском сленге слово *apogak теплая куртка с капюшоном* приобрело значение *скудный, заумный человек* [10, с. 8].

Последняя группа лексики, на которой хотелось бы остановиться, — это слова, вошедшие в сленг в результате метафорического переноса «человек — человек». Интересно отметить, что некоторые термины родства в сленге приобрели новые значения, например, слово *brother брат* приобрело значение *друг* [1, с. 65], а *sister сестра* — *подруга* [1, с. 357], *daddy papa* в британском сленге обозначает *старшего по возрасту заключенного в тюрьме* [10, с. 116]. Слово *uncle дядя* в сленге имеет значение *ростовщик, скупщик краденого* [10, с. 458].

Рассмотренные примеры позволяют сделать вывод о том, что метафорический перенос, благодаря образности и экспрессивности, является одним из эффективных способов пополнения лексики сленга. Изучение метафорического переноса в сленге позволяет глубже понять этот важный компонент лексической системы английского языка.

Литература:

1. Англо-русский словарь американского сленга. — М.: Издательство «Книжный сад», 1993. — 544 с.
2. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие / И. В. Арнольд — М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. — 376 с.
3. Волошин, Ю. К. Общий американский сленг: состав, деривация и функция (лингвокультурологический аспект): Дис. доктора филологических наук / Ю. К. Волошин. — Краснодар, 2000. — 341 с.
4. Маковский, М. М. Английские социальные диалекты (онтология, структура, этимология) / М. М. Маковский. — М.: Высшая школа, 1982. — 135 с.
5. Складаревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Складаревская. — СПб.: Наука, 1993. — 152 с.
6. Судзиловский, Г. А. Сленг — что это такое? Английская просторечная военная лексика / Г. А. Судзиловский. — М.: Воениздат, 1973. — 182 с.
7. Телия, В. Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — с. 336
8. Хомяков, В. А. Введение в изучение слэнга — основного компонента английского просторечия / В. А. Хомяков. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 104 с.
9. Oxford English Dictionary [Электронный ресурс] URL: <http://www.oed.com/view/Entry/181318?rskey=mk6T-d&result=3&isAdvanced=false#eid> (дата обращения: 28.08.16)
10. Thorne, T. Dictionary of Contemporary Slang. — A&C Black Publishers, London, 2007. — 513 p.

О познании предметной области студентами-переводчиками

Паршина Татьяна Вячеславовна, магистрант

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Познание предметной области студентами-переводчиками для осуществления технического перевода взаимосвязано с получением обучающимися знаний по теории технического перевода, знаний терминологии и практикой перевода специальных текстов.

Ключевые слова: практика и методика изучения предметной области, инженерные/технические знания, технический перевод, технический переводчик, работа в рабочей группе по техническому переводу

Познание предметной области является частью специальной составляющей переводческой компетенции студентов-переводчиков и играет важную роль при подготовке обучающихся к работе техническими переводчиками.

Под познанием предметной области студентами-переводчиками понимается:

наглядное ознакомление обучающихся с предметной областью через посещение заводов, лабораторий, консультаций со специалистами и т.п. [5];

вооружение обучающихся методикой и практикой изучения предметной области техники, к которой относится переводимый текст [6].

По мнению автора, вопросы познания предметной области студентами-переводчиками с каждым годом все больше и больше привлекают внимание переводчиков, ученых, исследователей, преподавателей перевода, болеющих за отечественную подготовку обучающихся к выполнению специального перевода, в частности, перевода научно-технической литературы и документации.

Так, преподаватель перевода, Дзэнс Н. И. [1] прямо указывает в качестве недостатка подготовки выпускников-переводчиков, работающих в сфере перевода науч-

но-технической литературы и документации, отсутствие у выпускников знаний предметной области, к которой относятся переводимые ими тексты. Исследователь подчеркивает актуальность вузовской подготовки обучающихся в сфере технического перевода и, в частности, обращает внимание на подготовку студентов-переводчиков в предметной области перевода.

Исследователь английского языка научно-технической литературы, автор многочисленных трудов по теории и практике технического перевода Климзо Б. Н. [2], описывая сущность мастерства технического переводчика, акцентирует внимание на обязательном владении техническим переводчиком инженерными/техническими знаниями, которые приобретаются им в высшем учебном заведении (далее — ВУЗ), на производстве, а также путем самообразования.

Исследователи Пушнов И. А., Семенов А. Л., Убин И. И. [9] развивают в работе «Перевод: проблемы и решения» положение о том, что переводчик научно-технической литературы и документации должен иметь соответствующие отраслевые или, по меньшей мере, фоновые знания в соответствующей отрасли.

Переводчик, доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, кандидат филологических наук Сдобников В. В. [10] указывает на следующее явление: переводческие компании открывают собственные курсы по подготовке переводчиков. Основная причина этого кроется в неудовлетворенности руководителей переводческих компаний качеством подготовки выпускников-переводчиков, например, у студентов отсутствуют навыки специального, в частности, технического перевода; знания предметной области.

В вопросах познания студентами предметной области, Сдобников В. В. обращает внимание на необходимость научить обучающихся осознать, каких именно знаний им не хватает при переводе того или иного документа; научить студентов успешно находить необходимую информацию в различных источниках, научить их ориентироваться в предметной области.

Приведенные мнения ученых, переводчиков, исследователей, преподавателей перевода не являются исчерпывающими.

Анализ требований переводческих компаний к техническому переводчику [6] показал, что будущий специалист должен иметь глубокие знания будущей отраслевой терминологии и знания предметной области.

Анализ структуры и содержания учебных дисциплин [6], [7], обучающихся техническому переводу, свидетельствует о том, что учебные дисциплины обеспечивают лишь ознакомление обучающихся с техническим переводом. Вопросы познания предметной области не предлагаются студентам-переводчикам к изучению.

Таким образом, анализ требований переводческих компаний к техническому переводчику, анализ структуры и содержания учебных дисциплин, обучающихся техническому переводу, мнения исследователей, ученых, переводчиков, преподавателей перевода свидетельствуют о необходимости познания обучающимися предметной области. Автор статьи очерчивает серьезную проблему неподготовленности выпускников-переводчиков к осуществлению перевода специальных текстов, в частности, перевода научно-технической литературы и документации. Выпускники-переводчики имеют слабые знания предметной области, либо вообще не имеют этих знаний.

Для решения обозначенной проблемы, по мнению автора, потребуются колоссальные силы, средства и время, в частности, на проработку преподавательскими составами кафедр в ВУЗах учебных планов, включающих занятия по познанию предметной области, разработку методик и практик изучения предметной области. Также остро встает вопрос о специализации переводчика.

В этой связи, перед преподавателем технического перевода встает немало вопросов. Как осуществлять изучение предметной области в ВУЗе? Как организовывать процесс познания предметной области студентами-переводчиками? Какие имеются разработки для обучающихся по познанию предметной области?

Обратимся к мнениям ученых, переводчиков, исследователей.

Латышев Л. К., Провоторов В. И. [3] предлагают познать предметную область на занятиях, которые ученые называют «введение в предмет». Начинать занятия следует с чтения специального текста на русском языке и его обсуждения. Далее выполняются упражнения, рассчитанные на усвоение соответствующих понятий предметной области.

Вот некоторые примеры таких упражнений:

- ответить на вопросы к прочитанному тексту;
- выписать из текста важнейшие понятия соответствующей предметной области;
- составить схему, отражающую иерархию этих понятий;
- к рисунку или схеме, где составные элементы помечены цифрами, подобрать к цифрам соответствующие термины.

Далее по такой же схеме прорабатывается иноязычный текст на ту же тему.

Алексеева И. С. для познания предметной области предлагает организовывать тематические семинары и конференции [4], на которые участники готовят материалы именно по тематике предметной области, а не по переводу.

Много полезных рекомендаций по познанию предметной области предоставляет Климзо Б. Н. [2].

Исследователь считает важным для познания и совершенствования знаний предметной области чтение обучающимися научно-технических журналов. Обучающиеся, таким образом, будут не только познавать новую предметную область, но и актуализировать свои прежние знания в уже знакомых для них предметных областях.

При познании предметной области Климзо Б. Н. рекомендует использовать Интернет, например, в ситуациях, когда переводчику необходимо:

- узнать, как выглядит некое устройство, схема технологического процесса;
- ознакомиться со стандартом;
- найти патент.

Во всех этих случаях Климзо Б. Н. приводит подробный алгоритм действий (от открытия окна браузера до достижения искомого результата) которого должен придерживаться переводчик.

Преподавателю, обучающему студентов предметной области, ученый советует придерживаться принципа наглядности, суть которого заключается в том, что преподавателю необходимо иметь в своем распоряжении образцы документов, относящихся к различным жанрам научно-технической литературы для демонстрации их обучающимся.

Сдобников В. В. [10] высказал следующую методическую рекомендацию о получении обучающимися инженерных знаний: сместить акцент с простого представления неких знаний, при котором студенты выступают в качестве пассивных «приемников» информации, на выработку у студентов активного умения находить новые знания, учиться новому.

Дополнительно следует сказать об учебном центре «Юнитех», и курсе общей технической подготовки линг-

вистов-переводчиков (далее — курс) [11]. Башаев В. А. указывает, что данный курс «направлен на ликвидацию технической безграмотности студентов» [8].

Успешно пройдя обучение на этом курсе в 2016 году, автор статьи отмечает, что курс позволяет ознакомиться обучающимся с общетехническими знаниями в различных предметных областях и получить представление о предметной области. Это, безусловно, шаг вперед.

Однако, автор обращает внимание на необходимость именно фундаментальной подготовки студентов-переводчиков в познании предметной области.

Для решения проблемы отсутствия у студентов-переводчиков знаний предметной области, отсутствия навыков и умений познания предметной области, автор предлагает познавать предметную область в рамках учебной дисциплины «Технический перевод» для студентов-переводчиков. Следуя комплексности и взаимосвязанности обучения, и учитывая постулаты:

от простого к сложному;

от теоретической части обучения к практической части обучения;

автор последовательно очерчивает виды деятельности, формирующие подготовку студентов-переводчиков в предметной области:

1. Проведение лекционных занятий по познанию предметной области.

2. Разработка и применение методик изучения предметной области и вооружение ими обучающихся.

3. Работа преподавателя и студентов-переводчиков по познанию предметной области не только с научными журналами, договорами, описаниями, инструкциями, учебниками и т.п., но и ознакомление с предметной областью на месте (лаборатория, цех, завод, мастерская, верфь и т.д.). В этом случае обучающийся сможет «вживую» увидеть работу того или иного механизма, «вживую» проконсультироваться со специалистом инженерного состава, изобретателем, конструктором /получить объяснение, достоверный ответ, пополнить свои знания/.

4. Прохождение практик в лабораториях в ВУЗах [7], где под руководством преподавателей-переводчиков и при тесном взаимодействии с инженерным составом (преподаватели, студенты технических факультетов ВУЗа, эксперты), другими участниками переводческого процесса, обучающиеся получают подготовку по переводу научно-технической литературы и документации, знания предметной области.

5. Проведение практических занятий, предполагающих взаимодействие обучающихся в рабочей группе по техническому переводу. Преподаватель заранее распределяет роли между студентами: менеджер проекта, переводчик, редактор, корректор, верстальщик, заказчик. Приглашается специалист-консультант технического профиля. Такие занятия призваны максимально приблизить учебный процесс к реальной переводческой работе технического переводчика в конкретной предметной области, развивают у студентов-переводчиков навыки ра-

боты со всеми участниками переводческого процесса, включая специалистов технического профиля.

6. Самостоятельная работа обучающихся по познанию предметной области.

Конечно, следует учитывать, что предметная область представляет собой конкретное направление науки и техники. Перед преподавателем, в частности, технического перевода встает вопрос: какую специализацию технического перевода выбрать?

По мнению автора, одним из решений может стать следующее: если подготовка студентов-переводчиков осуществляется в техническом ВУЗе и ведется обучение техническому переводу, то целесообразно выбрать те направления предметной области, по которым ВУЗ реализует подготовку студентов по техническим специальностям. Это позволит студентам-переводчикам в полной мере получить практику работы в рабочей группе по техническому переводу (взаимодействие со специалистами технического профиля конкретных направлений науки и техники), получить знания в конкретной предметной области.

В итоге хочется обратить внимание на то, что познание конкретной предметной области в рамках учебной дисциплины «Технический перевод» не только отвечает требованиям компонентов специальной составляющей переводческой компетенции студентов-переводчиков, но и неразрывно связано с вопросами изучения терминологии, создания терминологического словаря, преодоления трудностей технического перевода, осуществления анализа допущенных при переводе ошибок и их устранения.

В заключении следует обратить внимание, что успешному обучению студентов-переводчиков предметной области способствует:

ключевая роль преподавателя на начальных этапах познания обучающимися предметной области: именно преподаватель вооружает студентов-переводчиков методикой изучения предметной области, работает вместе со студентами в составе рабочей группы по техническому переводу, учит взаимодействовать с инженерами, конструкторами, экспертами, осуществляет ознакомление обучающихся с предметной областью на месте (посещает совместно со студентами-переводчиками лаборатории, цеха, конструкторские бюро), формирует у студентов-переводчиков потребность самостоятельно приобретать и пополнять знания предметной области;

разработка и совершенствование педагогическим составом соответствующих кафедр ВУЗов методик изучения предметной области;

самостоятельная работа преподавателя технического перевода по актуализации собственных знаний в предметной области, включая ведение собственного терминологического словаря (как образец для студентов-переводчиков);

самостоятельная работа обучающихся по расширению своих знаний в предметной области (чтение научно-технических журналов, посещение тематических промышленных выставок и конференций, ведение собственных «библиотек» по предметным знаниям и т.п.).

Литература:

1. Дзенс, Н.И. Структура и содержание учебных дисциплин переводческого цикла (из опыта работы) [Электронный ресурс] URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/9827/1/Dzens_Struktura.pdf (дата обращения: 01.08.2016–10.08.2016).
2. Климзо, Б.Н. Ремесло технического переводчика. Об английском языке, переводе и переводчиках научно-технической литературы. 3-е изд., исправленное и дополненное — М.: «Р.Валент», 2011. — 488 с.
3. Латышев, Л.К., Провоторов В.И. Структура и содержание подготовки переводчиков в языковом ВУЗе. Учебно-методическое пособие. — 2-е изд., стереотип. — М.: НВИ-Тезаурус, 2001. — 136 с.
4. Онлайн-неконференция «Студенты-переводчики: где набраться практики? Школа отраслевых переводчиков «Альянс ПРО» [Электронный ресурс] URL: www.youtube.com/watch?v=Lp87iFMH878 Алексева И. С. (мин.: 08:07–08:54) (дата обращения: 30.07. 2016).
5. Паршина, Т.В. Педагогический подход к формированию специальной составляющей переводческой компетенции студентов-переводчиков в высшем учебном заведении [Текст] / Т.В. Паршина // Теория и практика образования в современном мире: материалы VIII междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2015 г.). — СПб.: Свое издательство, 2015. — с. 152–155.
6. Паршина, Т.В. О разработке учебной дисциплины «Технический перевод» для студентов-переводчиков в высшем учебном заведении [Текст] / Т.В. Паршина // Педагогика: традиции и инновации: материалы VII междунар. науч. конф. (г. Челябинск, январь 2016 г.). — Челябинск: Два комсомольца, 2016. — с. 115–118.
7. Паршина, Т.В. О модели учебной дисциплины «Технический перевод» для студентов-переводчиков в высшем учебном заведении [Текст] / Т.В. Паршина // Проблемы и перспективы развития образования: материалы VIII междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2016 г.). — Краснодар: Новация, 2016. — с. 253–257.
8. Проблемы взаимодействия вузов и рынка. Круглый стол в рамках V Международной конференции (НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 8 апреля 2015 г.). Мосты. Журнал переводчиков. № 3 (47) / 2015 с. 68–79. Башаев В.А. (стр. 77).
9. Пушнов, И.А., Семенов А.Л., Убин И.И. Перевод: проблемы и решения / Под ред. И.И. Убина; Федеральное агентство по науке и инновациям, Всероссийский центр переводов научно-технической литературы и документации. — М.: Всероссийский центр переводов научно-технической литературы и документации, 2009. — 100 с.
10. Сдобников, В.В. Отраслевые школы перевода: что это такое и зачем? // Мосты. Журнал переводчиков. № 2 (50), 2016. — с. 69–73.
11. Учебный центр «Юнитех» [Электронный ресурс] URL: www.unitechbase.com (дата обращения: 11.08. 2016).

Репрезентация концепта «Деньги» в испанской языковой картине мира (на материале кастильского диалекта)

Петрова Мария Геннадьевна, преподаватель
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)

В статье анализируется концепт «деньги» на материале испанского концепта Dinero в языковой картине мира через средства и способы его вербализации. Репрезентанты концепта Dinero рассматриваются за счет анализа словарных дефиниций лексемы «dinero», а также анализа соответствующих лексико-семантических вариантов. Также в статье дается краткое описание таких базовых понятий, как «концепт», «когнитивная картина мира», «языковая картина мира».

Ключевые слова: концепт, языковая картина мира, вербализация, языковая репрезентация

The representation of the concept «Money» in the Spanish language picture of the world (based on the Castilian variety)

Petrova Maria Gennadevna, teacher
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The article analyses the concept «money» on the material of the Spanish concept Dinero in the language picture of the world via means and forms of its verbalization. The representatives of the concept Dinero are examined according

to the analysis of the vocabulary definitions of the lexeme «dinero», and its respective lexico-semantic varieties. Besides, a brief description of the basic notions, such as «concept», «language picture of the world», «conceptual picture of the world» is given in the article.

Key words: concept, language picture of the world, verbalization, language representation

Деньги являются неотъемлемой частью современной жизни и необходимой ее составляющей. Деньги играют различные роли в экономической и социальной сферах жизни, они занимают одну из основных позиций в системе национальных ценностей. Отношение различных народов к деньгам в значительной степени обусловлено экономическим положением той страны и меняется в зависимости от происходящих в обществе событий. Поэтому актуальным является изучение средств и способов обозначения этой области языковыми средствами, а также через эти средства выявление особенностей данной понятийной сферы.

Понятие «концепт» является базовым для целого ряда наук, в частности такой лингвистической дисциплины как когнитивная лингвистика. Предметом рассмотрения когнитивной лингвистики является та часть поступающей информации, которая обретает отражение и фиксацию в языковых формах. Таким образом, **концепт** толкуется в основном как «ментальная сущность, которая имеет имя в языке и отражает культурно-национальное представление человека о мире» [1; с. 4].

Однако концепт может и не иметь словесного выражения, т. к. языковой знак представляет концепт в языке, в общении. Само слово представляет концепт не полностью, а лишь «своим значением передает несколько основных концептуальных признаков, релевантных для сообщения» [3; с. 14]. Иными словами, языковые средства необходимы для сообщения концепта, т. е. его интерпретации общеизвестными значениями в системе языка. Возникает, следовательно, проблема вербализации или языковой репрезентации концептов.

Концепт может быть вербализован различными способами в зависимости от коммуникативной ситуации, но, как правило, в языке отражены более или менее типичные средства языковой объективации конкретных концептов, которые закрепились в данной культуре в результате ее исторического опыта. Эти концепты обладают коммуникативной релевантностью, т. е. необходимы для общения и часто используются. Вербализованные концепты интегрируются в целую систему знаний — **языковую картину мира**, которая в свою очередь локализуется в сознание индивида в качестве компонента целостной картины мира.

Непосредственная картина мира — это картина, получаемая в результате прямого познания окружающей действительности, при помощи органов чувств и абстрактного мышления. Также может быть названа **когнитивной картиной мира**, так как «представляет собой результат когнитивности (познания) действительности и выступает в виде упорядоченных знаний — концептосферы» [3; с. 7].

Слово (языковой знак) является «посредником» между языковой и концептуальной картинами мира. Опосредованная картина мира, или языковая картина мира, есть «результат фиксации концептосферы вторичными знаковыми системами, которые материализуют, овнешняют, существующую в сознании непосредственную когнитивную картину мира». [3; с. 7]. Таким образом, когнитивная картина мира и языковая картина мира связаны между собой «как первичное и вторичное, как ментальное явление и его вербальное овнешнение» [2; с. 11].

Исходя из вышеизложенного, следует, что концепт «деньги» является лишь фрагментом картины мира, а исследование данного концепта через средства его языковой репрезентации позволяет реконструировать картину мира в целом и языковую картину мира в частности, а именно испанскую языковую картину мира путем анализа концепта DINERO. Стоит заметить, что концепт DINERO гораздо шире, чем сама лексема «dinero», вербализующая этот концепт, так как языковой знак не представляет полного содержания концепта, потому что «мир мыслей никогда не находит полного выражения в языковой системе» [3; с. 15]. Однако по своей природе концепт, безусловно, лингвистичен и не может быть рассмотрен вне своей языковой реализации.

В рамках анализа словарных дефиниций лексического значения «dinero», деньги в испанском языке могут быть определены как [6]:

1. Conjunto de billetes y monedas corrientes o que tienen valor legal;
2. *En economía* Lo que una sociedad acepta generalmente como medio de pago;
3. Conjunto de bienes y riquezas, esp. de billetes y monedas corrientes.

В Словаре Королевской Академии испанского языка RAE лексема «dinero» имеет следующие значения [5]:

1. Moneda corriente;
2. Hacienda, fortuna;
- ...
8. *Econ.* Medio de cambio o de pago aceptado generalmente.

Таким образом, в обеих словарных статьях общим определением «dinero» можно считать восприятие денег как действующей системы знаков, являющейся мерой стоимости и средством платежа. Важно отметить, что данная лексема является широкоупотребительной в испанском языке, так как встречается в ряде устоявшихся словосочетаний: наличные деньги — *buen dinero, dinero al contado, dinero contante, dinero contante y sonante, dinero en metálico, dinero en efectivo, dinero en tabla*; мелкие деньги — *dinero menudo, dinero sencillo, dinero*

suelto, dinero trocado; dinero de bolsillo (карманные деньги); *dinero negro [que escapa al control fiscal]* (до сл. черные деньги, «черный нал»); *dinero limpio/sucio* (до сл. чистые/грязные деньги; т. е. легальные/нелегальные); *dinero líquido* (свободные деньги), *dinero falso* (фальшивые деньги), *dinero público* (бюджетные средства, народные деньги). К специальным терминам экономической сферы можно отнести: *dinero barato/caro* (до сл. дешевые/дорогие деньги, т. е. взятые под низкий или высокий процент), *dinero caliente* (до сл. горячие деньги; спекулятивные денежные капиталы); *dinero de plástico* [tarjetas de crédito] (до сл. пластиковые деньги¹, подразумевая использование кредитных карт), *dinero digital или ciberdinero [dinero virtual que solo se puede utilizar en internet]* (виртуальные деньги), *dinero de crédito* (кредитные деньги).

Второстепенное значение лексемы «dinero» как «капитал, состояние, богатство» раскрывается посредством следующих устойчивых словосочетаний: **de dinero** [referido esp. a una persona que tiene dinero en abundancia], чаще встречается — **hombre de dinero/de fondos** (богач, состоятельный человек) или **una familia de dinero** (зажиточная, обеспеченная семья); **hacer (uno) dinero** [col. juntar caudal, hacerse rico] (сколотить состояние).

Лексема «dinero», частично объективирующая концепт DINERO, употребляется в пословицах и поговорках, тем самым сочетает в себе ряд ассоциативных признаков, которые приписываются к сфере денег носителями языка. Так, например, в испанском языке существуют народные изречения, в которых деньги играют различные роли: 1) деньги — основной ценностный ориентир: **Dinero y no consejos** (≈ рус. Одними советами сыт не будешь); **Dinero llama dinero** (≈ рус. Деньги (идут) к деньгам); **No hay amigo ni hermano, si no hay dinero de mano** (≈ рус. Богатый бедному не товарищ); **No hay mal tan lastimero como no tener dinero** (≈ рус. Беднее всех бед, когда денег нет); **Poderoso caballero es Don Dinero**² (≈ рус. Деньги могут все; Золотой молоток и железные ворота открывает); 2) деньги — не главное, а второстепенное: **Más vale amigo en apuro, que dinero en el puño** (≈ рус. Не имей сто рублей, а имей сто друзей; Друзья познаются в беде); **La libertad no debe ser vendida por ningún dinero** (до сл. Свобода не должна продаваться ни за какие деньги; ≈ рус. Птичке ветка дороже золотой клетки); **El dinero no convierte en sabio al que tonto nació** (≈ рус. Ума на деньги не купишь); 3) соотношение «деньги-труд»: **Tras el trabajo viene el dinero y el descanso** (≈ рус. Без труда не вытащишь и рыбку из пруда); **Poco dinero, poco meneo** (≈ рус. Какая плата — такая работа).

Вербальная объективация концепта DINERO — это вся совокупность языковых средств, используемых для

обозначения того, что стоит за этим словом в индивидуальном или коллективном сознании. Репрезентанты концепта — это все лексико-семантические варианты, связанные определенными отношениями с глобальным понятием. Следовательно, репрезентантами общего термина DINERO являются большое количество синонимов: *moneda, plata, billete, efectivo, metálico, capital, fondos, finanzas, fortuna, caudal, hacienda, peculio, numerario, riqueza, tesoro, divisa, bienes, recursos, haberes*; и на разговорном уровне могут быть выделены: *cuartos, pasta, parné, guita, mosca, monís, perras, pela, blanca*.

В частности в составе лексико-семантического поля DINERO рассматриваются все наименования денежных единиц как активно функционирующих, так и утративших силу. Испания как член Еврзоны с 2002 г. в качестве официальной валюты использует евро (*ucn. euro*), в монетах (*ucn. monedas*) достоинством 1 € и 2 €, а также 50, 20, 10, 5, 2, 1 евроцент (*ucn. euro cent*) и банкнотах (*ucn. billetes*) номиналом 500 €, 200 €, 100 €, 50 €, 20 €, 10 €, 5 €.

До этого момента действовала «песета» (*ucn. peseta* (ESP)): купюры — 1 000, 2 000, 5 000, 10 000 и монеты — 1, 2, 5, 10, 25, 50, 100, 200, 500 песет. Стоит заметить, что песета прослужила 134 года и была частью национальной культуры, о чем свидетельствует наличие следующих фразеологических единиц с данной лексемой: **Más majo que las pesetas** [muy guaro o muy simpático] (до сл. привлекательнее, чем песеты) — ej. *La conozco desde hace poco, pero me parece más majo que las pesetas, simpatiquísima, alegre y siempre dispuesta a echarle una mano. Mirar la peseta* [considerar con suma prudencia los gastos] (до сл. рассматривать песету; ≈ рус. беречь каждую копейку) — ej. *Yo miro la peseta: antes de hacer la compra doy una vuelta por el supermercado para comprobar todos los precios. Mirar/Ahorrar la peseta y tirar el duro* [cuando alguien intenta ahorrar en lo mínimo, derrocha lo que tiene más valor] (до сл. рассматривать/экономить песету и выбрасывать монету достоинством в 5 песет; ≈ рус. скупой платит дважды) — ej. *Sí, utilizas papel usado para ahorrar, pero así te vas a cargar la impresora: eso es mirar la peseta y tirar el duro. Nadie da duros a cuatro pesetas* [hay que desconfiar de todo tipo de ofertas, ganas y supuestos negocios lucrativos fáciles] (≈ рус. бесплатный сыр в мышеловке; доверяй, но проверяй) — ej. *Estás de broma, ¿verdad? Porque no me puedo creer que ese pedazo de ordenador, con impresora y escáner, todo nuevo, te haya costado esa miseria. Nadie da duros a cuatro pesetas*. А также пословица — **Céntimo a céntimo se hace una peseta** (≈ рус. копейка рубль бережет).

К тому же в разговорном языке закрепились особые названия для определенных денежных единиц: **perra**

¹ В некоторых странах выпускаются так называемые «пластиковые деньги», т. е. денежные знаки, изготовленные из полимерных материалов. Здесь же речь идет о денежных средствах, содержащихся на банковских картах.

² Впервые выражение было использовано в знаменитом стихотворении Франсиско де Кеведо «Дон Динеро»

[moneda de una peseta], отсюда **perra chica** [moneda que valía cinco céntimos de peseta], **perra gorda** o **grande** [moneda que valía diez céntimos de peseta], **duro** [moneda de 5 pesetas], также монету достоинством в 5 песет называли **pavo** (col. *¿Me prestas cinco pavos?*); купюра в 1 000 песет именовалась **lechuga** [mil pesetas], а сумма в миллион песет — **un kilo** (col. *El coche me costó dos kilos y medio*). Многие из этих разговорных обозначений нашли свое отражение в идиоматических выражениях. Так, например, **No tener ni gorda/Quedarse o Estar sin gorda/ No tener una perra** o **Estar sin una perra/ No tener un duro** [no tener nada de dinero] (рус. ни гроша в кармане, остаться без гроша) — ej. *Paga tú el cine, porque me he dejado el monedero en casa y no tengo ni gorda. Para ti la perra gorda* [desistir en la discusión, de la cual se renuncia a continuar como dando la razón al otro pero sin querer dársela en realidad] (*≈* рус. пусть будет по-твоему) — ej. *Que vale; que sí; que tienes razón, que París tiene playa. Para ti la perra gorda. No vale una perra gorda* [no tiene mucho valor] (*≈* рус. гроша ломанного не стоит). **Costar cuatro cuartos/perras/duros** [costar poco dinero] (*≈* рус. копейки стоит; за гроши) — ej. *Cómprate estos cacharros para el microondas; cuestan cuatro cuartos y son de lo más útil*.

Концепт DINERO, связываемый со словом **dinero** и создаваемый языковым описанием — очень важный аспект, поскольку основой в современном мире являются товарно-денежные отношения, стимулирующие прогресс. Они определяли и будут дальше определять все сферы человеческой жизни. Поэтому концепт включает в себя все те многочисленные действия, которые производят с деньгами: **ganar, gastar, pagar, prestar, perder, robar, pedir, ahorrar, sacar, recibir, derrochar, llevar, cambiar, invertir, aportar, ingresar, invertir, disponer, retirar, contar, cobrar, enviar, dejar, otorgar, conseguir, transferir, devolver, exigir, percibir, poseer, conceder, dar, necesitar, urgir,**

regatear, palmar, blanquear/lavar (col. отмыть), **tirar/sembrar** (col. сорить), etc.

Однако важно учесть тот факт, что современное видение денежной системы отличается от предыдущих исторических этапов развития человечества в силу того, что появились новые средства платежа и формы оплаты/хранения денежных средств, а вслед за ними и действия, которые можно осуществлять с этими средствами. Например, вместо денежных купюр или монет оплату можно произвести чеком (исп. **un cheque**), кредитной картой (исп. **una tarjeta de crédito**), денежным переводом (исп. **un giro**), переводом по счету (исп. **una transferencia**); хранить денежные средства на сберегательной книжке (исп. **una cartilla de ahorros**), на счете в банке (исп. **una cuenta**), на банковской карте (исп. **una tarjeta**). Таким образом, со счетом в банке можно сделать: **abrir** la cuenta, **cerrar/liquidar** la cuenta, **comprobar** la cuenta, **cargar** la cuenta, **congelar** en la cuenta, **retirar** de la cuenta, **transferir** a la cuenta; а с чеком совершить следующие операции: **cobrar** un cheque, **hacer** un cheque a alguien, **emitir/librar** el cheque, **pagar** con el cheque, **transmitir** el cheque, **redactar y firmar** un cheque.

Подводя итог, могут быть сделаны следующие **выводы**: изучение концепта «деньги» посредством его вербализации в испанском языке выявило значимость данной понятийной области в испанской языковой картине мира, что подтверждается большим количеством языковых средств, используемых для номинации и описания концепта DINERO. Однако столь обширная вариативность репрезентантов данного концепта свидетельствует о том, что языковые средства передают только часть того глобального понятия, существующего в сознании.

Безусловно, в статье изложены не все аспекты по данному вопросу, что позволяет наметить перспективы дальнейшего рассмотрения проблемы вербализации знаний в языке, в частности концепта «деньги» не только в испанской, но и в других языковых системах.

Литература:

1. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику. Учебное пособие. — 5-е изд. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. — 296 с.
2. Попова, З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. Воронеж: Истоки, 2007. — 61 с.
3. Попова, З. Д., Стернин И. А. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж: Истоки, 2002. — 151 с.
4. Alberto Vuitrago Diccionario de dichos y frases hechas. Espasa Libros, S. L. U., 2012. — 989 p.
5. Словарь Королевской Академии испанского языка [Электронный ресурс] — Real Academia Española, 2016. — Режим доступа: <http://dle.rae.es>, свободный
6. Diccionario Clave SM Online [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://clave.smdiccionarios.com>, свободный
7. Diccionario.RU — Испанский язык [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.diccionario.ru>, свободный.

Дьявольское искушение в русской литературе XIX века

Рассказова Мария Александровна, студент
Московский педагогический государственный университет

Devil's temptation in Russian literature of the XIX century

Rasskazova Mariya Aleksandrovna, student

Проводится анализ и сопоставление «Рассказа отца Алексея» И. С. Тургенева и главы из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Эти сюжеты интересны и могут рассматриваться как с религиозной точки зрения, так и с философской. В работе привлекаются работы учёных, литераторов, философов, которые описывали феномен потери рассудка людьми на религиозной, мировоззренческой почве; выявляются причины сумасшествия героев путём обращения и к рациональным толкованиям, и к народным преданиям и легендам. Цель написания данной работы заключается в выявлении авторского замысла при описании помешательства героя, выявлении отношения писателя к религиозному отступничеству и того, как он воспринимает результат данного внутреннего конфликта.

Ключевые слова: чёрт, дьявол, галлюцинация, помешательство, искушение, иррациональное, сумасшествие

Начать анализ двух сюжетов хотелось бы с обращения к народным преданиям, поскольку видения героев рассматриваемых произведений принимают человеческий облик, являются в виде чёрта, дьявола.

В народном сознании глубоко укоренилось верование, что сонмы злых духов неисчислимы. Очень мало на божьем свете таких заповедных святых мест, в которые они не дерзали бы проникать; даже православные храмы не освобождены от их дерзких нашествий. Эти бесплотные существа, олицетворяющие собой самое зло, — исконные враги человеческого рода; они не только наполняют безвоздушное пространство, окружающее вселенную, не только проникают в жилища, делая многие из них необитаемыми, но даже вселяются в людей, преследуя их беспрестанными искушениями [5].

Все прямые отношения нечистой силы к человеческому роду сводятся к тому, что черти либо проказят, прибегая к различным шуткам, которые у них, сообразно их природе, бывают всегда злы, либо наносят прямое зло в различных его формах и, между прочим, в виде болезней. Словом — черти устраивают против людей всякие козни и исполняют главное свое назначение, состоящее в многообразных искушениях. Для облегчения своей деятельности, во всех ее направлениях, дьявольская сила одарена способностью превращений, т.е. черти могут совершенно произвольно сменять свою подозрительную и страшную бесовскую шкуру, принимая личину, сходную с людскою, и вообще принимая формы, более знакомые и привычные для человеческого глаза [5].

Смущать человеческий род соблазном и завлекать лукавством — прямая цель дьявольского пребывания на земле. Искуситель всегда налицо: зазвенело в левом ухе — это он летел сдавать сатане грехи того человека, сделанные за день, и вот теперь прилетел назад, чтобы снова стать на страже и выжидать случая и повода к со-

блазнам. Искуситель, по народному представлению, неизбежно находится у человека с левого бока и шепчет ему в левое ухо о таких злых деяниях, какие самому человеку и в ум не пришли бы без коварных наветов черта. «Черт попутал», — уверенно и обычно говорят все, испытавшие неудачу в начинаниях, а еще чаще те, которые неожиданно впали в прегрешение. Могут попутать свои грехи, могут попутать недобрые люди, но, по народным понятиям, и в том, и другом случае действуют колдуны, ведьмы и злые духи кромешного ада. «Черту баран» в равной мере и тот, кто прибегает к насильственной смерти, и тот, кто совершает поджог, убийство по злой воле (по внушению дьявола), и те, которые попадают в несчастье от неравновесия душевных сил переходного возраста. Все душевнобольные и ненормальные суть люди порченые, волею которых управляет нечистая сила, кем-либо напущенная и зачастую наталкивающая на злодеяние — себе на потеху [5].

В сознании простых людей еще окончательно не решено, в чем заключается причина болезней, постигающих человеческий род: в божеском ли попусшении, или в дьявольском наваждении. По сличению сведений, полученных более чем из 50 местностей относительно происхождения различных недугов — оказывается, что значительный перевес на стороне последнего мнения.

Все душевные болезни, и даже проказу, всегда и бесспорно насылают черт. На него и показывают сами больные, выкликая имя того человека, который принес, по указанию и наущению дьявола, порчу и корчу и нашептал всякие тяжелые страдания» [5].

В злого духа верят все религиозные люди, не исключая и христиан, потому что каждый человек по себе самому знает, что на свете существует не только добро, но и зло. Добро — это значит счастье, удовольствие, а зло — это значит несчастье и страдание. Насчет этого согласны все

религии, вплоть до самых диких, самых старинных. Зло — это и есть для них «злой дух». Вера в него очень старинная. В своих видениях люди разных религий видят иной раз и злого духа. Разумеется, он существует на самом деле только в голове, в виде составного изображения. Но такое изображение может показаться действительно существующим не только в голове. Это зависит от нездоровья и вообще от состояния головного мозга, от настроения человека и от внешних обстоятельств. Подобно тому как люди видят мертвецов, так они могут увидеть и дьявола. Таким же самым способом люди видят и своих богов, и святых, и многое другое [6].

Галлюцинации — это чувственные образы, возникающие самопроизвольно, когда на органы чувств не падает соответствующих им раздражений, т. е. мы видим или слышим то, чего в действительности перед нами нет. Эти образы иногда соответствуют реальным, когда-либо виденным предметам, а иногда носят фантастический характер: человек видит смерть с косой, страшных зверей и т. п. Галлюцинации можно и внушить. К таким внушенным галлюцинациям относится большинство массовых галлюцинаций, когда одни и те же образы воспринимала толпа людей: видения различных «чудес», изгнание беса, видения «святых» и т. п. [6].

Психогенная природа этого явления раскрыта И. П. Павловым. Галлюцинации — это те же представления, но доведенные до интенсивности реальных восприятий [6].

Обратимся к рассказу И. С. Тургенева «Рассказ отца Алексея», который относится к позднему творчеству писателя и входит в число так называемых «таинственных повестей».

Вопрос о фантастичности их содержания оказывается тесно связанным с проблемой мировоззрения писателя, для которого была характерна чуткость к сфере чудесного, что и побуждало его к рациональному осмыслению проявления этой сферы. Тургенев чаще всего исходит из того, что в жизни существуют некоторые загадочные, трудно объяснимые, но несомненно имеющие место явления, что с людьми происходит подчас до того неправдоподобное — не всякий поверит. А он, Тургенев, верит и именно это берётся изобразить и по возможности объяснить как художник. Он, Тургенев, пишет только о том, что есть, что бывает [3]. Поэтому следует говорить не о «фантастическом», а именно о «таинственном», так как оно иррационально, но реально.

Фольклор без сомнения был тем каналом, через который миф, возможно, бессознательно усваивался писателем. Известно, что активный интерес к народной культуре Тургенев неустанно проявлял в течение всей своей жизни. Непосредственные наблюдения над бытованием фольклора писатель постоянно пополнял путём изучения различного рода этнографической и фольклористической литературы. Миф усваивался Тургеневым и через культуру романтизма, а именно: с одной стороны, через посредника в лице романтической литературы, которая в свою очередь художественно осваивала фольклор и ми-

фологию; с другой, — через идеи немецких философов, в частности Шеллинга, в чьих трудах романтическая философия мифа получила своё завершение. Непосредственное знакомство с мифологией началось для Тургенева ещё в раннем детстве, о чем свидетельствуют книги из классной библиотеки [1].

Мифопоэтика «таинственных повестей» обусловлена их проблематикой. Она, с одной стороны, связана с задачей художественного освоения глубин человеческой психики. Не случайно главный герой этих произведений, как правило, человек, для которого определяющими становится психическая неустойчивость, явный аутизм, особая чуткость к таинственному и иррациональному, сновидчество [1].

«Рассказ отца Алексея» был написан Тургеневым в январе 1877 г. В одном из писем Тургенева к Н. А. Щепкину, которое относится, по всей вероятности, к августу 1878 года, упоминался и небогатый священник в приходе тургеневского имения Алексей. «Поп Алексей, — писал Тургенев, — просит 15 осиноков». Отец Алексей, сочувственно относившийся к больной Лукерье и принесший ей календарь «для рассеянности», фигурировал и в «Живых мощах» (1874), действие в которых происходит в Алексеевке — одном из «хуторков», принадлежавших в 1840-х годах матери Тургенева. В черновом автографе «Нови» (1876) встречается следующая запись: «Nota bene: слова попа Алексея «пред человечеством», т. е. в присутствии людей». Всё это свидетельствует о том, что Тургенев обобщил в рассказе свои личные воспоминания [8].

В одном из писем к Стасюлевичу, обещая выслать рассказ для «Вестника Европы» вместе с «Иродиадой», Тургенев указал его жизненный источник, определил его тему и художественные контуры. «Боюсь я, однако, — писал Тургенев, — как бы цензура не нашла затруднений... эта штука озаглавлена «Рассказ священника», и в ней совершенно набожным языком передается (действительно сообщенный мне) рассказ одного сельского попа о том, как сын его подвергся наущению дьявола (галлюцинации) — и погиб. Колорит, кажется, сохранен верно — но там есть святотатство...» [8].

Если рассматривать болезнь Якова с психиатрической точки зрения, то её вполне можно объяснить. Человек, воспитанный в религиозной среде, испытывает сомнения в выбранном пути и решает посвятить себя науке, то есть выбирает противоположную дорогу [7, с. 456].

Исследователь с самого начала приступает к своей задаче, исходя из того основного принципа, сделавшегося обязательным для всей области науки, что в мире нет тайн, а есть проблемы, которые раскрываются научными методами, а не какими-то там заклинаниями. Этот принцип становится основой нового научного миропонимания, для которого всё в мире совершается закономерно, без мнимого участия или вмешательства каких-то сверхъестественных сил, считаются ли они добрыми или злыми. Таким образом, рушится вера в сверхъестественное вообще [7, с. 457].

Но Яков, вступив в мир науки, где всё объясняется логикой и доказательствами, ещё не потерял веру в Бога, ему не удаётся изменить своё уже укоренившееся религиозное мировоззрение, что и провоцирует внутренний конфликт, который выливается в психическое расстройство. И.И. Скворцов-Степанов в своей книге «Избранные атеистические произведения» даёт следующий комментарий о подобных болезнях:

Церковно-верующие тоже прибегают к физиологическим воздействиям на нервно-мозговую систему: пост, вообще «изнурение плоти», бичевания, бдения, т.е. продолжительный отказ от сна, уединения, затворничество, «воскурения» (ладан) и т.д. Ко всему этому присоединяются заклинания, именуемые молитвами. Без них физические воздействия, по убеждению верующих, не дадут желанного результата. И для благочестивых христиан, и для отверженных ведьм получится один и тот же результат: галлюцинации, бредовые видения [7, с. 452].

Автор специальной статьи о «Рассказе отца Алексея» Е. В. Тухова, отталкиваясь от параллели между рассказом Тургенева и «Дневником писателя» Достоевского, приведенной в комментариях к предшествующему изданию, и развивая ее далее, приходит к выводу, что «гуманистические стремления и религиозные сомнения тургеневского героя, его трагическая судьба характерны для шестидесятников и даже слишком очевидно отправляют нас к мученикам сознания больших романов Достоевского», в частности, сопоставляет Якова и Ивана Карамазова. Отмечая различие между Достоевским и Тургеневым как художниками и мыслителями, исследовательница видит их общие достижения в проникновении в сферу подсознания [8].

Для русского литератора мораль, безусловно, имеет теократический генезис, поведение личности во многом обусловлено диктатом божественных заповедей, которые, бесспорно, имеют всеобщий и объективный характер. Нарушение этих норм и заповедей, табу ведет к катастрофическим для душевного состояния личности последствиям (расколу человеческого Я). Иван Карамазов не Бога не принимает, а мира, им устроенного, он возвращает свой билет высшему Абсолюту. Персонаж задается вопросом: а есть ли сам Бог, если мир переполнен страданиями невинных младенцев? Если его нет, то нет и богоустановленных, объективных норм морали, стало быть, «все дозволено», ибо личность теперь сама становится божеством. Он совершает смертный грех отцеубийства, опосредованно участвуя в этом апокалиптическом для него деянии, в его сознании приходит тяжелейший эмоционально-психологический раскол на две этические установки, одна из которых осуждает данный поступок (светлая сторона души), другая — настаивает на том, что «все дозволено», «одна гадина раздавит другую» (дискурс черта). Что же предшествовало болезни?

Во-первых, необходимо отметить, что Иван рос в специфических условиях: без родительской ласки, отец практически не принимал участия в его воспитании, предпочитая

вращиванию сыновей всевозможные виды гедонизма. Мать очень рано умерла. Теплота межличностных отношений в рамках семьи, гармонизация семейной жизни является базовым залогом психического здоровья человека. Иван Карамазов, напротив, вырос без родительского тепла и ласки.

Во-вторых, важной особенностью внутренней структуры личности Ивана является его пассивность, он словно отчужденный от всех наблюдатель, отстраненный мыслитель, лишь фиксирующий грехопадение богоустроенного мира. Именно пассивность является одним из признаков развивающегося шизофренического недуга героя.

В-третьих, шизофренический аутизм (изоляция, отчуждение) Ивана можно объяснить несколькими факторами. Прежде всего, особенностями его воспитания, когда он не видел примера эмоционально значимого отношения к собственной личности. Данная психотравмирующая душу ситуация вызвала отчуждение от людей, желание отгородиться от них непроходимой стеной презрения и холодности. Более того, Иван не может понять, как можно вообще любить своего ближнего, то есть пытаться разрушить эту непроходимую стену отчуждения.

В-четвертых, объективная реальность психотравматична, экзистенциальна, личность попадает в мир, который устроен не для нее, происходит разрыв между внутренним миром, интересами человека, его жизненными планами и действительностью, стратегией и ее реализацией. Более того, человек не в силах изменить подобную давящую на него объективную реальность, она неисправима, тотальна. Социальные процессы, происходящие в ней, имеют независимую от личности объективную природу. Иван не может принять этого абсурдного и переполненного страданиями невинных младенцев мира, ибо он глупо устроен и крайне жесток даже к детям. Само отношение к нему он не желает менять, происходит онтологический бунт против всех его первооснов.

В-пятых, трагедия Ивана в том, что он рефлектирующий человек, интеллектуал, ясно отражающий в своем сознании всю антиномичность и жестокость окружающего его мира, более того, эту мировую скорбь он ясно ощущает по нескольким причинам. Прежде всего, он слишком умен, является незаурядным философом и литератором, который написал блестящую поэму «Великий Инквизитор», мы должны помнить, что «во всякой премудрости много печали». Помимо этого, в душе Ивана всё-таки отчётливо ощущается присутствие совести, некой искры божьей, которую ещё не смогли погасить демоны вседозволенности («второе Я» персонажа). Страшная болезнь героя — признак свершившегося суда над ним, но само сумасшествие было бы невозможным, если бы в его душе не было отчетливого понимания всей тяжести морального преступления отцеубийства. Болезнь — это признак наличия остатков совести в психологическом мире Ивана. Он самым отчётливым образом осознаёт отчуждение светлой стороны его «Я» от тёмной стороны. Он прекрасно понимает, что нарушил моральную запо-

ведь. Раскол сознания выражается во внутреннем суде совести над самой личностью. Карамазов был беспощадным судьёй для самого себя, одновременно являлся адвокатом для собственной деструктивной индивидуальности (защищал демона в себе).

Но вся специфика метафизического судебного процесса заключается в том, что приговор выносит сам человек, личность является палачом для себя же самой. В данном контексте предельно любопытным представляется самоприговор Ивана, «суд совести» сподвиг его на наказание, потерю психического здоровья в эпилоге романа. Надвигающиеся признаки данной катастрофы можно наблюдать уже на одном только примере с отъездом Ивана, вопреки предупреждению со стороны Смердякова. Его пассивность в принятии решения, его безучастность к жизни близкого человека, спокойствие, не оставляющее его, несмотря на все противоречия, углубленность в свои переживания и идеи — дают возможность предположить склонность Карамазова к подобному душевному недугу еще до самой катастрофы. А само событие (убийство) лишь послужило толчком к началу потери рассудка, а признание Смердякова стало ключевым шагом к развитию болезни в необратимую форму, когда на суде Иван гоняется за чертом, постоянно убегающим от него [4].

Если бы Иван не имел совести, то и не сошел бы с ума, единственным спасением от сумасшествия для «грешника» является отсутствие совести, полный аморализм и изъятие нравственной рефлексии. Но Иван не такой.

Таким образом, Достоевский поднял перед мыслящей публикой серьезнейший вопрос последствий моральных преступлений для психики личности. Человек не ангел, сам литератор, безусловно, не был святым, но он предупреждает читателя о том, что жизнь во лжи, аморализме, мамонизме, предательстве — это ступени, низвергающие человека в бездну безумия, а не на вершину процветания, карьеры, успеха, как думают многие.

Печальный итог, к которому привела вседозволенность Ивана, должен запомниться каждому из нас, делающему ежедневный сугубо аутентичный выбор между добром и злом... [4].

Итак, мы рассмотрели причины сумасшествия героев. Как видно, они во много схожи. И Иван, и Яков переживают внутренний конфликт веры и неверия, обоих посещают галлюцинации в виде чёрта. Но есть и различия в болезни героев: в первую очередь, истоки помешательства. Яков, рассудком отрицающий веру, сомневающийся в ней, душой неотделим от Бога. Иван же, изначально признающий себя неверующим человеком, пытается избежать мук совести из-за убийства отца, в ко-

тором он косвенно принял участие. Он хоть и отрицает мир, созданный Богом, уже не осознаёт себя вне рамок религии, на почве которой был воспитан. Альтер-эго Карамазова, чёрт, во время беседы не раз подмечает, что тот всё же «капельку верит» в него, а значит, верит и в существование всевышнего. Чёрт изображён в данной главе в близком к классическому представлении его в народе: в несколько шутовском наряде («поношенный коричневый пиджак», «клетчатые панталоны», «пуховая шляпа» не по погоде) [7, с. 719–720]; ведёт себя по-лакейски, как приживальщик, даже «проказничает», как настоящий фольклорный чёрт (мокрое полотенце, которое Иван прикладывал к голове, оказалось впоследствии сухим и аккуратно сложенным). Дьявол Якова совсем иной, он ничего не говорит герою вплоть до причащения в церкви, он весь чёрный и производит неподдельный ужас, а не вызывает злость и отвращение своими кошунственными речами, как видение Ивана. Здесь чёрт даже жесток, он играет рассудком Якова, позволяя поверить в своё исчезновение и возвращаясь в самый ответственный для героя момент. Этот удар молодой человек уже не может пережить, ничего страшнее явления чёрта в святом месте не может быть.

Различно также и восприятие галлюцинации героями. Яков сначала замыкается в себе, становится угрюм, задумчив, даже агрессивен, затем делится своим горем с отцом, принимает его помощь, он искренне хочет избавиться от видения, хватается за любую малейшую надежду на выздоровление. Иван же как будто не желает бороться с нависшим роком, возможно воспринимая это как возмездие за убийство отца, он наказывает себя. Герой в разговоре с Алексеем передаёт брату слова чёрта, он уже сам начинает в него верить. Такое раздвоение сознания приводит героя романа Достоевского в белой горячке, а история Якова заканчивается ещё более трагично — герой умирает.

Мы провели сравнительный анализ судеб двух героев, переживших психическое расстройство в связи с раздвоением сознания. Внутренний конфликт между верой и неверием привёл их к трагическим последствиям. Видения, которые сопровождали Якова и Ивана, имеют и сходства и расхождения. Есть различия и в авторском замысле, благодаря которому возникли данные сюжеты. Для Достоевского помешательство Ивана является очередным доказательством того, какой шаткий и неверный путь выбирают люди, отрицающие Бога. События, описанные Тургеневым в его рассказе, понимаются автором как проявление «таинственных», еще не познанных стихийных сил природы, их воздействия на судьбу человека, его сознание.

Литература:

1. Авдеева, В. М. «Таинственные повести» И. С. Тургенева в истории отечественного литературоведения. [Электронный ресурс]: Научная Библиотека им. А. Н. Игнатова. URL: http://www.f-mx.ru/literatura/tainstvennye_povesti_iasa_turgeneva_v.html (дата обращения: 18.08.16).

2. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы: роман/Фёдор Достоевский. — СПб.: Азбука-Аттикус, 2013. 896 с.
3. Лазарева, К. В. Мифопоэтика «таинственных повестей» И. С. Тургенева: Дис. канд. филол. наук: 10.01.01 Ульяновск, 2005. — 231 с.
4. Лесевицкий, А. В. Психологический Портрет Ивана Карамазова: Опыт Этического Анализа. [Электронный ресурс]: Журнал «Самиздат». URL: http://samlib.ru/a/aw_lesewickij/qw-2.shtml (дата обращения: 15.08.16).
5. Максимов, С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. [Электронный ресурс]: URL http://az.lib.ru/m/maksimow_s_w/text_0120.shtml (дата обращения: 20.08.16).
6. Рубакин Николай. Среди тайн и чудес. [Электронный ресурс]: Ридли. URL: <http://readli.net/chitat-online/?b=371460&pg=1> (дата обращения: 18.08.16).
7. Скворцов-Степанов, И. И. Избранные атеистические произведения. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1959. 556 с.
8. Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Том 9. Новь. Повести и рассказы 1874–1877. Комментарии. [Электронный ресурс]: Библиотека русской и советской классики. URL: <http://ruslit-traumlibrary.net/book/turgenev-ss30-09/turgenev-ss30-09.html> (дата обращения: 17.08.16).

Жорж Дюруа: феномен «Милого друга»

Рузметов Хамиджон Каландарович, кандидат филологических наук, доцент;
Сапаева Дилфуза Нарбаевна, магистрант
Ургенский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Ги де Мопассан сегодня — один из общепризнанных классиков мировой литературы. Творчество писателя, со всеми его взлетами и падениями, с неизбежными противоречиями, и сегодня поражает своим богатством.

Ги де Мопассан занимает особое место в истории французской литературы. Его творчество завершает собой развитие французского реализма XIX в., и, вместе с тем, в нем отчетливо обнаруживаются черты, которые станут характерными для литературы века XX.

В 1885 году появился роман Мопассана «Милый друг», содержащий широкую панораму социально-политической жизни Франции времен III Республики. В центре произведения — история молодого человека, стремящегося покорить Париж. Эта тема, традиционная для французской реалистической литературы, под пером Мопассана приобретает современное звучание.

Главный герой романа Жорж Дюруа, сын деревенского трактирщика, бывший унтер-офицер колониальных войск в Алжире, «развратившийся в покоренной стране», после демобилизации приезжает в Париж, «чтобы сделать карьеру». Однако он не обладает необходимыми для этого качествами: у него нет ни гроша в кармане, он не блещет умом и хорошими манерами, не образован, не имеет связей с влиятельными людьми. Единственное, чем он располагает, — это привлекательная внешность «соблазнитель из бульварного романа», самой примечательной деталью которой были «красивые, пушистые, пышные, золотистые с рыжеватым отливом... закрученные усы».

Счастливая случайность — встреча с бывшим однополчанином Шарлем Форестье, теперь заведующим отделом политики газеты «Французская жизнь», откры-

вает Дюруа дорогу в журналистику. Начав со скромной должности сборщика информации, этот «хитрец, пройдоха, ловкач», как характеризуют его многие персонажи, быстро делает головокружительную карьеру: становится главным редактором газеты, получает орден Почетного легиона, сколачивает состояние, женится на дочери издателя и банкира [2, с. 256].

Такой персонаж не может не привлекать внимание, не стать объектом многочисленных споров и рассуждений. И в этом нет ничего удивительного — Мопассан, в сущности, стал первым классиком, создавшим практически исключительно отрицательного героя своего времени, завершив роман высоким социальным взлетом Дюруа.

В романе Милым другом Дюруа назвала девочка — маленький ребенок, который еще не умеет, не научился отличать истинные чувства от неискренности и лести.

Удивительное дело, но, в сущности, практически все основные персонажи романа, за редкими исключениями, хотя и не были детьми, также поверили Дюруа, хотя с самого начала романа становится ясно, что этот человек неискренен, он есть сила разрушающая, а не созидующая.

Дюруа не мучает совесть. Он только равняется на других. Почему бы и ему не быть богатым, если другие, не разбираясь в средствах, обогащаются; почему бы и ему не изменять и не обманывать, как изменяют и обманывают другие, предавать, как предают окружающие его люди?

Прогуливаясь в Булонском лесу, Дюруа вглядывается в лица представителей светского общества — мужчин и женщин, развлекающихся верховой ездой, показывающих себя и свои наряды. Дюруа знает почти каждого из

проезжающих, всю подноготную их жизни, прикрытую высокомерием и неприступностью. Среди них он узнавал людей, живших на средства жен или любовниц; денежных тузов, чье сказочное состояние начиналось с кражи, или богачей, составивших себе состояние за счет присвоения государственных средств. Дюруа наблюдает за этими людьми, и одновременно ищет в них все самое низкое, пошлое. Он словно упивается негативной информацией, своим знанием о подноготной жизни этих людей: «Экий сброд! — повторял он. — Шайка жуликов, шайка мошенников!». Более того, в их жизни он находит оправдание и своим неблагоприятным планам и поступкам.

Мопассан подарил Дюруа бесчисленное количество связей с женщинами: от проституток до светских дам. Хотя, в сущности, для самого Дюруа статус женщины маловажен, он не ставит между ними особой разницы. Его мотивы связей с женщинами, кроме плотских утех, почти всегда еще и корыстны. Причем, эти «подарки» от женщин Милый друг, в общем-то, принимает без особых угрызений совести, опять же объясняя это аналогичными поступками своих современников. Сначала Дюруа, в ответ на подброшенные ему монеты госпожой де Марель, обещает: «Я верну ей все сразу... Разумеется, я беру их у нее взаймы». Впоследствии, после ссоры с любовницей, Дюруа моментально забывает о своих обещаниях. Но здесь речь идет о золотых монетах, то есть суммах в двадцать франков. Так сказать, «джентльменский долг». Гораздо важнее, что в дальнейшем Дюруа без зазрений отбирает у Мадлены половину наследства, составляющую полмиллиона франков, хитро объясняя это желанием соблюсти моральные правила поведения в обществе. Мопассан еще раз подчеркнул феномен Дюруа, вложив в уста глубоко аморального человека слабые подбоя нормы морали [1, с. 343].

Жизненный успех Дюруа неотделим от его любовных побед. Но как отличаются эти победы от тех, которые одерживали герои Бальзака и Стендаля! Если для Стендалевского Жюльена Сореля победы над женщинами были победами плебея над представительницами богатых и знатных сословий, победами ума и скрытых возможностей человека из народа над людьми из знатного общества, то для Дюруа его любовные связи имеют лишь одну цель: продать себя подороже.

Так, Дюруа изменяет госпоже де Марель ради сулящей выгоду женитьбы на Мадлене Форестье, он изменяет Мадлене, добиваясь более высокого покровительства у госпожи Вальтер, а потом бросает ее и жену, чтобы окончательно закрепить успех в браке с Сюзанной Вальтер.

Продажа самим себя Дюруа — не что иное как своеобразная проституция. Примечательно, что эту тему Мопассан отдельно рассмотрел в другом своем произведении, который так и называется — «Мужчина-проститутка». Дюруа продажен во всех отношениях: как и многие другие он погряз элементарные нормы естественных связей — честь, дружбу, любовь, верность. Для него нет ничего

святого, ничего незыблемого, что составляет фундамент человеческих отношений. Это и есть главный конфликт героя романа — отсутствие какой-либо точки опоры в собственной жизни. Никаких принципов, никаких идеалов — одна лишь пропитанная эгоизмом страсть к наживе — финансовому обогащению, политической карьере, обладанию женщинами.

Жорж Дюруа — социальный тип. Это подлинный «типический характер в типических обстоятельствах». Это тип преуспевающего карьериста, выросшего в благоприятной среде продажной журналистики. Выродившийся потомок бальзаковских карьеристов, Дюруа отличается от Растиньяка и Люсьена де Рюампре полной невежественностью, вульгарностью, неутомимейшей циничной жадностью и истинным талантом к беззастенчивой эксплуатации других людей. Он отличается от бальзаковских карьеристов и полным отсутствием каких-либо колебаний, угрызений совести; он совершенно аморален. Тем легче ему идти от триумфа к триумфу, чтобы на последней странице романа достигнуть подлинного апофеоза — венчания в церкви Мадлен, благословения и торжественной речи епископа. «Милый друг, стоя на коленях подле Сюзанны, склонил голову. В эту минуту он чувствовал себя почти верующим, почти набожным человеком, он был полон признательности к божественной силе, которая покровительствовала ему и осыпала его богатыми милостями. Не сознавая отчетливо, к кому он обращается, он мысленно славил ее за свое благоденствие».

Психологизм «Милого друга» тесно связан с раскрытием художественного образа главного героя. Мопассан периодически показывает читателю душевные терзания Жоржа Дюруа: его радость (когда он впервые облачается во фрак и начинает путь к новой жизни, радостно прыгая по лестнице и изучая своё отражение в зеркале), его страх (в ночь перед дуэлью героя бьёт лихорадка, он пытается спать, пить, писать письма родителям), его ревность (к умершему другу Форестье), его понимание истинной природы вещей (когда он осознаёт, что его жена Мадлена будет точно так же делать из него рога носца, как это было и в случае с первым мужем), его зависть (по отношению к чужому богатству и положению). Образ Жоржа Дюруа — это образ беспринципного негодяя, идущего по головам к своей цели, но... Многие поступки героя обусловлены самой жизнью: он пытается заработать, чтобы прокормить себя; он предаёт Мадлену после того, как она изменяет ему с Ларош-Матье; он входит в семью Вальтера с целью добиться, наконец-то, уважения к себе, как к личности.

Роман «Милый друг» в высшей степени реалистичен. Мопассан с величайшей тщательностью описывает внешность своих героев, окружающие их пейзажи, с мастерской точностью выписывает диалоги. Последние максимально приближены к жизни. Герои романа говорят друг с другом на простом языке, лишённом излишней литературной патетики.

Литература:

1. Анненкова, Н. А., Тишакова Д. И. Функционирование периодического издания в романе Ги де Мопассана «Милый друг» / Развитие мирового социокультурного пространства. Сборник статей по материалам межвуз. науч. конф. преподавателей. — Оренбург: Оренбургский институт экономики и культуры, 2010.
2. Данилин, Ю. Н. Жизнь и творчество Мопассана. — М., 1968.

Problems in translation with their own solutions

Sabirova Komila Maqsudovna, teacher;
Boltayev Utkirbek Xamrobek o'g'li, student;
Yuldashova Gulhayo Otaboyevna, student
Urgench state university (Uzbekistan)

Сабирова Комила Максудовна, преподаватель;
Болтаев Уткирбек Хамробек оглы, студент;
Юлдашева Гулхайо Отабоевна, студент

Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

The last decade saw considerable headway in the development of the linguistic theory of translation. A number of fundamental contributions to this theory have been recently made both in our country and abroad.

Theoretical studies in translation have kept abreast with the recent advances in linguistics, which provided some new insights into the mechanism of translation and the factors determining it, however most translators and linguistics still argue concerning various problems in translation, in particular, to find adequate equivalents in target language, to translate phrases and idioms preserving intercultural competence. The aim of translation is not only to convey the idea, but also to let the readers feel in from their own cultural point of view. In other words, sometimes, translator has to create a new concept not avoiding main idea. In this article, taking into consideration abovementioned factors we would like to analyze most widespread problems that translators face up and find possible solutions by giving the useful instructions to avoid the mistakes.

In order to attain equivalence, despite the differences in formal and semantic system of two languages, the translator is obliged to do various linguistic transformations [1, p. 312]. Their aims are to ensure that the text imparts all the knowledge inferred in the original text, without violating the rules of the language it is translated into. Lexical transformations change the semantic core of a translated word. They can be classified into the following groups:

1. Lexical substitution or putting one word in place of another. It often results from the different semantic structures of the source language and target language words. Thus polysemantic word *young* is not always translated as *молодой*; rather, it depends on its word combinability: *молодой картофель* is equal to *new potatoes*. This translation equivalent is predetermined by the word combination it is used in. Deliberate lexical substitution as a translation technique of words can be of several subtypes:

- a. Specification or lexical transformation of words with a wider meaning with words of a narrower meaning: *Will you do the room?* — *Ты уберешься в комнате? I'll get the papers on the way home.* — *Я куплю газеты по дороге домой.* The underlined English words have larger scopes of meaning than their Russian counterparts and their particular semantics is recognized from the context;

- b. Generalization or lexical transformation of words of a narrower meaning with those of a wider meaning: *People don't like to be stared at.* — *Людям не нравится, когда на них смотрят.* If we compare the semantic structure of the English and Russian verbs, we can see that the English verb *stare* specifies the action of seeing expressed by the Russian verb. The Russian *смотреть* can imply staring, facing, eyeing, etc. The specific meaning in the Russian sentence can be expressed by the adverb *пристально*.

- c. Differentiation is a rather rare technique of lexical transformation. It takes place when we substitute word by another one with parallel meaning, denoting a similar species: *bamboo curtain* — *железный занавес*. Both *bamboo* and *железо (iron)* are materials known for their hard nature. They are used figuratively to denote the barriers between the Western and Communist countries. There are no hyponymic relations between the notions of *bamboo* and *iron* (though the referential area of *железный занавес* is of course much wider than that of *bamboo curtain*).

- d. Modulation is a logical development of the notion expressed by the word: *But outside it was raining.* — *Но на улице шел дождь.* The primary equivalent of the word *outside* is *снаружи*. But it is impossible to say in Russian *Но снаружи шел дождь*. By means of unsophisticated logical operation the translator finds another equivalent: *на улице*. Thus he takes into consideration a tradition of the word combination and acceptability of collocation. He is aided in this

by the metonymical closeness of word meanings based on contiguity of the two notions.

1. Lexical compensation is a deliberate introduction of some additional element in the target text to make up for the loss of a similar element in the source text. The main reason for this transformation is a vocabulary lacuna in the target language. For example, one of the Galsworthy's characters was called *a leopardess*. But there is no one-word equivalent of the same stylistic coloring in Russian. Therefore, the translator compensated the word by using the word *мушкетёрша* to characterize the lady.

2. Metaphoric transformations are based on transferring the meaning due to the similarity of notions. The target language can re-metaphorize word or a phrase by using the same image *Don't dirty your hands with that money!* — *Не марай рук этими деньгами!* or a different one *Он вернет нам деньги, когда рак свистнет.* — *He will pay us our money back when hell freezes over.* The source language metaphor can be destroyed if there is no similar idiom in the target language: *Весна уже на пороге.* — *Spring is coming very soon.* Or, on the contrary, the target text is metaphorized either to compensate a stylistically marked word or phrase whose coloring was lost for some reason, or merely to express a source language lacuna: *Он решил начать жизнь по-новому.* — *He decided to turn over a new life.*

Translation the idioms correctly and in proper way has very significant importance. Well, can they be translated completely? The simplest answer to this question is “no”. This is an area where languages can be very different. Sometimes you can translate an idiom from one language to another, but most often this is not possible. For example, there is an English idiom to *let sleeping dogs lie*. The German and

Italian equivalents also speak of sleeping dogs, but not the French or Spanish.

It is important that you are very careful if you have to translate idioms. Never translate an idiom word for word. You must translate the whole expression. Sometimes you will be able to translate the English idiom into an idiom in your own language. However, there may be no idiom and you may just have to explain the meaning. One of the reasons idiomatic language is difficult to translate is because it is the area of language closest to culture. The metaphors of one culture will be different from those of another [2].

Cross-cultural competence refers to the knowledge, skills, and affect/motivation that enables individuals to adapt effectively in cross-cultural environments. Cross-cultural competence is defined here as an individual capability that contributes to intercultural effectiveness regardless of the particular intersection of cultures. Although some aspects of cognition, behavior, or affect may be particularly relevant in a specific country or region, evidence suggests that a core set of competences enables adaptation to any culture.

Cross-cultural competence is not an end in itself, but is a set of variables that contribute to intercultural effectiveness. Whereas previous models have tended to emphasize subjective outcomes, by focusing primarily on adjustment, outcomes of interest here include both subjective and objective outcomes [4, p. 7].

Overall, in the field of translation each specialist should be aware of cultural background alongside language knowledge. Otherwise, reader can be confused instead of understanding the gist. Generally, in translation, especially, in translating of idioms and phrases, abovementioned factors should be taken into consideration.

References:

1. Catford I. C. A. Linguistic Theory of Translation. — New York: Harper and Row, 1975.
2. John Wright. Idioms organizer. Thomson Heinle. 2002.
3. Бреус Е. В. Основы теории и практики перевода с русского на английский: Учебное пособие. — М.: УРАО, — 2000.
4. Зайцева В. А. (collector of the manual). Перевод и межкультурная коммуникация. 2014.
5. John Galsworthy — The Forsyte Saga. — London: Headline Book Publishing, 2000.

Концепт «любовь» в лирике Пушкина

Сергеева Алёна Олеговна, студент
Башкирский государственный университет

Концепт ЛЮБОВЬ занимает ведущее место в концептосфере А. С. Пушкина наряду с концептами СВОБОДА, ДРУЖБА, ГАРМОНИЯ и др.

Для Александра Сергеевича Пушкина любовная тема является одной из основных в лирике. Чувство любви понимается в стихах А. С. Пушкина, с одной стороны, как

переживание определенного набора чувств в обобщенном понятии, а с другой — как осознание и последующая демонстрация внутреннего мира влюбленного лирического героя, образ которого автобиографичен. Задача данной статьи — наметить некоторые вехи когнитивно-дискурсивного анализа творчества Пушкина.

В «Словаре языка А. С. Пушкина» слово «любовь» определяется как «интимное чувство, устремленность на другую личность, человеческую общность или идею». В древней мифологии и поэзии — космическая сила. В платонизме любовь — эрос — сила духовного восхождения; в обыденном словоупотреблении платоническая любовь — любовь, свободная от чувственного влечения.

Традиционно считается, что сущность поэта ярче всего проявляется в любовной лирике. Рассмотрим, как представлена любовь в поэтической картине мира А. С. Пушкина.

Тема любви к женщине (любовь-эрос) звучит во многих стихотворениях и представлена многогранно: любовь — чувство идеальное, возвышенное, прекрасное в наивысшей силе его проявления, любовь как мимолетное влечение, любовь человека, умудренного жизнью, любовь и чувства, сопутствующие ей (радость, печаль, грусть, ревность и т.д.).

Шедеврами пушкинской любовной лирики является немало стихотворений. Среди них «Признание» («Я вас люблю — хоть я бешусь...»).

Следующие строки из этого стихотворения характеризуют поэта как натуру возвышенную, глубоко чувствующую и любящую:

*Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно, — я зеваю;
При вас мне грустно, — я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!*

В этом стихотворении Пушкин сравнивает любовь с болезнью — то же сравнение мы находим в стихотворении «Выздоровление»:

*Тебя ль я видел, милый друг?
Или неверное то было сновиденье,
Мечтанье смутное, и пламенный недуг
Обманом волновал мое воображенье?*

Наиболее емко пушкинское суждение о любви как болезни выражено в четвертой — и заключительной — строке стихотворения «Надпись на стене больницы»: «Болезнь любви неизлечима!».

Таким образом, в данных примерах реализуется когнитивная метафора любовь-болезнь.

К ней присоединяется любовь как *цепь мученья, грустный плен, огонь мучительных желаний, отрава наших дней, труд и стыд напрасный, ужас, яд, сердечная рана* — все это репрезентирует фрейм «несчастливая любовь».

Заметим, что для А. С. Пушкина любовь знаменовала собой явление чистого и незамутненного сознания. Это чувство всегда предшествовало любви как таковой и служило своего рода знаком перед ее появлением:

*Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты...*

Только пробужденная душа способна любить, способна чувствовать и видеть красоту. А душа утомленная стирает память о прекрасных встречах:

*Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.*

Любовная лирика поэта, как отмечают многие критики и читатели, пронизана музыкальностью. Многие произведения звучат как романсы и симфонии. Сегодня часть их них положена на музыку: «Я вас любил», «Я помню чудное мгновенье», «Не пой, красавица, при мне» и многие другие.

Для поэта любовь — это «чудное мгновенье», «часы надежд и наслаждений»:

*Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...*

Любовь — это музыка, выражение, признание в любви — это реализация фрейма «счастливая любовь»:

*Клянущ речей любовный шепот,
Стихов таинственный напев,
И ласки легковых дев,
И слезы их, и поздний ропот.
Но кто любви не жертвовал собою?
Вы, чувствами свободные певцы!
Пред милыми смирялись вы душою,
Вы пели страсть — и гордою рукою
Красавицам несли свои венцы.*

В другом стихотворении — «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» — есть строки, которые можно считать эпиграфом ко всей жизни Пушкина: «... *И сердце вновь горит и любит — оттого, // Что не любить оно не может*».

Особой проникновенностью отличается стихотворение «Я вас любил...». В этой лирической миниатюре заключены общечеловеческие духовные ценности. Читая строки «Я вас любил...», мы не обнаруживаем в них ни эпитетов, ни сравнений, ни метафор. Но, говоря словами В. Г. Белинского, «в нем та же трогательная душа гуманность, та же артистическая прелесть, что и в других интимных стихотворениях поэта».

Эта простота позволяет в своеобразной манере изложения раскрыть самые различные чувства.

«Я вас любил» — выражение повторяется троекратно и, сохраняя общее значение, приобретает новые смысловые оттенки:

*Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.*

В этой части стихотворения подчеркиваются благородство, ненавязчивость лирического героя. Чувства его не остыли, но он не хочет тревожить и печалить объект своей любви.

*Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим...*

Автор указывает на силу любви, многогранность сопутствующих чувству переживаний: безнадежность, робость, ревность.

*Я вас любил так искренне, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.*

Этими словами Пушкин утверждает, что настоящая любовь — это пожелание быть счастливой и любимой даже другим.

Примечательно, что у Пушкина часто реализуется когнитивная метафора любовь-огонь: «Не угасал мой пламень страстный», «И сердце вновь горит и любит».

Тема любви в лирике Пушкина в разные периоды его творчества раскрывается по-разному. В лицейский период — это легкое, несерьезное чувство, одно из наслаждений жизни, как романтическая, опустошающая страсть (это любовь-эрос). В петербургский период любовь связана с патриотическими стремлениями поэта: это любовь к Родине (любовь-филия). И только в Михайловском Пушкин приходит к пониманию любви как высшей ценности человека. Любовь теперь связана у него с внутренней свободой, способной пробуждать в поэте вдохновение и самые лучшие человеческие чувства (любовь-агапе).

Using pedagogical technologies in polylingual analysis of language games (in materials of mass media in the Korean language)

Khamidova Nigora, Scientific supervisor, senior teacher
Tashkent State Pedagogical University, Uzbekistan

Sidorchenko Kirill, Postgraduate
National University of the Republic of Uzbekistan

This article has explain the term «language game» and his domination in mass media. Today all newspapers, journals and other things of press, TV or radio has texts with special words. This words influence effects for readers. It is language game. Modern scientific need research language game in mass media because not all readers can understand text and we show pedagogical technologies which help for understanding.

Keywords: language game, polylingual analysis, translation, mass media, news title, bilingual dictionary, bifunctional dictionary, pedagogical technologies, gaming technology, media technology in education

In the past decade has been seen the development of large-scale media and advertising industry. Particularly, development due to the new social reflections in language, accompanied by certain phrases of specificity. For example, all editions of news agencies to increase demand and strengthen the strong position in the rankings media are intentionally trying to attract the attention of readers to the screaming headlines. While viewing information, we stop at these titles, texts, which appeal to their uniqueness, that is fascinating and worthy of interest in reading. Journalists, authors of articles, advertisers, speaking as a destination, recently interpreted the text reception of language game, thereby giving information particular color and style, causing interest among readers — recipients.

The term «language game» was first used by L. Wittgenstein in the «Philosophical Investigations» in 1945. In recent studies, the term «language game» has received such an interpretation, as harping, interpreting the language rules in order to change the value, add special flavor, assessment category.

So, how can we analyze the text media in which occurs with the phenomenon of language game? The actuality of the matter embraces many needs of modern society, for example, a comparative study of several languages at the same time, without losing or distorting the semantic meaning.

For instance, the language game at the phonetic level is used in advertising texts and titles in order to highlight and beat in the punning phrase name of the product or the company.

«병신 들만 이 사는 나라 는? 네 팔»

In Russian translation: «In which country there only live disables? — In

Nepal «. The word «Nepal» (네 팔 [ne-Pal]) in Korean is the same in form and sound with the phrase of «four hands» (네 팔 [ne-Pal]) [1, p. 180–193].

However, how to learn to understand the text correctly? While learning the material containing the phenomenon of language game is always necessary to use dictionaries. For example, a dictionary with definitions can be used in methodical techniques for syntactically parsing the sentences. We will see the example of the news headlines [2, p.1]

«박찬호, 2016 년 명예 의 전당 후보 로… 입성 은 희박»

In the Russian verbatim translation: «Pak Chan-ho unlikely will receive race nominations at Baseball Hall of Fame». If we turn to the bilingual dictionary or in dictionaries with similar meanings of sentences, one can find the following equivalent in English: «Pak Chan-ho gets shot at US Baseball Hall of Fame», which translated verbatim into Russian language means, «Pak Chan-ho gets bullet (or shot) in the US Baseball Hall of Fame. « In bifunctional dictionary

for translators we find the Russian equivalent of «in flight, flying» of the English expression «gets shot». In keeping with the style and syntax, a news headline «박찬호, 2016 년 명예의 전당 후보로... 입성은 희박» in the Russian translation would be: «Pak Chan-ho» flies» with a nominee in the Baseball Hall of Fame».

Using gaming technology during the described methodical techniques reduces fatigue in the work with dictionaries. Classes can be conducted in the form of teamwork, conditional assignment might be: who quickly find entries. This will cause interest among students, increase the activity, cooperation and reduce fatigue.

In addition, dictionaries can be used in methodical techniques of comparison. In the form of a table, separately in columns it is necessary to write analyzed phrases and entries from two different dictionaries. This will help to reduce the burden on learners' perception and memory. Work on the comparative table with the selected one linguistic field, such as news headlines about the culture, will help to answer questions such as: what is the difference of interpretation between the two dictionaries? What dictionaries are more systemic in nature?

Written work can be converted to work with information and communication technologies. The same table can be implemented in computer programs such as: Microsoft Excel and Microsoft Access. The result is a whole database storage extensive information with features such as quick search or sorting. This will greatly help the teacher in reducing the time to prepare to work with the group. The same principle, with the same programs can be done in independent work of the student during the project-based learning Case Study. The learner does research interpreta-

tion and stores in a computer program for further analysis. Thus, from the minimum of the modules case can be assembled.

During training, the difficulty may cause not only because of lacking vocabulary, but also because of the distinctive characteristics of two or more different cultures. In terms of geography in teaching one must take into account the presence of components of culture and socio-linguistic research. At this stage, one can refer to the methods used by the translators. While working with the cultural identity of linguistic units one can address such dictionaries as bilingual, mono-functional, bi-functional, trifunctional and multifunctional. In bilingual dictionaries, we find the usual translation of words from foreign to native or vice versa. In other dictionaries, which are mentioned above, we find words that are similar to each other in different languages. All this is necessary to work with a material containing language game: the clash of different language systems, as in one text can be employed different languages, that is found in many advertisements and the media.

In conclusion, we note that in the lessons would also be useful to use to listen to audio and video materials. This will help to consolidate knowledge and adapt quickly. Possible to use gaming technology «Echo» on the development of phonetic qualities.

Described methodological techniques in working on materials of linguistic games help to develop skills to work with dictionaries. Of great importance are the presence of the cultural component, gaming technology and the use of information and communication technologies in the classroom.

References:

1. Language, communication and social environment. — Edition 8 — Voronyozh, 2010.
2. «The Korea Times» 2015—01
3. http://www.koreatimes.co.kr/www/news/sports/2015/01/136_171360.html

The reflection of symbols in everyday life

Ersoy Davut, post-graduate student
Kyrgyz-Turkish Manas University (Kyrgyzstan)

Scarcely anybody knows about semiotics though we live mingled with semiotical elements in everyday life. Semiotics is the science of symbols in short. It came into existence with the contribution of Charles Senders Peirce and Ferdinand de Saussure as linguistics. As a science it is associated with everything which has symbolic meaning.

Because of signs have connotional functions they help us by making meanings out of signs through complexity of life. The fact is that, thanks to technological developments it became widespread all over the World.

So as to overcome challenges and for healthy communication we require signs since they are unambiguously comprehended. Associated with peculiarities of symbols the most paramount one is being the shortest way of transferring messages.

Key words: *semiology, mingle with, sign, widespread, utilize*

Отражение символики в повседневной жизни

Эрсой Давут, аспирант

Кыргызско-Турецкий университет «Манас» (Кыргызстан)

Едва ли кто-нибудь знает о семиотике, хотя мы живем и вращаемся в среде знаков семиотики в повседневной жизни. Семиотика — это наука символов вкратце. Она зародилась с вкладом Чарльза Сандерса Пирса и Фердинанда де Соссюра в лингвистику. Как наука она связана со всем, что имеет символическое значение.

Ввиду того, что знаки обладают коннотативной функцией, они помогают нам вырабатывать смысл из знаков через многосложность жизни. Дело в том, что, благодаря технологическим разработкам она получила широкое распространение во всем мире.

Таким образом, для преодоления трудностей и здорового общения нам необходимы знаки, так как они односторонне достигнуты. Это связано с особенностями символов наиболее первостепенным является самым коротким способом передачи сообщений.

Ключевые слова: семиология, вращение в среде, знак, распространенность, использование

To start with symbols are interested in semiotics or semiology. That is, it is a study of sign process, which provide communication in social life. Since they are meaningful, symbols are significant part of our lives. Signs work as a communication means, they refer to everything; images, sounds, gestures, behavior, place and any object. They take different forms in semiotic sense for various purposes. Those above deal with communication and designated for this purpose, their aim is to denote actions.

When we search for the origin of semiotics, we see that this term was derived from Greek word «semiotikos». First Henry Stubbles used it to denote as the branch of medical science. Also famous linguist John Lyly used «semiotike» as a term. In the 19th century famous linguist, Charles Sanders Peirce defined semiotics as the formal doctrine of signs. So by extending this science beyond human communication even he applied it to animals.

On the other hand, the father of modern linguistics Ferdinand de Saussure founded his semiotics and called it «semiology» as a social science. That is, he applied this science to social science. Without doubt Peirce and Saussure, these two linguists are just like mile stones in the way of becoming science of this science. The difference between these two linguists is that, Saussure's semiotics is dyadic, sign and signified while Peirson's semiotics triadic. That is, sign, object and interpretant. When we look back in history recognizing of signs and significance date back to Plato and Aristotle.

Briefly, this process depends on the codes, however, the community must agree on the denoting the codes which represent the value of the culture. Of course, this scientific work adds new shades of life to society. Shortly, we can say this transferring process of data is from source to receiver. Thus, we see the close overlap between semiotics and communication.

While in some countries its role limited to literary criticism and audio and visual media, in some other countries signs spread every aspect of life. Such as, design, film industry, marketing, advertisement, music, computer system and so

on. The fact is that, As long as you make use of this science your communication system becomes easier and you get rid of difficulties or mass. Unlike over developed countries are aware of this fact, developing countries make benefit in limited conditions/

Today in social life we are surrounded with symbols all over, inside and outside of our environment. That is, we were mingled with them at home and outside, they're so widespread. They are very common, given that they are indispensable for continuation of our life. Because as visual objects in general they suggest clear interpretation. If you are familiar with the society you live in, you find out their meanings without difficulty. Thus, whenever you see them you recognize and reach your aim without requiring any help from others. In addition, they are open to use for everyone as they are visual and recognizable with ease.

Furthermore, signs may be both regional or international as well. Think of gestures and mimics for local and traffic lights as international. When light is red we stop, in restroom signs for men ladies clear enough to comprehend. So, here local or international it doesn't make difference. They all serve the same aim in order to provide better and reliable understanding in short. This is why we always prefer and overuse them. From time to time, depending on necessity of community we see new shapes of them in use. Also, they increase in number because of new scientific and technological improvements. The fact is that, depending on the need especially developed countries employ them as much as they can.

As mentioned above societies are nested with signs in each stage of life. Even, we can say there is no place exception to it. Such as, our houses are completely furnished with technological equipments, as an example, to start and stop the washing machine required button must be chosen. The same action is available for television, computer and for other electronic devices. Life runs with modern technology and modern technology runs with symbols. Thus, technology makes our life easier and signs make utilize them easier.

The fact is that we were occupied with signs all over in every aspect of life, not at home only but also in the street,

at school, at the market, on the road, in visual media, in film industry and so on. In brief, they not only open new doors to us but also they show how to reach information needed. It goes without saying that worldly affairs in this modern age is in progress rapidly in this way. Thus, time is money, nobody wants to waste time. In fact, such manner is the requirements of contemporary life style.

It was agreed that human culture is based on totally symbols, and using them is unique to human species. Think of flags of nations, the language they speak, the lessons at schools, our jest, mimics and religious rituals are all based on symbols. All nations use symbols unique to themselves and they also use international signs. But it must be kept in mind that they all serve the same aim, that is communication.

Signs are so much effective on people as a result they feel themselves obligatory to obey them. As a stick to the point fashion, especially youngsters keep up with it very closely. Think of clothes they wear, hair style, colours in fashion, and so on. These are all interested in symbols and dominant effect of symbolism over people. As you will recognize easily the whole society is under the effect them presently.

On the other hand, education takes advantage of symbols completely. The letters of alphabet are nothing than signs. Each letter stands for one sound. In addition lessons at school also is given through signs; chemistry, mathematics, biology, geography as such. As you see we all make use of signs to realize our aims. Or else, failure will be obligatory result for us. Furthermore, this way is so easy to use as well as plausible. As a consequence the modern tendency necessitates employing contemporary devices with signs.

When we hang about in the Street we come face to face with various symbols. They may be in different shapes or different colour, no matter, they are all full of meanings to give. A film poster, an advertisement, a landscape, a city plan as to, are put there for an aim. They speak speechless to get across the message. Maybe the easiest and the most effective way was chosen by doing so.

Today's improved countries strengthen their power with images. Because they explored the most effective magic power of the world. They don't make war in the battle but they use film, press channels, videos, photographic designs and all visual devices instead. The competition between nations and people goes on at home, in the Street. Even without enforcing but addressing their mind they create an image in the brain and through it they realize their aims. Thus, with this soft power they spend less but gain much safely, without risking themselves.

As the modern commercial devices, signs are must-be have tool. Especially in the marketing economy. By way of advertising people have the chance to buy even without going to the market because of advertisement, which showed with images earlier. Mass media (television, newspaper, internet, fax as such) make contribution to our choice because they use signs as a widespread device. So people make plausible choice with the endowment of them but this easiness comes again from signs for commercial.

As globalizing world the whole world became unique, just like a village. Any news, any product or any event is heard in the shortest time possible through mass media devices. People watch it on television, read in internet or hear on the radio. These communication devices are completely rely on signs combining technologies of sound and image. With the help of those symbols so they provide their tasks properly with an active technique.

As above mentioned every day we live nested with signs. Such as the cases at school are completely rely on the base of sign system. Teacher evaluate students' success with marks, after you finish your school you get a diploma, you were awarded gratitude with document, these are all interested in symbols. That is worth thinking the significance of signs. We see that they are vitally important for the continuation of daily life.

Today information is carried over symbols. Now big companies and organisations have logos, special to themselves. Even they spend excessive amount of money for them. Those logos represent their firm and also they substitute for many words. This silent advertisement, like silent speaker speaks for them for each looker. Even, some of them are so famous that the whole world knows them. For Mercedes the star, for computer firm the bitten apple confirm my idea, I think.

Other than these, like other branch of sports each team has their own logo that represent them. These logos are referred to these teams, they serve almost as their meaningful parts. People carry these logos on their t-shirts, on any objects like pencils, keychains, flippers. Thus, they build up emotional interest with those signs with them. So by this way they express their love, support, strong tie towards their teams. The situation of this kind increases sense of belonging in individuals as well. So they connect life tightly and find plausible reason, especially psychological reason to live by loving them.

Most of us have religious tendencies. A great number of people over the world believe in God and believing necessitate worship. Worship is performed in different shapes but changes according to religions. Of course, every religion has its own worship style to pray. For prayers each of these behaviors have symbolic meaning. That is, religious rituals are full of signs from beginning to end. If we give an example in Islam, Muslims raise their hands to the edge of their ears and touch. This means I left the worldly affairs behind me. And stands (kiyam) like a soldier who is ready to do whatever is said by God, opening hands means I want from you, I beg you.

In today's world we lead an active life, we move from one place to other quite often. Whilst we don't know the way but we can find our way with ease by way of traffic signs. The signs direct us to the place where we want to go. But you must know how to read these symbols, or else they don't work. In connection with this you face with various signs on the way: from speed limit to pedestrian warning. So they make our way safe and informative.

Moreover, signs are vital to interaction and thoughts. On the base of politics, political parties are also make use of

signs more than known. As we know each party has their own logo which represent them. In addition to this, they effect their voters thorough symbols. Because they facilitate their communication and give opportunity to introduce their ideas. With the same tool they struggle against rival parties. Also with signs they cartoonish rivals' weak points in the media. In addition with flags, banners and so on they use social media as possible as they can.

Computers are vital of our age. They are so widespread that without exaggeration there are two or more in each flat. In digital world computers are based on a binary logic two numerical symbols 1–0. They are very smart and contain everything from statistics to design, from entertainment to live connection with friends they include every phase of life. We can say it is a magic world. Their speed and ability to solve problems make them indispensable. It can be said it keeps the first grade among preferable technological devices. The fact is that they also designed on the base of signs before putting in service. Thus, without decoding its signs to use them is almost out of question. In short, It is the most skillfull device of today and completely depends on signs.

Another profession group who takes advantage of signs are engineers and architects especially. Because their jobs completely rely on signs. They use signs so skillfully that even they give the smallest details in their plans. These plans are very similar to real ones, like completed shape of their work. It must be kep in mind that this is succided by means of symbols. So they make the most effectual contribution to their work. Or else, they would fail to perform their jobs. Thus, we remind the function of symbols again.

The significance of advertisement can't be ignored in today's commercial life. Each firm or producer feel obliged to give advertisement to media especially to mass media; televisions, newspapers and so on. They carry out this to sell their products on a large scale by effecting customers they take advantage of symbols. Today advertisement became as important as the quality of product. Again signs get in the work and handle for the producer firm to convince customer.

Like computer, one of the most handy apparatus for developed country people is smart phones. As a small compter everybody have them everywhere. Even its out of imagination to think a person without it. Especially youngsters play games, search on internet or make connection with their friends. As small computer this appliance also relays on signs system from top to toe. Without signs this device means nothing, unuseable. Signs make it possible for people to utilise. For practical use we see that they made benefit from symbols as much as they could.

Another mass media appliance is newspaper, which is printed every day. It keeps a crucial place in our live. Since people rush outside to read their papers as soon as they get out of their beds. So as to be aware of worldly affairs they rush. So they read and learn what happened in the country or in the world from this important source of news. Like above mentioned for various appliances, newspapers also work with symbols. So by symbols it becomes effectual, speedy, pros-

perous and widespread communication tool. As we look at it again we see that from the letter to pictures they print they utilized from symbols. In short it completely depends on signs. We think that without symbols it's nothing, it doesn't perform its duty. Thus, symbols make their job noticeable and influenciable in the eyes of readers. So they owe their existence and achievements to signs.

As for film industry it is also popular all over the world. The real number of film companies is unknown. So they make numerous films every year. Because of being so popular they make films in variety of topics. Since they bear an important place in people's lives, even people look forward to seeing new products. Because people are closely interested in new products. Without exception they all contain messages to give the audience. This kind of product has also close relationship with signs. So they give their messages over symbols thus, they want to effect the audience dramatically. This is why they prefer symbols. Rather, it make possible to say a lot with one word only. Being influential is another advantage of cinema. Since they explored giving this kind of message type thus they started to exploit from it more than ever. The fact is that each film is loaded to give message to people and this is done by way of symbols.

As it is known theatre is very old art, its date goes back to 534 B. C. Although theatre is old, it didn't lose anything from its popularity. Even today the race between cinema and theatre is in progress. Like cinema it founded on te base of entertaining people but while doing it to give out messages. Theatres work as an educational tool on the other hand. While they are entertaining spectators, they force them to think in the back ground. Thus, they get across messages in this manner. Unlike cinema you are face to face with performers. This speciality make it different from cinema. Maybe the event is imaginary but performers are real. So the messages are announced directly from their mouths to the audience. So they give their messages orally and visually. That is, two senses of audience were addressed. Also theatre is completely depend on symbols, the event, the actress and so on. Actors substitute themselves for real ones. Communication among them is instant. Thus, this raises the tone of getting messages. In addition to, this taking part of two senses with signs make contribution to the level of message.

Taking pictures for someone is hobby but for others a job. While getting around or in an important place we see something significant we take foto immediately. We perform it with a camera or a smart phone easily. What was intended is to freeze the moment we want. Afterwards, we store them for future somewhere so as to remember as a souvenir or for other purposes. We carry out this for our relatives or close friends to show as a hobby as well. These photos are substitutes of real conditins in other words, they are signs. What a great contribution signs make is clear, I think. In a way they witness past as a sign. like its peers they are at work everywhere as we see.

Today mobile seller or paddler are at work. They travel to sell their produts with catalogs in their bags fom door to

door. In stead of sitting in their shops and waiting for he customers they go to them. Showing their pistures they introduce the goods. They don't carry real objects but just show their pictures. In a way, they take advantage of the blessings of signs. So they solve plenty of troubles. As it is here happened they provide easy, speedy and trustworthy work.I short like in other fields of life the vitality goes ahead.

Inasmuch as it was shown with various examples sings are widespread in every aspect of life. So much so that, we are face to face with them as I mentioned earlier, in the street, at home, at work, at school and so on. They serve just like a bridge in contact. Or else how it would be possible to teach chemistry (O, N, Ca,) or biology (X, Y, XX, XY), (DNA, RNA.) Symbols are beneficial realities of modern life.

As a reminder, symbols may be national or international, like flags or traffic signs. They are speechless language that belong to only human being. Although they are simple to comprehend, you need background information to find out their codes all the same. In order to make full use of them you must be familiar with them earlier. The fact is that for a person who doesn't have information beforehand they make no use of them. That is why they sound meaningless and useless for some people. However, with a little effort this problem can be overcame. Related to this point cultural based symbols are easy to find out but for international symbols necessitate to make effort to comprehend. Accordingly, everybody knows his national flag but it takes time to read by heart the flags of other nations. Also traffic signs are international so you don't face with difficulty when you go abroad.

As it was seen, besides other uses symbols play an active role to overcome language barriers. Since it is a kind of silent language themselves. They imply that information is not contained just in books but there are other ways too. Thus, by means of them we become aware of this fact. As a different source so we don't completely dependent on writing press only we see it. Also they stand for countless objects, this is why

there are broad varieties of them. They signify many objects such as, activities, situations, manners, places, and so on.

Cosequently, in modern, developed societies symbols are everywhere in every dimension of life. They are as both in audio and visual forms from design to science, from vido conferencing to computer based chat system. With due time new shades of communication to every aspect of our lives is added. There is no need to say that forming of them community must agree on as denoting meanings of codifications. Besides, these uses represent the value of culture in local sense. Such as, their causine, local musical intrument or dance, sports and so on.

Either primitive or developed countries are based on symbolic systems. With one difference latter employ them widely than former countries. Symbols have connections almost with everything in societies. Such as: their religions, their flags, their languages, political parties, their kinships, their literatüre and of course school subjects given at schools are all have close connections with them.

So by measn of signs people produce meanings, classify information, express themselves in the precence of others. In short, they regulate society in peace. That is, they play indispensable role to shape the community. For interaction and thought they are necessary elements to nations. Also on the base of developments in technology semiotic science also renew itself to answer the question of age. But this change happen in positive ways over the time. So we comprehend that this science is like a living organ in this regard.

The need to communication force new doors to open so symbols take this role at most. Therefore, its wide spectrum of connection allows us to appeal to broad audience. Furthermore, they provide multiple comprehension, healthy information and speed in connection. By using modern technology we also improve universal understanding in signs. Also they give the change of finishing a lot of work in a little time.

References:

1. www.dersimizingilizce.com/ingilizce-conjunctions-ingilizce-baglacl
2. examples.yourdictionary.com/examples-of-symbolism.html
3. literarydevices.net/symbolism/
4. examples.yourdictionary.com/examples-of-symbolism.html
5. literarydevices.net/symbolism/
6. From Wikipedia, the free encyclopedia
7. www.wisegeek.com/what-is-the-function-of-symbolism-in-poetry.htm
8. <https://en.wikipedia.org/wiki/Semiotics> Wikipedia
9. visual-memory.co.uk/daniel/Documents/S4B/
10. www.reference.com > World View > Symbolism
11. zimmer.csufresno.edu/~johnca/spch100/symbol.htm

ФИЛОСОФИЯ

Гносеологические и воспитательные основания метода Сократа

Макеева Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент;

Кондрашова Ксения Эдуардовна, студент;

Литвинова Мария Александровна, студент

Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

Сократовский метод по своей логической природе представлял собой индукцию (наведение). Посредством анализа в чем-то взаимоисключающих примеров искомого свойства он продвигал мысль от частных проявлений последнего к такому его выражению, в котором данное свойство оказывалось представленным само по себе, в чистом виде, без случайных и необязательных частных. Этот процесс извлечения искомого свойства из состояния, скрытого многочисленными связями, и перевод его в состояние, свободное от всяких связей, напоминал Сократу процесс рождения, в результате которого скрытое выходит наружу и становится открытым. Итогом такого индуктивного восхождения мысли должно быть определение, фиксирующее общее, универсальное свойство, имеющее всеобщее значение для сознания.

Наряду с логической метод выполнял также и воспитательную работу, корректируя самосознание человека. По мысли Сократа, люди страдают необоснованно завышенной самооценкой своей осведомленности прежде всего там, где речь идет о таких вещах, как добро и зло, справедливое и несправедливое, прекрасное и безобразное и т.п. Они наивно полагают, что знают, что именно представляет собой каждый из этих предметов. Известное и привычное в силу частого повторения они принимают за подлинно знаемое. Иллюзия же твердого и ясного знания преграждает путь к действительному знанию и поощряет самомнение. Но у любого из таких «знатоков» тотчас возникала трудность в том случае, если требовалось от указания на красивые предметы перейти к определению сущности самой красоты. Движение индуктивного метода смущало сократовского собеседника, ведя его от признания одного тезиса к признанию им тезиса, прямо противоположного первому. Индуктивно двигаясь, мысль, таким образом, попутно оказывала воспитательное воздействие на сознание собеседника, демонстрируя ему, что он не знает сути того предмета, который кажется ему известным.

Важным, едва ли не постоянным и, видимо, в некотором смысле необходимым компонентом сократовских бесед была ирония — притворное действие, шутка; Сократ не просто рассуждал о чем-то, он не просто индуктивно вел мысль своего собеседника от положения к положению, вызывая в нем смущение, он играл при этом со своим собеседником, разыгрывал некую роль в создаваемом им спектакле, иногда скрыто, а иногда и откровенно подшучивал над ним. Сократ иронизировал (правда, по-разному) и в серьезной беседе, и в дружеской «болтовне о пустяках», и с друзьями, и с незнакомыми людьми, с женой и, вероятно, с самим собой, когда предавался уединенным размышлениям. Индуктивное движение мысли не содержит в себе необходимости иронии, она имеет иные причины своего возникновения.

Ирония, конечно, представляет собой обман, иллюзию, но чаще всего Сократ иронизировал добродушно, т.е. таким образом, что обман должен был быть легко понятен и слушателям, и собеседнику (если только последний не ослеплен самомнением и не очень глуп) и оставлял возможность даже поражение (и самого Сократа, и его собеседника) превратить в шутку. Хотя Сократ шутил почти всегда и по разным поводам, постоянно в его беседах присутствовала только одна ироническая тема — тема собственного самоуничижения и неведения того, что представляет собой объект исследования в беседе.

Самоуничижение как элемент иронии могло достигаться и принижением себя, и неоправданным возвышением своего собеседника прямым восхвалением его, и высказыванием в его адрес необоснованных похвал за неправильные ответы; самоуничижение могло проявляться и в том, что Сократ избегал давать окончательные, а именно свои позитивные определения. Об этом говорят и противники Сократа, и его друзья. При этом важно специально отметить, что отказ от ответов есть в известном смысле продолжение самоуничижения Сократа,

доходящее до того, что он как будто отказывается в силу собственной незначительности и незначительности своих мыслей высказывать что-то истинное.

На вопрос о том, для чего Сократу потребовалась ирония и так ли она необходима для его философствования, не находится легкого и однозначного ответа. Его ирония — это случайно избранная им манера, соответствующая его характеру, или форма общения, обусловленная существом его философской позиции? Если его ирония — обман собеседника, иллюзия, если он на самом деле знал истину и знал себе «цену», то для чего ему нужно было создавать видимость и прятаться за иллюзию собственного интеллектуального бессилия? (К слову сказать, другие софисты, любящие вообще-то создавать видимость, не прибегали к созданию видимости собственной немощи в глазах своих собеседников. От этого их авторитет не умалялся в глазах публики, и они оказывали на нее весьма мощное «воспитательное» воздействие.) Если же ирония Сократа не обман и не иллюзия, если она суть продукт (возможно, необходимый) самой его философии, то она должна быть понята как характеристика отношения Сократа прежде всего к собственному знанию (а не к знаниям других людей), должна быть характеристикой его собственной философии.

Как бы там ни было, ирония Сократа полифункциональна — и в случае ее необходимого производства самой сократовской философией, и в том случае, если такой необходимости не было. С высокой степенью вероятности можно предположить, что на поверхности явлений лежит эвристическая функция иронии: она позволяла Сократу продвигаться по диалогу к намеченной цели, умело обходя сопротивление его собеседников. Судя по текстам, Сократ, вступая в диалог с оппонентом, скорее всего, уже заранее знал в общих чертах, в каком направлении следует вести разговор и каким образом управлять рассуждениями своего собеседника. Трудно представить, опираясь, по крайней мере, на сохранившиеся диалоги, что, имея огромный опыт философствования, он не успел продумать до известных, конечно, пределов одну из проблем сравнительно небольшого их перечня, вышел на беседу слабо подготовленным, надеясь на удачу, и уже во время дискуссии якобы занялся поиском истины. Скорее, наоборот, на удачу чаще уповали его оппоненты. По всему видно, что в беседу Сократ вступал уже заранее зная результат, к которому нужно было прийти в зависимости от характера поведения противника. На это указывает и аргументация Сократа, столь тонкая, изощренная и серьезная, что на ее неожиданное нахождение надеяться довольно трудно; на это же указывает ловкость и изворотливость, с которой он меняет аспекты рассмотрения, чего очень сложно добиться при случайном и скоротечном ведении беседы.

В этой своей функции ирония имела целью усыпить бдительность участников рассуждения, иногда — оправдать кажущуюся на первый взгляд бессвязность длинного перечня предлагаемых Сократом вопросов. Имея

представление об общем направлении, в рамках которого следует проводить диалог, Сократ строит беседу так, чтобы скрыть логику своих рассуждений: возможно, умышленно, возможно, под напором логики исследования, он часто заставлял человека отвечать на вопросы, на первый взгляд не связанные ни друг с другом, ни с предметом спора. И хотя противник ожидает подвоха, он все же не знает, где этот подвох произойдет. За это он справедливо получал упреки прежде всего со стороны софистов, знавших толк в рассуждениях. Когда же картина целого, наконец, начинала вырисовываться и бессвязные на первый взгляд части соединялись в логическую цепь, то если даже подвох и замечался (что бывало крайне редко, ибо почти невозможно удержать в памяти все изгибы «бессвязной» речи и одновременно следить за все новыми фазами рассуждения), оказывалось слишком поздно что-либо изменить, поскольку очень многое пришлось одобрить, не ведая, куда, идет рассуждение. Противник в этом случае вынужден был соглашаться теперь уже со всем, что предлагал Сократ, и, как правило, это приводило его к противоречию со своими первоначальными утверждениями, даже если он в душе с этим и не согласен.

Используемой именно так иронией Сократ внушал собеседнику мысль о том, что сам он (Сократ) собой никогда ничего серьезного в интеллектуальном плане не представлял и, дожив до седых волос, так ничему и не научился, что с детских лет сохранил в себе наивно-невинную любознательность и до сих пор мечтает найти себе учителя, чтобы познать истину. Так вел себя Сократ в беседах, описанных в платоновских диалогах «Евтидем» и «Гиппий Большой». Лишь в тех случаях, когда ему приходилось вести беседу с хорошо знакомыми профессионалами — софистами, Сократ отказывался от роли простака, но сохранял маску искреннего дружелюбия.

Усыпив иногда слишком наигранным и чрезмерным уничижением бдительность собеседника, навязав ему роль наставника над недалеким в умственном отношении стариком, Сократ с юношеским задором и на правах любознательного ученика обрушивал на собеседника ворох вопросов. Вопросы «простоватый» Сократ ставил, конечно же, с умыслом, преследуя свою, скрытую от собеседника цель (часто эта цель состояла в том, чтобы привести противника к противоречию с самим собой). Цель оказывалась достигнутой, когда расслабившийся и не ожидавший подвоха собеседник, соглашавшийся с Сократом в каждом пункте его рассуждений, вдруг неожиданно для себя приходил к положениям, прямо противоположным тем, которые он отстаивал некоторое время назад.

Какова бы ни была истинная причина появления иронии в сократовской философии, ее применение приносило пользу, поскольку многие из его собеседников мнили, что имеют твердое знание о тех или иных проблемах нравственной, политической либо других сфер

общественной жизни. Начиная с первых же шагов диалога, если бы не поколебал уверенность собеседника в его правоте, он мог бы встретить агрессивный и самонадеянный отпор, существенно затруднивший бы разговор. Среди платоновских диалогов есть такие, все содержание которых состоит в развенчивании этих иллюзий. В них Сократ, как будто бы изначально поставив перед собой цель обескуражить противника (в особенности если он имел неосторожность хвалиться своей мудростью), «водит» последнего, как на привязи, из стороны в сторону, проводит мимо множества различных положений, после чего заканчивает разговор без какого-либо положительного результата, предложив, например, разобраться с этим вопросом в другой раз. В одних случаях поведение Сократа имеет явно иронический характер, как например, в диалоге «Гиппий Большой», где Сократ уязвляет самомнение софиста Гиппия; в других случаях Сократ как будто просто настаивает, как это происходит в разговоре с юношей Евтидемом, мечтавшем о государственном поприще, но не имевшем знания того, что такое справедливость.

Положительные результаты давал и отказ давать позитивные определения, какова бы ни была его причина. Найдя себя противоречащим себе самому, собеседник впадал в состояние замешательства и недоумения. Растерянность относительно важнейших нравственных категорий, если она искренняя, способна побудить человека к глубокому серьезному исследованию либо самостоятельному, либо совместному с Сократом. Если собеседник, утратив спесь и преодолев обиды, возвращался к Сократу с твердым намерением стать его учеником,

последний уже переставал смущать его разными вопросами, но вполне прямо и ясно излагал, что, по его мнению, следует знать человеку и чем лучше всего руководствоваться в своих действиях. В таком случае сократовская ирония выполняла еще и воспитательную функцию [1, 78].

Однако даже если и усматривать в указанных функциях иронии известную правильность, значение их все же не следует преувеличивать: они не связаны внутренним образом с сократовской философией и имеют в такой их интерпретации случайные происхождение и назначение. Между тем ирония, видимо, связана с философскими воззрениями Сократа более существенно и внутренне, имеет, вероятно, глубокие и прежде всего гносеологические основания и касается не в последнюю очередь самого Сократа. Возможно, она выражает основное содержание сократовской стратегии, существо которого состоит в том, что сам Сократ выразил фразой: «Я знаю только то, что я ничего не знаю».

Некоторые слушатели и почитатели Сократа к этой его мысли относились и относятся не слишком серьезно, всего лишь как некоторому факту его биографии, и не ставят ее в тесную связь с его философией. Точнее говоря, ставят, но не в отношении Сократа к себе самому, а в его отношении к его собеседникам, и в том смысле, что Сократ развенчивал их ложную мудрость и приводил их к пониманию того же самого — к их знанию о самих себе, что они ничего не знают. Разумеется, в этом понимании Сократовой мудрости нет ошибки; она начинается, возможно, там, где исследователь отказывается распространять указанный тезис на самого Сократа.

Литература:

1. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. Т. 2., М., 1969.

Показатели социальной и нравственной зрелости личности

Макеева Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент;

Кондрашова Ксения Эдуардовна, студент;

Литвинова Мария Александровна, студент

Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

Свобода относится к числу фундаментальных ценностей человеческого существования. В анализе свобод важно не столько взаимоотношение свободы и необходимости, сколько взаимоотношение свободы и ценности, свободы и смысла, свободы и цели. В разные времена философы по-разному отвечали на вопрос о сущности свободы, но именно с уяснения того, чем философское понимание свободы отличается от любого другого, и следует, видимо, начинать разговор о свободе.

В повседневной жизни человек сталкивается не с абстрактной необходимостью, не с фатализмом в виде судьбы и рока, а с давлением внешних для него обстоятельств. Эти обстоятельства — воплощение конкретно-исторических условий бытия человека. Люди не вольны в выборе времени и места своего рождения, объективных условий жизнедеятельности, наличности своего природного бытия, выражаемого конкретностью своей вещественности и телесности. Но, с другой сто-

роны, бытие человека — это не одномерная линия из прошлого в будущее. Это всегда альтернативы, предполагающие выбор, который характеризуется как разными средствами достижения поставленных целей, так и разными результатами реализации поставленных целей. Соответственно этому, человек свободен и в том, какие последствия грядут из его выбора и в какой мере он ответственен за них. Знание меры соотношения выбора и ответственности, объективной основы того или иного направления своей жизни, условия, в которых она реализуется, дает философское наполнение понятия свободы.

Реальное свободное действие человека выступает, прежде всего, как выбор альтернативных линий поведения. Свобода есть там, где есть выбор: выбор целей деятельности, выбор средств, ведущих к достижению целей, выбор поступков в определенной жизненной ситуации и т.д. Объективным основанием ситуации выбора является объективное существование спектра возможностей, определяемых действием объективных законов и многообразием условий, в которых эти законы реализуют свое действие, в результате чего возможность переходит в действительность. В объективном мире реализации каждого события предшествует возникновение целого спектра возможностей. В конечном счете, реализацию в действительности получает только одна из них, а именно та, для осуществления которой частично необходимо, а частично случайно складываются необходимые условия. В природе реальной ситуации выбора не возникает: реализуется та возможность, которая должна реализоваться в существующих объективных условиях. С возникновением человека, наделенного сознанием, ситуация меняется. Познавая законы природы и общества, человек становится способным выделять и различные возможности; он может сознательно влиять и на создание тех условий, при которых может реализоваться та или иная возможность. Соответственно перед ним встает и проблема выбора: какая возможность должна быть реализована посредством его деятельности?

Из этого видно, что ситуация выбора может иметь объяснение только при наличии объективной регулярной обусловленности событий и явлений. Ведь основанием для ситуации выбора является существование объективного спектра возможностей, а объективным основанием возможности является закономерность и совокупность различных условий, необходимых для ее реализации. Возможно то, что не противоречит объективным законам, для реализации чего существуют необходимые условия. Другими словами, мера возможности того или иного события прямо пропорциональна мере его необходимости. Однако сама ситуация выбора — это не свобода, а лишь необходимая предпосылка свободы, свободного действия. Сам акт свободного действия связан с выбором определенной альтернативы в ситуации выбора и ее реализацией в действительности. Выбор альтернативы по-

ведения определяется, прежде всего, целевыми установками человека, а они в свою очередь определяются характером практической деятельности и той совокупностью знаний, которой человек располагает. Знание же, на которое опирается субъект в своем выборе альтернатив, есть, прежде всего, знание необходимости. Человек выбирает ту линию поведения, которая для него обладает внутренней необходимостью в свете имеющегося в его распоряжении знания.

Но главными ограничителями его свободы являются не внешние обстоятельства. Некоторые современные философы утверждают, что человеческая деятельность вообще не может получать цель извне, в своей внутренней жизни индивид абсолютно свободен. Он сам выбирает не только вариант деятельности, но и формулирует общие принципы поведения, ищет им основания. А потому объективные условия существования людей не играют такой большой роли при выборе ими модели действий. Цели человеческой деятельности формулируются в соответствии с внутренними побуждениями каждого человека. Границей такой свободы могут быть лишь права и свободы других людей. Осознание этого самим человеком необходимо. Свобода неотделима от ответственности, от обязанностей перед обществом и другими его членами.

В античной культуре свобода являлась универсалией, фиксирующей возможность деятельности и поведения в условиях отсутствия внешнего целеполагания. Деятельность раба по реализации привнесенных извне целей мыслится как исполнение программы и обозначается как «*poiēsis*», деятельность же свободного, т.е. реализующего свои цели, мыслится как творчество и обозначается как «*chreia*» или «*praxis*». Свобода рассматривалась в единстве с нравственным выбором. Сократ подчеркивает решающую роль знания в осуществлении свободы. Подлинно свободный, нравственный поступок возможен лишь на основе ясных понятий блага и доблести. Никто не может поступать дурно по доброй воле, человек стремится к лучшему в своих поступках, и лишь незнание, невежество толкает его на неверный путь. Платон связывает понятие свободы с бытием Блага как высшей «идеи». Благо освящает порядок, действующий в мире как порядок целесообразный. Поступать свободно — значит действовать, ориентируясь на идеал блага, согласуя личные устремления с общественной справедливостью. Аристотель рассматривает проблему свободы в контексте нравственного выбора. Свобода связана со знанием особого рода — знанием — умением («*fronesis*»). Оно отлично от знания — «*technē*» обеспечивающего решение задач по известному образцу. Нравственное знание — умение, прокладывающее путь свободе, ориентирует на выбор лучшего поступка в контексте этического выбора.

Философское решение проблемы соотношения свободы и необходимости в деятельности и поведении личности имеет огромное практическое значение для оценки

всех поступков людей. Если люди не обладают свободой, а действуют только по необходимости, то вопрос об их ответственности за свое поведение теряет смысл.

Если необходимость не осмыслена, не осознана человеком, он ее раб; если же она познана, то человек обретает «способность принимать решение со знанием дела».

Следует отметить, что ответственность как социальный и личностный фактор возникает только тогда, когда человек волен в своих мыслях и поступках. Если нет свободы, если все действия человека вынуждены, продиктованы «железной» необходимостью, то нет и ответственности. Человек не отвечает за то, что ему навязано помимо его воли, помимо или даже вопреки его свободному выбору. В соответствии с этим можно сформулировать понятие ответственности.

Формирование личности предполагает и воспитание в ней чувства ответственности. Ответственность может проявляться в разных характеристиках поведения и действия человека. Ответственность — саморегулятор деятельности личности, показатель социальной и нравственной зрелости личности. Это дисциплина и самодисциплина, организованность, умение предвидеть последствия своих собственных действий, способность к прогнозу. Это самоконтроль, самооценка, критическое отношение к самому себе.

Главное не в том, каковы внешние обстоятельства жизни человека. Важнее другое: как они преломляются в его сознании, как человек проецирует себя в мир, какие цели перед собой ставит, какой смысл и значение придает окружающей действительности. Именно это предопределяет выбор из многообразия возможных вариантов поведения. Отсюда некоторые современные философы делают вывод: человеческая деятельность не может получить своей цели извне, ничто внешнее по отношению к сознанию не может его мотивировать, человек совершенно свободен в своей внутренней жизни.

Подлинно свободный человек сам выбирает не только поступок, но и его основания, общие принципы своих действий, которые приобретают характер убеждений.

Немецко-американский социальный философ Эрих Фромм в своих работах рассматривает свободу как одну из основных ценностей человека. Фромм называл вид свободы, при которой человек чувствует себя частью мира и в то же время не зависит от него, позитивной свободой. Достижение позитивной свободы требует от людей спонтанной активности в жизни.

Спонтанность (спонтанный) (от лат. *spontaneus* — добровольный, произвольный) — самопроизвольность, самодвижение, вызванное не внешними факторами, а внутренними причинами.

Фромм отмечал, что спонтанную активность мы наблюдаем у детей, которые обычно действуют в соответствии со своей внутренней природой, а не согласно социальным нормам и запретам. В своей книге «Искусство любви» Фромм подчеркивал, что любовь и труд — это ключевые компоненты, с помощью которых осуществля-

ется развитие позитивной свободы посредством проявления спонтанной активности. Благодаря любви и труду люди вновь объединяются с другими, не жертвуя при этом своим ощущением индивидуальности или цельности, избегая, таким образом, возникновения невроза или депрессии.

Одной из наиболее разработанных концепций свободы является экзистенциальная концепция Н. А. Бердяева (см. его работы: «Философия свободы», «Философия свободного духа», «Дух и реальность», «О рабстве и свободе человека», «Царство духа и царство кесаря» и др.). Свобода есть творчество, созидание ранее не бывшего. «Определение свободы как выбора есть еще формальное определение свободы. Это лишь один из моментов свободы. Настоящая свобода обнаруживается не тогда, когда человек должен выбирать, а тогда, когда он сделал выбор. Тут мы приходим к новому определению свободы, свободы реальной. Свобода есть внутренняя творческая энергия человека. Через свободу человек может творить совершенно новую жизнь, новую жизнь общества и мира». «Творчество, — пишет он, — не есть только придание более совершенной формы этому миру, оно есть также освобождение от тяжести и рабства этого мира. Творчество не может быть лишь творчеством из ничего, оно предполагает материал мира. Но в творчестве есть элемент «из ничего», т.е. из свободы иного мира. Это значит, что самое главное и самое таинственное, самое творчески новое идет не от «мира», а от духа» [1, 248]. Творческий акт человека не есть только перегруппировка и перераспределение материи мира и не есть только эманация, истечение первоматерии мира, не есть также лишь оформление материи в смысле налагания на нее идеальных форм. В творческий акт человека, указывает Н. А. Бердяев, привносится новое, небывшее, не заключенное в данном мире, прорывающееся из иного плана мира, не из вечно данных идеальных форм, а из свободы, не из темной свободы, а из просветительной свободы. Свобода неотрывна от творчества. Лишь свободный творит. «Свобода и творчество говорят о том, что человек не только природное существо, но и сверхприродное. А это значит, что человек не только физическое существо, но и не только психическое существо, в природном смысле слова. Человек — свободный, сверхприродный дух, микрокосм... Свобода есть мощь творить из ничего, мощь духа творить не из природного мира, а из себя. Свобода в положительном своем выражении и утверждении и есть творчество» [2, 370].

В концепции свободы Н. А. Бердяева ценным является обоснование того, что подлинная, действительная свобода есть, прежде всего, творчество. И какой бы момент свободы мы не имели бы в виду — выбор ли возможности в материальном мире или создание новой ситуации — везде мы обнаруживаем творчество человека.

Свобода становится для человека ценностью в той мере, в какой он осознает свою индивидуальность, видит в ней смысл и цель собственного существования и деятельности. А быть индивидуальностью — значит, не по-

треблять, а созидать, быть не просто работающим, но строящим себя существом, побуждаемым к деятельности не

внешней, а внутренней необходимостью (или целью) жить жизнью целого, рода, всего человечества.

Литература:

1. Бердяев, Н. А. Царство духа и царство кесаря. Республика, М. 1995. с. 248.
2. Бердяев, Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. Правда, М., 1989. с. 370.

Созидательная природа добра

Макеева Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент;
 Кондрашова Ксения Эдуардовна, студент;
 Литвинова Мария Александровна, студент
 Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

Человек интересовал древнегреческих философов с разных сторон — кому-то он был интересен как познающий субъект, кто-то пытался понять мотивацию его практической деятельности, кого-то привлекало содержание его мышления, кто-то увлекся разработкой приемов ведения беседы и т.п. Чем бы они ни занимались, они были повернуты лицом к человеку, исследовали последние основания индивидуальной человеческой жизни и реализовывали собственные представления об оных в своей практической деятельности.

Человек — существо целесообразно действующее. И если он управляет своим поведением или социальными процессами, то делает это посредством определения тех или иных целей и выбора правильных способов их достижения. Он стремится к каким-то целям и в зависимости от достижения или не достижения этих целей чувствует себя счастливым или несчастным. Важно при этом, чтобы цели и средства приносили пользу, а это зависит от того, насколько верно человек определит свою цель (например, правильно оценит предмет стремления в качестве достойного), выявит природу объекта своего стремления и подберет соответствующие природе этого объекта (цели) средства. Умение правильно выбирать достойную стремления (полезную) цель и успешно ее достигать называли добродетелью.

Древнегреческое слово «добродетель», взятое в самом широком смысле, означает «совершенство», «добротность», что-то вроде «наилучшего выполнения какой-то функции», «наилучшего достижения какой-то цели». Добродетель — это характеристика дела, которой дело обладает в том случае, если делается то, что считается добром.

По мысли софиста Горгия, высказанной им в «Похвале Елене», выходило, что добродетель — это характеристика дела, украшение ему. Сократ связывал добродетель с рассудительностью, придающей всякому делу черты совершенства, о чем свидетельствует платоновский диалог «Менон».

Центральной для сократовской философии стала тема добра как целевой формы причинности и добродетели как формы активности, целесообразно направленной на достижение добра. Человеческая деятельность целесообразна, это очевидно; любая целесообразность предполагает цель и средства, пригодные для ее достижения. Целью человеческой деятельности, по мысли Сократа, является добро. В сократовской философии оно является одним из центральных понятий, придающим смысл многим другим понятиям. К сожалению, оно не рассматривается Сократом детально и ясно, и о нем можно сказать, что оно суть то, что обуславливает наилучшее и наивысшее из всех возможных, вытекающих из природы данной вещи состояний. Оно созидательно, тогда как зло разрушительно.

Хотя сущность добра и едина, проявление его многообразно: для каждой вещи или существа добром является что-то особенное, относительно, и идущее на благо одному, вполне может оказаться злом для другого.

В связи с этим не будет лишним основания предположение о том, что существенной чертой добра как такового, в понимании Сократа, была полезность. Высшее добро — это полезность для более высокой природы в сравнении с природой более низкой: к примеру, высшим благом для человека является скорее то, что полезно больше для души, чем для тела, а значит, благом для человека скорее всего следует считать разум и знание.

С понятием добра тесно смыкается понятие прекрасного, означающего «хороший», «удобный», «целесообразный», «выгодный», в конечном счете — очень близкий к полезному. Поэтому благое всегда прекрасно, а прекрасное благостно. И не важно, что та или иная вещь может не удовлетворять изысканному эстетическому вкусу, лишь бы она хорошо выполняла те функции, ради которых и была создана. С точки зрения Сократа корзина для перевозки навоза вполне может быть названа прекрасной если она хорошо выполняет свои основные задачи и, наоборот, золотой щит может

быть предметом безобразным, если им неудобно защищаться во время боя.

Добро как целевая причина имеет смысл лишь в том случае, если к нему кто-то или что-то стремится. Деятельность или душевное состояние, которые способны творить добро, есть добродетель. Добродетелями он считал справедливость, мужество, рассудительность, благочестие, мудрость, умеренность, воздержание и т.п. Высшей же добродетелью для человека, добродетелью как таковой, безотносительной, сущностью человеческой добродетели вообще он считал разумное знание, сближая его с отвлеченным мышлением. Та или иная способность души, взятая сама по себе, нейтральна к добру и злу и вполне может служить как тому, так и иному. И только при соединении данной способности со знанием, она становится, по мысли Сократа, действительно добродетелью; без такого соединения эта способность, скорее, порождает зло, чем добро. Смелость, к примеру, лишь с опорой на знание того, как вести себя в той или иной опасной ситуации, превращается в мужество, а без знания оно делается слепым иступлением и способно, пожалуй, больше принести вреда, чем пользы.

Платон находит, что более всего достойна жизнь смешанная, состоящая из удовольствия и ума, соединенного с разумением. Благо для человека коренится в жизни разумно-эмоциональной. Чистый разум хотя и не может рассматриваться как благо, но зато он есть причина блага, поскольку способен вносить меру в наслаждения и дифференцировать их.

Удовольствия, по мысли Платона, не имеют своего блага, поэтому они беспредельны, в силу чего роль причины блага для души выполняет знание. Знающий, какова должна быть мера, может поступать в соответствии с ней; не знающий же, даже если и захочет действовать сообразно мере, не сможет этого сделать, разве что лишь случайно. Знающий, что такое истинная справедливость, способен к справедливому поступку; не знающий может лишь случайно поступить справедливо, но чаще его справедливость превращается в несправедливость. Подобным же образом дело обстоит и с остальными признаками блага и множеством других вещей, могущих выступать в роли блага. Богатство, сила и прочие блага не являются таковыми сами по себе. Они суть блага и приносят пользу, если только руководствоваться разумом и мудростью. А если же человек, располагающий ими, руководствуется невежеством — они зло, причем даже большее зло, чем вещи противоположные. Следовательно, из всех остальных вещей ничто не есть ни добро, ни зло, благо лишь мудрость (в том смысле, что он есть причина блага для человека), а зло — невежество.

Действия, удовлетворяющие вышеназванным критериям и создающие для человека что-то доброе (благое), Платон называет добродетельными [1, 102].

Входящие в состав души способности слишком не похожи друг на друга, имеют различные сферы и гра-

ницы применения, свои собственные цели и задачи, а также соответствующие им способы их достижения. В силу этого каждая из данных способностей имеет сообразные именно ее природе эталонные формы деятельности (т.е. добродетели). Добродетелью разума, долженствующей главенствовать в нас способностью, признается мудрость. Мудрость, знание есть единый корень всех прочих добродетелей, из которого они вырастают, она — их сущность, их идея. Знание представляет собой добродетель по преимуществу, без которой все прежние добродетели лишаются устойчивости, однозначности и строгости (и потому могут легко перейти в свою противоположность). Мудрым считается такой человек, в котором господствует и управляет разумная часть души, знающая, что и в какой мере пригодно и каждому отдельному началу, составляющему душу, и всей их совокупности.

Любая деятельность совершается ради какой-то цели — ради блага. Определенный уровень совершенства деятельности, достаточный для создания блага, добра, есть добродетель (ведь любое дело можно совершать хорошо или плохо и тем самым либо создавать что-то хорошее, либо же нет; а создание хорошего есть добродетель). Добродетель — это критерий правильности и полноты деятельности, некий ее эталон, мера совершенства. Кроме того, всякая добродетель делает хорошим и то, в чем она проявляет себя. Если мы живем благодаря душе, а добродетель делает хорошим то, в чем она себя проявляет, значит, благодаря добродетели души мы сможем жить хорошо. А хорошей жизнью и благополучием зовут счастливую жизнь. Поэтому жить счастливо, по Аристотелю, можно только живя добродетельно. В этом цель, счастье и высшее благо. В этом и удовольствие. Ведь жизнь тех людей, которые совершают правильные поступки, не нуждается в удовольствиях, словно в каком-то приукрашивании и каком-то внешнем дополнении, но содержит удовольствие в себе самой; ведь каждому то в удовольствие, говорит Аристотель, что он любит. Скажем, любителю коней — конь, любителю зрелищ — зрелища, любящему правосудное — правосудное, любящему добродетель — все, что сообразно добродетели. Если это так, то человеческое благо следует искать в деятельности, осуществляемой сообразно добродетели, а если добродетелей несколько — то сообразно наилучшей, наиболее полной и совершенной.

Столь значительное место мысли в добродетельной жизни человека давало основание некоторым философам, прежде всего Сократу, полагать, что сущность добродетели состоит как раз в рассудительности, а все добродетели — это только виды рассудительности. Аристотелю это соображение казалось ошибочным, хотя он и не возражал против того, что добродетель невозможна без рассудительности. Однако переоценивать мысль и недооценивать вклад стремительной части души в формирование добродетели было бы, с его точки

зрения, неверно. Человеку, по мысли Аристотеля, уже от природы присуще бессознательное стремление к добродетели, причем не в форме рассуждения, а в виде какой-то естественной склонности. У каждого, например, есть тяга без рассуждения к чему-то смелому или правому, да и любая другая добродетель предполагает такую же тягу.

Правда, природная склонность, предоставленная сама себе и причастная рассуждению, не только не полезна, но в большинстве случаев и откровенно вредна. При этом чем сильнее природная тяга и чем меньше она связана с размышлением, тем больше от нее бывает вреда. Совсем другое дело, если такая тяга сопряжена с рассуждением и сознательным выбором; единство с последними увеличивает достоинства добродетели и делает ее совершенной. Лишь при взаимодействии природной тяги с разумной деятельностью они многократно усиливают и развивают друг с друга. Природный порыв к добродетели содействует укреплению разумной добродетели, но сам без помощи ума не может перейти из возможности в действительность и стать добродетелью. С другой стороны, без природного порыва рассуждение и свободный выбор не достигают состояния совершенной добродетели. Только из синтеза неосознанного стремления (душевного склада) и осознанной разумности формируется действительная добродетель, когда верно направленный

ум согласуется с движениями чувств, а движения чувств согласны с умом. В этом случае ум и чувства придут в соответствие друг с другом, так что уму станет свойственно всегда приказывать лучшее, а верно направленным чувствам — легко выполнять все, что бы ни приказал им ум. Повторение одинаковых поступков закрепляет природное стремление, переводит его в состояние привычки и тем самым порождает соответствующие нравственные устои.

Вообще говоря, отличие аристотелевской трактовки природы этических добродетелей от платоновской или сократовской весьма радикально. Аристотель не только не абсолютизировал роли способности мышления, но даже несколько принижал ее в сравнении с природными порывами. С его точки зрения, не ум есть начало и руководитель добродетели, а, скорее, движение чувств. Сначала должен возникнуть какой-то неосмысленный порыв к прекрасному, а затем уже ум произносит приговор и судит. Все это можно наблюдать у детей и животных: у них вначале без участия ума возникают порывы чувств к прекрасному, и потом уж ум, соглашаясь с ними, помогает совершать прекрасные дела. Но не так обстоит дело, когда стремление к прекрасному берет свое начало только в уме: не подготовленные или вообще не имеющие склонности к добродетели чувства могут не следовать за ним в полном согласии [2, 57–64].

Литература:

1. Платон. Диалоги. Мысль, М., 1986.
2. Аристотель. Никомахова этика. Издательство «ЭКСМО-Пресс», М. 1997.

Истинное значение слова как основа деятельности человека

Макеева Инна Александровна, учитель иностранных языков
МБОУ гимназия САН г. Пензы

Макеева Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент
Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

Известно, что в сознательной целесообразной человеческой деятельности очень большое значение имеют ясность и правильность усмотрения цели. Неправильная цель способна увести человека помимо его воли в неверном направлении. Эффективность поступков, т.е. совпадение желаемого и получаемого, зависит, таким образом, от представлений, на которые деятельность опирается. Наши обычные представления состоят из мыслей, имеющих вид значений слов, и чувственных образов, которые человек получает от вещей, обозначаемых данным словом [1, 351]. Поскольку чувственный опыт у людей многообразен, то каждый из них в зависимости от своего чувственного опыта связывает со значением того или

иного слова какой-то определенный чувственный образ. Получается, что одно и то же слово у многих людей способно вызывать разные образы, которые они ошибочно отождествили с самим значением слова. Многообразие чувственного опыта, которое человек не в состоянии отличить от чистого значения слова (чистой мысли), становится тем самым основанием для многозначного использования наших представлений и неоднозначности наших поступков.

Ни один из чувственных образов, которые человек ошибочно отождествляет со значением слова, не выражает точно всей полноты (глубины) того явления (явлений), которые обозначаются данным словом. Пред-

ставление, в котором частный чувственный образ отождествлен со значением слова, неизбежно будет неточным и неполным, он будет иметь лишь частный, относительный характер.

Может быть, и не было бы в этом ничего плохого, но неточные и неполные, всего лишь относительные представления имеют способность становиться основанием неточных (не тех, каких ожидали) действий и, шокируя этим своего «владельца», приводить не к тем результатам, к которым человек стремился. Если кто хочет действовать, к примеру, справедливо, он обязательно должен знать, что такое справедливость, причем справедливость как таковая, в абсолютном смысле (не то, что в одном случае и для одного человека справедливо, а в другом и для другого — нет, а то, что справедливо всегда, для всех и везде). Если же строить свою деятельность в соответствии с относительным представлением о справедливости, то следствия ее окажутся в лучшем случае в такой же степени справедливыми, в какой и несправедливыми. Ведь в случае незнания того, что такое справедливость сама по себе, не знаешь также и несправедливости, не сможешь отличить их друг от друга и почти наверняка перепутаешь, а потому, субъективно стремясь к одному, объективно достигнешь также и иного. Так именно и действует большинство, опираясь лишь на относительные мнения, и потому поступает несправедливо, может быть, даже чаще, чем справедливо. Возможен, конечно, справедливый поступок при неясном или даже неправильном понимании справедливости, но он в таком случае совершится неосознанно, либо случайно. Сознательно же, следовательно, по необходимости, прийти к справедливости можно лишь зная, что она есть сама по себе.

Многозначность чувственного опыта, попав в сферу речи, может стать причиной ошибочности практических поступков. Для того чтобы поведение человека производило только добро, нужно исследовать наши представления на предмет их добротности — ясности, точности, однозначности слов, потому что именно сквозь их призму мы смотрим на вещи и именно на них основываем свои сознательные поступки. И если возможно, стоило в самом мышлении найти такие его формы, которые могли бы быть гарантией и критерием истинности представлений и добродетельности поступков.

Многозначность человеческого чувственного опыта и основанную на ней многозначность слов софисты активно использовали в качестве орудия победы над своими противниками. Чтобы не совершать ошибок в деятельности самому и чтобы не становиться жертвой софистических приемов, следует расчищать значения слов, освобождать их от чувственно воспринимаемых элементов и тем самым от их многозначности. В противоположность софистам, которые культивировали многозначность слов и утрату речью определенности и ясных очертаний, превращали ее в нечто невысказанное (противоречивое, апокрифное), Сократ искал способ обуздать речь (мысль), дать

ограничения значениям слов, т.е. определить мысль (положить ей предел) — найти одно единственное, но самое фундаментальное значение слова. Именно определения и должны были выполнять функцию однозначной связи мысле-речи с действительностью и дать человеку знание вместо мнения.

Множество принадлежащих разным людям представлений об одном предмете, содержат в себе, несмотря на различия, одно свойство или признак, который обнаруживается в каждом из них. Это важнейшее свойство (состояние, признак и т.п.) Сократ считал самостоятельным представлением, которое, будучи одним, лежит в основе множества однородных представлений. В этом основополагающем представлении данное свойство представлено само по себе, без связи с какими-либо иными свойствами. Напротив, во множестве производных от него представлений указанное свойство пребывает в виде общего, как бы разлитого, растворенного в них признака, обеспечивая их подобие друг другу. Этот признак присутствует в каждом из подобных представлений, но ни в одном из них он не существует безотносительно, сам по себе, в чистом виде, в силу чего любое такое мнение может обладать как данным свойством, так и противоположным. Обычное сознание, застревающее на уровне явлений, фиксирует эту относительность и формирует лишь мнение об исследуемом признаке, столь же относительное и легко переходящее от одной крайности к другой.

Сократ, изображенный в платоновском диалоге «Гиппий Большой», пытается выяснить вместе с софистом Гиппием, что такое прекрасное. На все наводящие вопросы Сократа Гиппий дает частные ответы, касающиеся только явлений, но не затрагивающие сущности прекрасного («прекрасного самого по себе») и потому относительные. Свойство прекрасного присутствует относительно, зависит от условий и выбранной точки зрения и потому может быть, а может и отсутствовать в вещи. Сократ призывал Гиппия отвлечься от проявлений и найти такой случай, в котором искомое свойство было бы представлено без исключений, не относительно, а абсолютно, не в связи с чем-то иным, а само по себе. Если такое представление оказывается найденным, то его неотъемлемые свойства по необходимости фиксируются в отвлеченном понятии (отвлеченном от всех конкретных проявлений), которое Сократ и называл знанием. Последнее тем и отличается от мнения, что в нем искомое свойство фиксируется безотносительно, само по себе, в чистом виде. Безотносительность и беспримесность того или иного свойства или вещи, выраженные в отвлеченном понятии (чистом значении слова), служили гарантией устойчивости его содержания, исключая возможность его перехода при изменении условий или точки зрения от одной противоположности к другой.

Содержание отвлеченного понятия, выражающее сущность того или иного предмета, не дано познающему

субъекту непосредственно в отличие от чувственно воспринимаемых характеристик вещи. Как сущность проявляется во множестве предметов, с трудом пробиваясь сквозь толщу переплетенных случайных свойств, так и содержание отвлеченного понятия не лежит на поверхности, а скрывается за данностью многообразно связанных друг с другом чувственных элементов представления. Человек, как правило, отождествляет сущность с ее проявлениями и не имеет понятия о том, что собой представляет сущность вне своих частных состояний.

Изображенный Платоном в диалоге «Федон» Сократ говорил, что он принял за благо считать истинным то, что соответствует отвлеченным понятиям, под которыми он вполне по-элейски понимал мысли, освобожденные от чувственного материала. Очевидно, что Сократ стремился реализовать методологию Парменида, однако сделать это оказалось далеко не просто. В некотором смысле элейцам было значительно легче работать с отвлеченными понятиями, поскольку их теоретическая установка не предполагала реализации их понятийного аппарата в конкретной практической деятельности человека, более того, она категорически ее отрицала. Пармениду достаточно было просто мыслить сущее логически строго и точно, чтобы реализовать свои теоретические установки; Сократу же требовалось не только отвлеченно определить регулятивы человеческой деятельности, но сделать это таким образом, чтобы они имели смысл для «чувственно воспринимаемой» деятельности.

Элейская школа, как известно, показала, что между отвлеченным мышлением и чувственным восприятием нет точек пересечения, что обе области не имеют значения друг для друга, а их совмещение чревато противоречиями. Постэлейская философия направляла свои усилия на нахождение той сферы, в которой отвлеченное мышление и чувственное восприятие были бы тождественны, но ее усилия не увенчались успехом. Сократ философствовал в этом же направлении, с той только разницей, что он искал точку пересечения этих сфер не в вещественных стихиях, а в человеческой деятельности.

В самом деле, логически строго мыслить — значит мыслить в точном соответствии со значением слов. Справится с этой задачей в чисто логическом плане после примера элейской школы уже не представляло серьезного труда. Именно эта отвлеченная форма мышления и называлась элейцами истиной. Но как можно отвлеченно-логически, в соответствии с требованиями элейского мышления, определить «добро само по себе», «прекрасное само по себе», «справедливое само по себе» и т.п.? Определить так, чтобы в содержании каждого из этих понятий не «закралось» что-то отличное от них, чтобы в добре самом по себе не оказалось чего-то не доброго, а в прекрасном — чего-то не прекрасного. Любая конкретизация, любая связь с неабстрактными обстоятельствами может означать, что нечто определя-

ется через то, чем оно не является, и вместо знания получится мнение. Едва ли не самая сложная проблема в этой отвлеченно-мысленной работе состояла в том, чтобы продемонстрировать, как полученные наиабстрактнейшие определения могли служить основой для практической чувственно воспринимаемой деятельности человека.

Сократ не собирался отвлеченное мышление перенести на чувственно воспринимаемые вещи, но он хотел, чтобы этому мышлению подчинялась чувственно воспринимаемая человеческая деятельность. Он хотел, чтобы отвлеченное мышление стало стимулом для чувственной деятельности. Хотя мышление и не имеет адекватного себе предмета, хотя оно и вынуждено соотноситься с не похожими на него чувственно воспринимаемыми вещами, в нем тоже есть некоторая достоверность: мы на опыте (причем чувственном) видим оправданность и правильность тех или иных рассуждений, поскольку продуманные действия оказываются более полезными и более успешными, чем непродуманные. Такая практическая полезность мышления свидетельствует о том, что мышление что-то все-таки отражает в вещах и позволяет предполагать возможность поиска достоверности также и в формах мышления.

Сократ был убежден в том, что в основе множества частных представлений об одном объекте лежит представление универсальное, единое в них и общее для них всех. Оно суть такое же реальное единичное представление, как и те, которые на нем основываются; разница между ними состояла лишь в том, что оно есть чистая мысль, тогда как многие частные представления (мнения) являются соединением этой чистой мысли с чувственно воспринимаемым содержанием. Сократ был убежден в том, что «за спиной» каждого мнения стоит знание, он предполагал, что чувственный элемент мнения и его отвлеченно мысленный элемент должны быть в чем-то едины, должны общаться. Задача определения состояла в том, чтобы выделить отвлеченно мысленный элемент, обособить его от чувственного, от среды его проявления, сделать его ясным, чтобы практическая деятельность человека могла осуществляться с опорой на сознательное использование знания.

Это не элейское, а именно Сократово изобретение — искать во многих представлениях одно как их основание. Элейцы не предполагали, что чистая мысль и чувственное восприятие могут быть едины и в состоянии общаться друг с другом. Если иметь в виду объективный итог учения, то нужно признать, что чистая мысль и чувственное восприятие существовали у элейцев параллельно, не пересекаясь. Ну а если пересечения случались, то они грозили апориями.

Сократово изобретение имело очень мощный эвристический ресурс. Любому желающему, кто захотел бы в будущем поставить перед собой вопрос об отношении слов к вещам, достаточно было воспользоваться сократовским методом создания определений, и то, что Сократ проде-

лывал со словами, сделать теперь уже с самими вещами. Это использование Сократовой методологии по отношению к другому, нежели речь, предмету, грозило быть очень продуктивным и по сути обрекало того, кто пошел

бы этим путем, на обнаружение чисто мысленного содержания уже не только в словах (точнее, мнениях), но и в самих вещах. Намеченный путь оказался именно тем, каким пошел Платон.

Литература:

1. Макеева, Е. А. — Исторический и личностный смысл познания // Вестник Казанского технологического университета. — 2014. — Т. 7. — № 1. — с. 351–353.

Единство мира и мышления в философском сознании

Макеева Инна Александровна, учитель иностранных языков
МБОУ гимназия САН г. Пензы

Макеева Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент
Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

Появление философии следует рассматривать как необходимое для духовной жизни человечества. Предмет философии включает в себя прежде всего понимание самой насущной для человека темы — отношения бессмертного и смертного, бесконечного и конечного, вечного и временного, словом, абсолютного и относительного.

Аспекты отношения абсолютного и относительного, первоначала и произведенной им реальности, предполагает обстоятельное изучение вопроса о том, что собой представляет изначальная реальность, по каким законам она живет и как порождает множество конечных предметов. Уяснением именно этих моментов и занималась философия с самого своего возникновения. Из предмета философии как из единого корня вырастают вся ее проблематика и весь ее инструментарий — понятия и категории. Философские категории легко узнаются и отличаются от любых других категорий тем именно, что их происхождение и функционирование связано прежде всего с описанием способов связи бесконечного и конечного. К примеру, категории качества, количества и меры, а также их связь, выраженная в законе превращения количественных изменений в качественные, в генезисе своем представляли собой те формы, с помощью которых древнегреческие физики пытались смоделировать процесс превращения единого первоначала в мир многообразных конечных предметов.

Неизменность предмета философии не исключала возможности рассматривать сквозь его «призму» различные объекты, которые могли привлекать внимание мыслителя в зависимости от того, какой аспект отношения вечного и временного был важен и интересен для человека в тот или иной период истории. От исследования подвижных начал переходили к изучению неподвижных, от познания начал вообще обращались к анализу самого познания и т.д., но всегда за этими многообразными формами в ка-

честве их основы стояло коренное для философии отношение абсолютного и относительного, начала и обусловленного им. И если вдруг абсолютное по каким-то причинам переставало интересоваться человека и он рассматривал конечные предметы сами по себе, а не через призму абсолютного, то в этом случае исследование утрачивало философский характер.

В большей или меньшей степени проблема вечного и временного интересовала и интересует человека с точки зрения его непосредственных переживаний. Поэтому непосредственный контакт с подлежащим познанию предметом является самым предпочтительным благодаря своей достоверности и надежности. Лишь в непосредственном, личном переживании открывается человеку та или иная сфера бытия, и он видит себя присутствующим в ней. Пока человек сам не узнает, что такое любовь, вкус, цвет, отвлеченная мысль и т.п., любая информация об этих вещах будет для него бессодержательной и абстрактной.

Несмотря на все достоинства личного опыта, человек не имеет возможности непосредственного переживания бесконечного, вечного, бессмертного первоначала всего сущего, в его распоряжении просто нет таких способностей непосредственного переживания, с помощью которых он смог бы это сделать. В непосредственном опыте человек имеет дело лишь с фрагментом реальности, лишь с конечным, тогда как все совокупное бытие или само абсолютное, вечное и бессмертное в опыте непосредственно ему не даны; в силу этого для человека всегда остается открытой проблема того, что находится за границами непосредственно воспринятого. Следует добавить, что опыт непосредственных восприятий у людей (даже у одного и того же человека в разное время) далеко не одинаковый и нуждается в сравнении и анализе. Кроме того, всегда сохраняется возможность иллюзии и самообмана. Понимание указанных

обстоятельств существенно снижает степень надежности непосредственных переживаний. Недоверие к непосредственно данному и сомнение в его самосущности побуждает человека заглянуть по ту сторону воспринимаемого, увидеть породившие его причины, побуждает в себе самом искать надежные критерии, с помощью которых можно отличить истинные и достоверные знания о начале всего от иллюзорных представлений о нем [1, 352].

Выход же за пределы непосредственного осуществляется, по-видимому, разными способами, в том числе и с помощью мышления. Объект познания дан нам сквозь призму мышления и потому не только от самого объекта, но и от субъекта, от его познавательных форм и их зрелости зависит то, какие именно стороны и свойства объекта будут замечены и поняты. Если сознание не рассматривать как чистый лист бумаги, без собственной структуры и задатков, без врожденных человеку способов деятельности, которые не формируются из небытия в акте познания, а лишь своеобразно обнаруживаются в нем, то следует признать, что объект, каким он предстает в теории, это прежде всего объективация наших познавательных способностей.

Философское сознание очень рано уяснило, что его понятия и категории представляют собой не только способы связи всеобщего начала с его метаморфозами, но и формы мышления этой связи. И для правильного постижения предмета далеко не безразлично то, как относятся друг к другу формы бытия предмета и формы нашего знания о нем. Их совпадение и однородность делают возможным познание, а осознание их существенного различия способно вызвать сомнения и породить скептицизм. Поэтому философия, как правило, стремилась к объединению двух моментов: к выявлению единства мира и к выявлению единства мира и мышления [2, 56].

Формы мыслящего опосредования двояки: во-первых, это рассудок, а во-вторых, разум. Каждая из них имеет свои, преимущественно ей свойственные, предметные сферы и способы деятельности. Разум и его «предшественник» — рассудок, набравший силу значительно раньше, являются формами одного и того же мышления, а потому сущность их одна и та же: они сводят многообразное к единству. Мышление оправданно считать сведением многого к единому. В самом деле, когда мы составляем умозаключения, мы складываем некоторое множество суждений в одном заключении; когда мы считаем, то складываем определенное множество слагаемых в одну сумму; когда мы составляем суждение и называем какой-то чувственно воспринимаемый предмет (или множество предметов) одним словом, то мы объединяем множество чувственных восприятий (от какого бы количества предметов они ни исходили) одним значением слова. При этом множественность имеет свой источник в чувственном восприятии, а единство производится мышлением. Можно пренебречь соображением о том, что в про-

цессе мышления одновременно участвуют аналитическая и синтетическая формы деятельности. Это действительно так, но мышление устроено таким образом, что его смысл и задача — прежде всего единство, объединение многого. Даже когда единое в мышлении разлагается на многое, например, из числа извлекается квадратный корень, мышление все равно объединяет (связывает, устанавливает связь, т.е. единство) делимое, делитель и результат деления.

Тем не менее различие между ними есть, и весьма серьезное. Они по-разному видят свой предмет — связь множественности и единства, делают разные акценты и оценки. Рассудок, как первое мыслящее отрицание чувственности, гораздо теснее, чем разум, связан со сферой непосредственного — с чувственностью, множественностью и конечным.

Рассудок формируется тогда, когда сфера чувственного восприятия в основных своих формах уже сложилась, когда сознание уже привыкло переживать чувственно воспринимаемые предметы как настоящую реальность. Каждая вновь пробуждающаяся способность имеет в качестве объекта своей активности ту способность, которая до нее уже сформировалась. Так, восприятие есть способ переживания ощущений, воображение есть определенное манипулирование данными восприятия, рассудок, как мышление, направлено на обработку данных чувственности в целом. Каждая предшествующая способность может существовать до и без существования последующей способности, но каждая последующая способность не в состоянии существовать самостоятельно без предшествующей способности. Предшествующая способность представляется «почвой», на которой стоит и без которой не в состоянии иметь место последующая способность. Непосредственное восприятие таких отношений между способностями формируется в раннем детстве и в подавляющем большинстве случаев сохраняется в течение всей человеческой жизни, создавая предпосылки для определенного — рассудочного — типа мировидения.

На фоне этой привычки переживать чувственно воспринимаемое первичным и «по-настоящему» существующим рассудочная способность высказывать слова о чувственно воспринимаемых вещах выглядит некоторой несамостоятельной второстепенной надстройкой. Чувственно воспринимаемое рассматривается рассудком как его опора, а себя он видит как мысль о чувственно воспринимаемом (о «многом»). Он видит непосредственно данное чувственно воспринимаемое как свой фундамент, как то, без чего рассудок не в состоянии существовать, как то, ради чего он (рассудок) имеет место. Не будь чувственных восприятий, рассудку не о чем было бы высказываться. Как бы высоко в своих абстракциях рассудок ни поднимался, он обречен считать чувственно воспринимаемое единственно подлинной и по-настоящему существующей реальностью, более важной, чем само мышление. Мышление

для него — это всего лишь мышление, что-то субъективное, не глубинное, не «настоящее». При конфликте чувственного восприятия и мышления рассудок склонен занять сторону первого, а не второго, и в противостоянии множественного и единого высказаться в пользу многого. Мир предстает ему как бесконечное множество разнообразных, конечных, обособленных друг от друга, главным образом чувственно воспринимаемых предметов, единство которых он не отрицает, но считает производным от множественности.

Разум заявляет о себе как о полной противоположности рассудка. Он есть вторая способность мышления, которая развивается вслед за рассудком и на основе рассудка, так что последний есть «почва» для разума. Не чувственно воспринимаемое, а рассудочное мышление является фундаментом для разума, оно ему непосредственно дано, оно для него более реально, оно для разума является существующим по-настоящему, на него направлена разумная активность. Это обстоятельство весьма важно, поскольку оно указывает на то, что разум нигде и никогда не имеет непосредственного контакта с чувственно воспринимаемым, непосредственно он взаимодействует только с мыслью (рассудком). Чувственно воспринимаемое дано разуму не непосредственно, а преломленным через мысль рассудка об этом чувственно воспринимаемом; чувственно воспринимаемое доходит до разума только в форме мысли. Поэтому сама чувственная воспринимаемость вещей представляется разуму видимостью, чем-то кажущимся. При конфликте чувственного восприятия с формами мышления разум всегда примет сторону последнего. Он смотрит на многое и конечное сквозь призму единства мысли и видит прежде всего именно единство, теряя при этом из виду множественность. Разум отвлекается от множественности, представляющейся ему нереальной и несамостоятельной, и сосредоточивается на единстве, которое только и считается им поистине сущим. Лишь достигая разумной фазы, человек может мыслить противоположности (множество) тождественными (одним).

Одним словом, в отношениях рассудка и разума все строится как бы по законам оптики. Сосредотачиваясь на том, что находится на переднем плане (чувственность, обособленность, многое — то, чему симпатизирует рассудок), мы невольно теряем отчетливость восприятия предметов отдаленных; но стоит только изменить фокус и перенести внимание в даль (сверхчувственное, слитное, единство — объект почитания разума), как резкость и ясность оказываются присущими отдаленному плану, тогда как близкие предметы теряют свои правильные очертания, расплываются, сливаются и делаются трудноразличимыми. То, что считает реальным рассудок, разуму представляется видимостью; напротив, реальное для разума рассудком воспринимается как иллюзия. В логическом отношении рассудок и разум тоже противоположны. Рассудку, поскольку он генетически связан с множественностью, бросаются в глаза прежде

всего различия. Он есть способность «различающая». Простейшее действие рассудка — составление суждения — завершится производством противоположностей. Высказывание, например «это стул», указывает не только на то, что именно есть данный предмет, но и на то, чем он не является. Любое определение есть отрицание. Высказав нечто об одном предмете или классе предметов А, рассудок тотчас же формирует и противоположный класс предметов не-А. По-другому он действовать не может. Отождествление же созданных противоположностей ему дается труднее, чем их производство. Тождество двух противоположных логических классов (например, «белое» и «не белое») он поймет скорее формально, как всего лишь общее понятие (например, «цвет вообще»), а не как цветовую реальность, которая действительно есть тождественное в белом и не белом.

Разум есть способность мышления, нацеленная именно на единство, он есть способность преимущественно «отождествляющая». Противоположности, усмотренные и помысленные рассудком как именно противоположности, он стремится отождествить, для чего строит уже не суждение, а умозаключение. Он видит различия, но пренебрегает ими, отыскивая в противоположностях фактическое единство.

Если мышление и в самом деле есть процесс сведения многого к одному, то множественность здесь оказывается в положении исходного пункта движения мышления, тогда как единство скорее похоже на цель, к которой мысль должна прийти. В этом случае оказывается, что у рассудка «лучше» будет получаться мышление того, что находится в положении исходного пункта движения от многого к одному, а разуму больше должно удаваться обхождение с целевыми состояниями.

Совсем иначе смотрит на дело философское сознание. Здесь порожденное множество не считается самостоятельным по отношению к порождающему единству, и хотя множество обособленных друг от друга и от своего начала предметов налицо, философ смотрит на него так, как будто его нет. Для него существует только одно, и кроме одного ничего нет. Именно так нужно понимать центральный тезис философии «все есть одно». Все есть не более чем одно, оно только кажется чем-то отличным от одного, обособленным и самостоятельным, а по сути, поистине, множественности нет. Возникновение обособленных предметов и возвращение их в свою основу никаких существенных изменений в последней не производит, потому вполне можно сказать, что на уровне сущности никаких рождения и гибели нет.

Такой образ мышления вполне можно считать философским, а историческое начало философии связывать с тем воззрением, которое впервые окажется в состоянии сформулировать свое кредо в виде положения, близкого по содержанию тезису «всё есть одно».

Разумное мышление суть та способность, которая производит философский взгляд на вещи. Но в реальном по-

знавательном процессе разум, рассудок и чувственность переплетаются друг с другом, могут уступать и вытеснять друг друга, могут перехватывать инициативу. Тогда отно-

шения между ними перепутываются, и требуется анализ, способный определить каждой из способностей ее настоящее место.

Литература:

1. Макеева, Е. А. Исторический и личностный смысл познания // Вестник Казанского технологического университета. — 2014. — Т. 7. — № 1. — с. 351–353.
2. Чанышев, А. Н. Начало философии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.

Духовное наследие как мировоззренческий фактор

Сапаров Бердияр Болтабаевич, старший преподаватель
Ташкентский государственный аграрный университет (Узбекистан)

Развитие современного общества обусловлено множественностью факторов, среди которых мировоззренческий фактор, проявляющийся в знании культурного, духовного наследия общества, занимает особое место. Сегодня наследие прошлого воспринимается как высокое духовное начало, обладающее ценностной базой для формирования культурных процессов и моральных устоев. Несомненно, и то, что наследие прошлого, органично входя в современность, определяет ведущие тенденции развития сегодняшней культуры. С этой точки зрения изучение эволюции духовного наследия эпохи Возрождения на Востоке представляется актуальным.

Как известно, Средняя Азия находясь на перепутье Великого шёлкового пути, была связной зоной между Востоком и Западом. До ислама в Средней Азии сосуществовали зороастризм, буддизм, манихейство, христианство, маздакизм и первобытные формы верований среду полукочевой части населения. И в культуре этого региона нашло своё отражение искусство и философия различных народов.

Поэтому, на наш взгляд, эпоха Возрождения Востока — это результат концентрации опыта и творчества поликультур.

В частности, с 3-го века до нашей эры и до раннего средневековья важное значение имел процесс эллинизации, определивший основную линию развития философской и художественной культуры Средней Азии. Взаимовлияние привнесённых культур, соединившись с местными традициями, образовали органический сплав и дали миру уникальную культуру. В IV–VI веках в Средней Азиатской неповторимой культуре были широко распространены согдийские, хорезмийские, уйгурские и тюркские письмены. Были высоко развиты изобразительное искусство, культура, театр и другие виды искусства. Об этом свидетельствуют фрески Афросиаба и Пенджикента, находки археологических раскопок Айртама, Халчаяна, Дальверзинтепа, Еркургана и многих других.

Новый этап подъёма искусства Средней Азии приходится на VI–VIII века, когда местное позднеантичное наследие, осложнённое позднеимскими, индийскими, византийскими влияниями, находилось в родстве с ирано-сасанидскими и тюркской культурой. [4]

Вхождение Средней Азии в состав арабских халифатов со второй половины VIII века порождает новый тип культуры, который можно назвать как исламский. Он примечателен тем, что является сложением в системе средневековой арабско-мусульманской культуры эллинизированной философии (фалсафа). Заимствованное арабское письмо, арабский язык значительно обогатили науку и литературу. Высокие традиции художественной культуры покорённых народов Средней Азии становится базой эстетических воззрений ислама. В частности, арабы сталкиваются с необычайно устойчивой традицией изобразительности. Изображения людей и животных сопровождаются кораническими текстами.

Всемирной известностью, как феномен исламского типа культуры, обладает архитектура XIV–XV веков. Это памятники монументального зодчества Самарканда, Шахрисабза и Бухары. К приёмам построения того времени можно отнести арочные конструкции, перекрывающие огромные площади, здания мечетей, которые украшались не только изнутри, но и снаружи. Обычно для этого использовались фаянсовые изразцы, из которых выкладывались сложные мозаичные узоры.

Изображение людей и животных не приветствовалось исламом. Поэтому интерьеры украшались резьбой по камню, мозаикой из цветных камней и носили в основном характер растительного орнамента. Кружевная резьба и красочные рисунки создавали впечатление лёгкости тяжёлых каменных конструкций. Кроме того, в орнамент, украшающий постройку, искусно вписывались изречения из Корана или зашифровывалось имя автора или его послание к потомкам. К примеру известный астроном и правитель того времени Улугбек над входом в медресе велел

сделать надпись: «Учиться — святая обязанность каждого мусульманина и мусульманки». Это было неслыханно, ибо тогда обучение девочек было большой редкостью.

Особое внимание привлекает Среднеазиатская миниатюра. В связи с особенностями религии единственным жанром, где допускались изображения людей и животных, была книжная миниатюра. Там выписывались сцены из народной жизни, сражения, далёкие страны со сказочными животными.

Под влиянием ислама, воздействием высокого уровня математических наук, получивших отражение в геометрической гармонизации, особого склада эстетических воззрений, сложившихся в исламской философии, орнамент Среднего Востока приобрёл вид «арабесок», где выражена абстрактность мышления средневекового художника, выражавший своё понимание красоты. В орнаментальных символах были заключены неподвластные законы природы, представления о бытии.

Современная наука этого региона также имеет свою долгую и славную историю. Становление науки как особой сферы духовной деятельности в Средней Азии восходит к периоду появления первых учёных-энциклопедистов.

Усилиями халдейских жрецов, магов Древнего Египта, мыслителей Древней Греции формировались первые теоретические представления о явлениях окружающего мира, логические и математические абстракции, а также методы познания бытия.

Но расцвет естественнонаучной мысли в истории Средней Азии приходится на IX—XII века. Выдающиеся ученые Аль-Хорезми, Аль-Фергани, Аль-Фараби, Аль-Бируни, Ибн-Сина и многие другие своими трудами прославили Центральную Азию на весь мир, обогатив сокровищницу знаний своими научными трудами.

Своими естественнонаучными, особенно математические трудами прославился на весь мир Мухаммаду аль-Хорезми. Среди них особое значение имеют «Книга сложения и вычитания по индийскому способу» и «Краткий курс исчисления ал-джабр и вал-мукабала». Первая книга Хорезми посвящена арифметике, другая — алгебре. Он первым обосновал и ввёл в обиход десятиричную позиционную систему исчисления, знак нуля и полярные координаты, что стало поворотными пунктами в развитии математики и астрономии. В багдадском «Байт ал Хикма» — «Доме мудрости», этой первой академии Востока, под его руководством трудились выдающиеся учёные.

Учёный создал алгебру как науку, разработал чёткие правила изложения научных сведений и трактатов, был автором многих работ по астрономии, географии и теории климата. Заслуги Аль-Хорезми в развитии мировой науки общепризнаны, его имя и сочинения, единственные среди учёных Средневекового Востока, увековечены в современных научных терминах, таких, как «алгоритм» и «алгебра».

Учёным-энциклопедистом известен на весь мир Абу Наср Фараби, именуемый ещё под титулом «Аристотель Востока».

Период деятельности Фараби совпал с периодом бурного развития арабской культуры. Он был непревзойденным, всесторонне развитым ученым. Им было создано более 160 произведений, посвященных различным отраслям науки. Их можно разделить в основном на две группы: труды, посвященные комментариям, пропаганде и исследованиям греческих философов, естествоиспытателей, и труды, созданные по различным областям науки. Фараби написал комментарии к произведениям древнегреческих мыслителей — Платона, Аристотеля, Евклида, Птолемея, Порфирия и т.п. Особенно популярны его комментарии к «Алмагесту» Птолемея. Весьма большой популярностью Фараби пользовался как астроном и астролог. Он астрономию относит к категории высокой педагогической (воспитательной) науки наряду с арифметикой, геометрией и музыкой. Известны труды Фараби по физике и общему естествознанию. В научной литературе приводятся факты о том, что учеными того времени ему были заданы 46 вопросов, касающихся физики и основ естествознания.

Выдающийся учёный, энциклопедист средневекового Востока Абу Рейхан Мухаммад Ахмад Бируни сделал большой вклад в развитие естественнонаучной мысли народов Центральной Азии. Из более чем 150 научных трудов Бируни до наших дней дошла только 31 работа, но даже те отрывочные сведения, которыми мы располагаем, показывают многогранное наследие, которое он оставил. Бируни первым предложил оригинальную теорию морей и построения сферического глобуса Земли, рассчитал земной радиус, объяснил наличие вакуума, предсказал за 500 лет до Колумба существования материка за Тихим и Атлантическим океанами, впервые разработал классификацию минералов и теорию их происхождения, заложил основы науки геодезии [2]. Не случайно историки естествознания во всём мире называют 11 век «веком Бируни».

В истории развития естественнонаучной и философской мысли Центральной Азии особое место занимает Абу Али ибн Сина. Абу Али Хусейн Ибн Абдуллах ибн Хасан Ибн Али ибн Сина жил и творил в период развития феодальных общественных отношений и духовной культуры народов Средней Азии. Он относится к плеяде тех титанов средневековой культуры, которые по силе духа, энциклопедичности ума, научно философским запросам и устремлениям родственны великим деятелям эпохи Возрождения. Ибн Сина необычайно разносторонний мыслитель, философ, политик, астроном, алхимик, врач, поэт и музыкант, представитель восточного аристотелизма, не чуждый онтологических концепций неоплатонизма.

О высочайшем развитии науки свидетельствует создание в 1010 году, при правлении шаха Хорезма Абулаббаса Мамуна, собрание учёных, получившего название «Академия Мамуна».

Особого расцвета наука и культура Средней Азии достигла в XIV—XV веках. Освобождение от власти Чингизидов, единение региона, образование централизо-

ванного государства Тимуридов дало толчок подъёму духовности. В эту эпоху жили и творили такие великие учёные и мыслители как Мирзо Улугбек, Казы-Заде Руми, Али Кушчи, Алишер Навои, Абдуррахмон Джами, Хондамир и другие. Средняя Азия была известна своими знаменитыми медресе, многие из которых выполняли роль университетов.

Вышеизложенный краткий перечень достижений в духовной культуре, в искусстве и науке некоторых наиболее выдающихся учёных, мыслителей, поэтов Средней Азии свидетельствует о том, что задолго до Ренессанса на Западе Мавераннахр достиг ощутимых успехов. Этот исторический расцвет и сегодня служит примером и фактором воспитания высокой духовной культуры и интеллекта.

Литература:

1. Хайруллаев, М. Культура периода раннего ренессанса в Средней Азии. Т.: «Фан», 1994.
2. Булгаков, П. Г. Глобус Беруни // Общественные науки в Узбекистане. 1965. № 1.
3. Политология асослари. Ташкент: «Университет», 1992.
4. Пугаченкова, Г. А., Ремпель Л. И. Очерки истории искусств Средней Азии. М., 1988.

Молодой ученый

Международный научный журнал
Выходит два раза в месяц

№ 17 (121) / 2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметов И. Г.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Абдрасилов Т. К.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Калдыбай К. К.
Кенесов А. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матвиенко Е. В.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Паридинова Б. Ж.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.
Фозилов С. Ф.

Яхина А. С.

Ячинова С. Н.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Ахмеденов К. М. (Казахстан)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игиснинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Г. А.
Ответственные редакторы: Осянина Е. И., Вейса Л. Н.

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я., Голубцов М. В.,
Майер О. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

почтовый: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;

фактический: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Подписано в печать 26.09.2016. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25